

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 17

2020

№ 1

ПУБЛИКАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

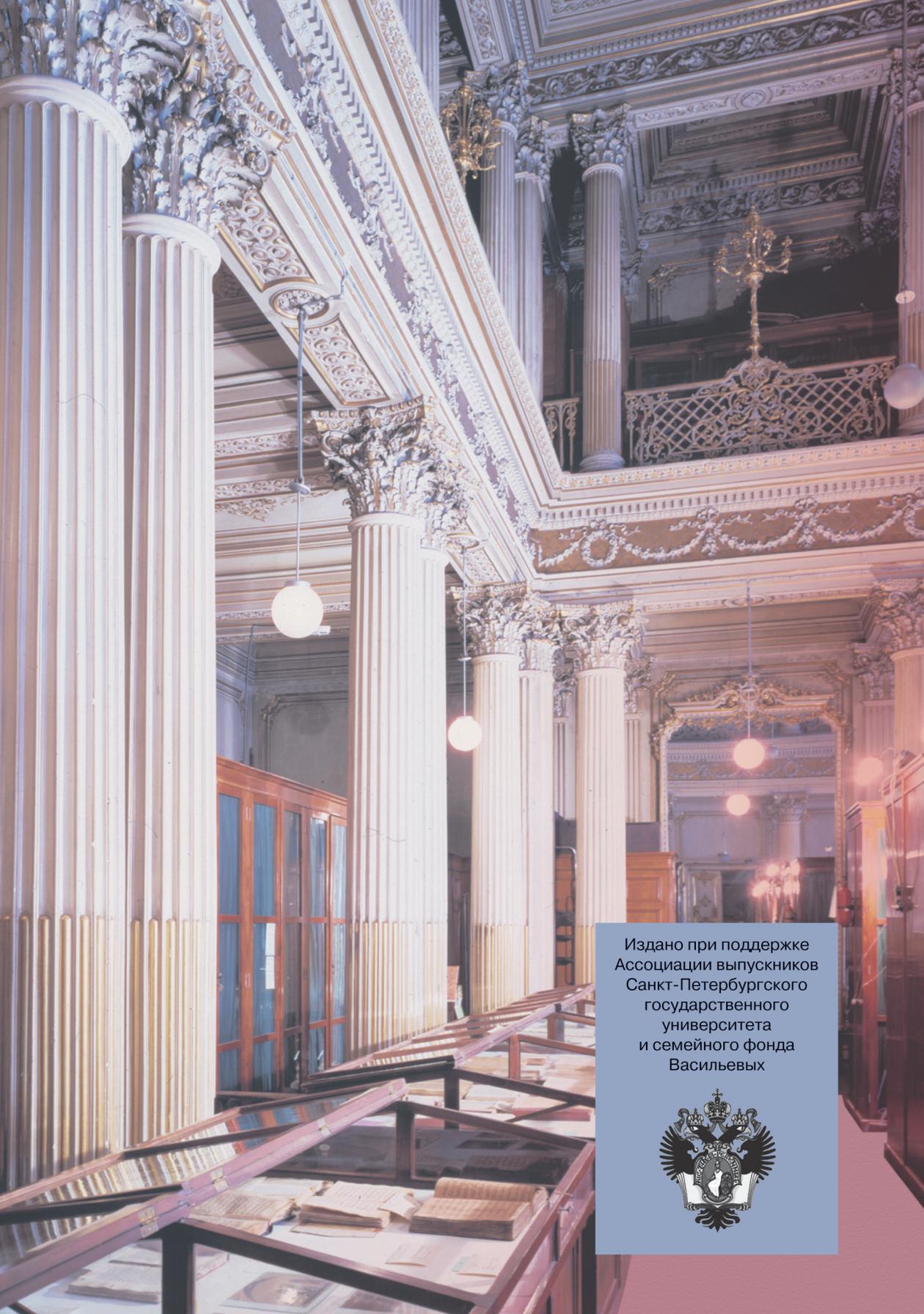

РЕЦЕНЗИИ

IN MEMORIAM

Издано при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного
университета
и семейного фонда
Васильевых

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 17, № 1

ВЕСНА

2020

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 40

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, ФГУП «Издательство «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Наука —
Восточная литература
2020

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Т.А. Пан. Три императорских диплома *гаомин* 誥命 из коллекции ИВР РАН **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

М.М. Юнусов. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. VI. Дешифровка финикийского алфавита: Ж.-Ж. Бартеlemi и Дж. Свинтон **21**

Ю.А. Иоаннесян. «Китаб-и Нуктат ал-Каф» как источник по изучению шейхизма и раннего бабизма **46**

М.Е. Кравцова. О собраниях *чуских строф*: «Чу цы чжанцзюй» Ван И (II в. н.э.) **56**

С.Л. Бурмистров. Типология буддийских дидактических текстов в «Компендиуме Абхидхармы» Асанги **67**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С.М. Якерсон. «Изготовить множество книг...». Репарка к характеристике работы еврейских писцов и первопечатников **83**

В.М. Рыбаков. Танские законы, ограничивавшие самоуправство в сфере военной деятельности **92**

П.В. Башарин. Изучение раннего суфизма в отечественном исламоведении: история и перспективы **105**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

С.С. Сабрукова. Российские монголоеды А.В. и Т.А. Бурдуковы (обзор фонда из Архива востоковедов ИВР РАН) **119**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.А. Туранская. Первая международная научная конференция «Восточная рукописная книга: вопросы кодикологии и реставрации» (Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2019 г.) **135**

Д.А. Носов. Четвертая международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) (Санкт-Петербург, 12–13 февраля 2020 г.) **140**

РЕЦЕНЗИИ

Песни Великого спокойствия при южном ветре. Пер. с кор. А.А. Гурьевой. СПб.: Гиперион, 2019. — 284, [4] с. — (Ю.В. Болтач) **145**

IN MEMORIAM

Эдуард Наумович Темкин (1928–2019) (Т.В. Ермакова) **150**

На четвертой стороне обложки:
Китайский текст маньчжурско-китайского диплома В 106mss из коллекции ИВР РАН

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Volume 17, No. 1

spring
2020

Founded in 2004

Issued quarterly

Issue 40

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Corresponding Member of RAS (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Secretary **Elena V. Tanonova**, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Svetlana M. Anikeeva, Cand. Sci. (Philology) (Nauka Publishers, Moscow)

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of RAS, Ulan-Ude)

Hartmut Walravens, Professor (Staatsbibliothek zu Berlin, Germany)

Olga V. Vasilieva (National Library of Russia, St. Petersburg)

Margarita I. Vorob'iova-Desyatovskaya, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Anatoliy P. Derevyanko, Member of RAS (Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS, Novosibirsk)

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Ali I. Kolesnikov, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Alexander B. Kudelin, Member of RAS (Institute of World Literature, RAS, Moscow)

Karine G. Marandjian, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Vladimir S. Myasnikov, Member of RAS (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow)

Nie Hongyin, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology, CASS, Beijing, China)

Aliy I. Osmanov, Corresponding Member of RAS (Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala)

Stanislav M. Prozorov, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nicholas Sims-Williams, Professor (London University, Great Britain)

Takata Tokio, Professor (Kyoto University, Japan)

Nadezhda O. Chekhovich (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nataliya S. Yakhontova, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

- Tatiana A. Pang.** Three Imperial Diplomas *Gaoming* (誥命) from the Collection of the IOM RAS 5

RESEARCH WORKS

- Marat M. Yunusov.** From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. (VI) Decipherment of Phoenician Alphabet: J.-J. Barthélemy and J. Swinton 21

- Youli A. Ioannesyan.** The *Nuqtat al-Kaf* as a Source for the Study of Shaykhism and Early Babism 46

- Marina Ye. Kravtsova.** On the Collections of the Verses of Chu (*chuci*): *Chuci zhangju* by Wang Yi (2nd Century A.D.) 56

- Sergey L. Burmistrov.** The Typology of Buddhist Didactic Texts in Asanga's *Compendium of Abhidharma* 67

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- Shimon M. Iakerson.** "Making Many Books...": A Remark on the Characterization of Hebrew Scribes' and Earliest Printers' Practices 83

- Viacheslav M. Rybakov.** T'ang Criminal Laws Restricting Arbitrary Actions in the Area of Military Activities 92

- Pavel V. Basharin.** Early Sufism in Russian Islamic Studies: History and Prospects 105

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- Svetlana S. Sabrukova.** Russian Scholars in Mongolian Studies A.V. Burdukov and T.A. Burdukova (A Review of Their Collection at the Archives of the Orientalists, IOM RAS) 119

ACADEMIC LIFE

- Anna A. Turanskaya.** The First International Conference "Oriental Manuscripts: The Issues of Codicology and Conservation" (St. Petersburg, December 4–6, 2019) 135

- Dmitrii A. Nosov.** The Fourth International Academic Conference "The Turko-Mongol World: Past and Present" in Memory of Sergei G. Klyashtorny (1928–2014) (St. Petersburg, February 12–13, 2020) 140

REVIEWS

- Songs of the Great Peace at South Wind.* Tr. from Korean by A. A. Gur'eva. St. Petersburg: Hyperion, 2019 (Traditional Literature of Korea. A Collection of Bestsellers). 284, [4] pp. (in Russian) (**Julia V. Boltach**) 145

IN MEMORIAM

- Eduard Naumovich Temkin (1928–2019) (**T.V. Ermakova**) 150

Три императорских диплома *гаомин* 誥命 из коллекции ИВР РАН

Т.А. Пан

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S181180622001001X

Среди маньчжурско-китайских свитков *гаомин* 誥命 в коллекции Института восточных рукописей РАН самыми поздними являются три свитка дипломов (В 94mss, В 106mss и В 107mss), датированных 1904 г. Судя по китайскому тексту, первый диплом был выдан Гун Вэньчао (в маньчжурском тексте — Гун Вэньчжао) с пожалованием ему титула *усянь цзянцзюнь* 武顯將軍 (кит.) / *хоронго гунгэ цзянцзюнь* (маньчж.) и его жене титула *фу жэнь* 夫人 / *унэнги хэхэ*, второй — его родителям, третий — его деду и бабушке с пожалованием им тех же титулов соответственно. В маньчжурских текстах дипломов переписчик сделал ошибку, перепутав имена адресатов. В первом дипломе в маньчжурском тексте не указано имя жены, тексты второго и третьего дипломов относятся не к Гун Вэньчао, а к Ван Фэнсяну и его родственникам. Эта текстологическая ошибка указывает, с одной стороны, на внимание к правильности китайского текста, а с другой стороны, на формальное отношение к маньчжурскому тексту, который был обязателен в официальных документах цинской империи, но в семьях подданных даже не читался. Три диплома, выданные одному адресату, свидетельствуют о том, что государство, отмечая проявленные перед ним заслуги, награждало не только самого героя, но и его жену и предков в двух поколениях. Таким образом, выполнение долга являлось одновременно проявлением сыновней почтительности как по отношению к правителю, так и по отношению к собственным предкам. В статье публикуется перевод на русский язык китайских и маньчжурских текстов трех дипломов.

Ключевые слова: Династия Цин, маньчжурско-китайские дипломы, *гаомин*, свиток, Институт восточных рукописей РАН, маньчжурские рукописи.

Статья поступила в редакцию 06.03.2020.

Пан Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ptatiana@inbox.ru).

© Пан Т.А., 2020

В маньчжурском фонде ИВР РАН хранятся 18 свитков императорских дипломов *гаомин* 誥命, выданных военным и гражданским сановникам с пожалованием титулов за выдающиеся заслуги в деле служения династии Цин (1644–1912). Все дипло-

мы представляют собой императорский указ на маньчжурском и китайском языках, составленный по определенной формуле. Они содержат вступительную часть с обращением императора, признание им преданности адресата государству, описание подвига, за который дается новый титул, и намерение в дальнейшем видеть в подчиненном верноподданного. Вторая часть диплома касается жены адресата — ей также жалуются новый титул с разъяснением ее роли в деле укрепления семьи и поддержки мужа.

Пять из имеющихся свитков поступили в Азиатский Музей в 1926 г. от Монгольской комиссии и были привезены Б.Я. Владимирцовым из Пекина¹. Среди этих свитков оказались и те три диплома, которые представлены в данной статье. Они являются самыми поздними и относятся к началу XX в. Судя по китайской надписи на этикетке свитков, дате и имени адресата на китайском и маньчжурском языках поверх квадратных печатей внутри свитков, дипломы были выданы одному и тому же лицу по имени Гун Вэньцай 宮文彩 (в маньчжурской версии диплома — Гун Вэньчжай) в 15-й день 1-й луны 30-го года правления Гуансюй (кит.) / Бадаранга доро (маньчж.), т.е. 1 марта 1904 г.²

Китайские тексты дипломов относятся к Гун Вэньцаю. Первый диплом (В 94 mss; Pang 2001: 56–57, № 121) был пожалован за его храбрость и должную подготовку войск. За это он был награжден титулом: *усянь цзянцзюнь* 武顯將軍 (кит.) / *хоронго гунгэ цзянцзюнь* (маньчж.) — «генерал за храбрые подвиги второй степени». За совершенный им подвиг его жена из рода Ли получила титул *фу жэнь* 夫人 / *унэнги хэхэ*, что в переводе означает «великая госпожа» / «истинная жена» — титул жены чиновника второго класса. Второй диплом (В 106 mss; Pang 2001: 57–58, № 122) был дан родителям Гун Вэньцай: его отец, Гун Дэпин, награждается тем же титулом *усянь цзянцзюнь*, а мать Гун Вэньцай — титулом *фу жэнь*. Третий диплом (В 107 mss; Pang 2001: 58–59, № 123) был выдан деду Гун Вэньцай — Гун Фадэ и его бабушке из рода Сяо с пожалованием им тех же титулов.

В результате перевода оказалось, что маньчжурские тексты дипломов не соответствуют китайским. Возможную причину этого мы попытаемся объяснить в конце данной статьи, первоначально представив все три диплома.

Первый диплом (шифр В 94 mss)

На дипломе дата: 光緒叁拾年正月拾伍 / *Badarangga doroi-gûsici aniya aniya biyai tofohon* (15-й день 1-й луны 30-го года правления Бадаранга доро) — 1 марта 1904 г. Размер свитка: 330×31 см. Цвет шелка слева направо: лиловый–белый–желтый–красный–черный. На центральном, желтом отрезке, на котором сходятся концы обоих текстов (китайский — справа налево, маньчжурский — слева направо), стоят две красные печати с нечеткой легендой на китайском и маньчжурском языках, поверх них написаны даты, звание и должность адресата на китайском и маньчжурском языках соответственно.

¹ Я искренне благодарю А.А. Сизову за информацию по истории появления этих свитков в Рукописной коллекции ИВР РАН и статью об этом (Зорин, Сизова 2019: 47).

² Впервые эти дипломы были представлены на XXX Международном конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (см.: Пан 2019).

Рис. 1-3 — первый диплом. Шифр В 94 mss
© ИВР РАН

Китайский текст (справа налево 19 строк) написан разноцветной тушью: золотой–красной–зеленой–серебряной–синей. Справа между двумя драконами вышито название диплома 奉天誥命.

Китайский текст

奉

天承運

皇帝制曰國威覃布尚勤鼓鑿之思武備精脩允重干城之選爾副將銜管帶准軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩材勇著聞韜鈴嫻習戎行振整貝知仕伍無譁軍政脩明因見拊循有素欣慶典宜煥溫綸茲以覃恩授爾為武顯將軍錫之誥命於戲策幕府之勤名祇承府命荷天家之光寵勿替成勞。

制曰策府疏勤甄武臣之茂績寢門治業闡賢助之徽音爾副將銜管帶准軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之妻李氏毓質名閨作嬪右族采擷蘋藻夙彰宣室之風說禮敦詩貝見同心之雅茲以覃恩封爾為夫人於戲錫寵章於絲綸荷褒獎於闈闈芳聲彌劬。

光緒叁拾年正月拾伍

副將銜管帶准軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之本身妻室

Китайский текст с расстановкой пунктуации³

奉天承運，皇帝制曰：國威覃布，尚勤鼓鑿之思；武備精脩，允重干城之選。爾副將銜管帶淮軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩，材勇著聞，韜鈴嫻習。戎行振整，具知仕伍無譁；軍政脩明，因見拊循有素。欣慶典，宜煥緼綸。茲以覃恩，授爾為武顯將軍，錫之誥命。於戲！策幕府之勤名，祇承府命；荷天家之光寵，勿替成勞。

制曰：策府疏勤，甄武臣之茂績；寢門治業，闡賢助之徽音。爾副將銜管帶淮軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之妻李氏，毓質名閨，作嬪右族。采擷蘋藻，夙彰宜室之風；說禮敦詩，具見同心之雅。茲以覃恩，封爾為夫人。於戲！錫寵章於絲綸，荷褒獎於閨闈。芳聲彌劬。

光緒叁拾年正月拾伍

副將銜管帶淮軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之本身妻室

Перевод с китайского

Волею Неба и велением Судьбы мы, император, повелеваем!

Императорский указ гласит:

Величие Государства простирается повсюду, и часто думаю о звуках военного барабана. Военные приготовления проводятся старательно, и тщательно подбираются защитники города. Ты, Гун Вэньцай, подполковник в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии⁴, назначенный на вакантную должность охранника центрального лагеря, известен своей храбростью и обучением военному искусству. Войска в порядке и спокойствии, пусть все знают, что солдаты в строю, управление армией отличное, и солдаты спокойны и обучены превосходно. Отмечая радостное событие, мы даруем диплом на шелковом свитке. Сейчас, проявляя милость, я награждаю тебя титулом «генерал *усянь*» — «генерал за храбрые подвиги второй степени» и дарую императорский указ. О! Честное имя будет занесено в анналы, чтобы получить дворцовый приказ! Получи благосклонность монаршего дома и неустанно добивайся успехов!

Императорский указ гласит:

Записывать в анналах — значит отмечать выдающиеся достижения генералов; править из внутренних покоев — значит проявлять превосходную репутацию добродетельной супруги. Ты, госпожа Ли, жена Гун Вэньцай, подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, назначенного на вакантную должность охранника центрального лагеря, родилась в знаменитых покоях и стала супругой во влиятельном семействе. Достойные традиции состоят в собирании яблок и водорослей [для жертвоприношений предкам]; разьяснять Ритуал и высоко ценить Песни⁵ — в этом заключается очевидная просвещенность единства сердец. Сейчас, проявляя милость, я дарую тебе титул *фу жэнь* («великая госпожа»). О! Дарую тебе высочайший указ на шелковом свитке, получи одобрение в женских покоях, возгласы прославления и поощрения!

15-й день 1-й луны 30-го года правления Гуансюй.

³ Я искренно благодарю проф. Не Хун-ина за помощь в расшифровке китайского текста.

⁴ *Хуайцзюнь* 淮軍 — Хуайская армия, армия Ли Хунчжана, сформированная в районе р. Хуайхэ для поддержки маньчжурской династии в борьбе против тайпинов в 60-е годы XIX в.

⁵ Dorolon irgeibun: «Ритуал» и «Песни» — имеются в виду китайские классические конфуцианские книги «Лици» и «Ши цзин».

[Выдан] Гун Вэньцаю, подполковнику в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, назначенному на вакантную должность охранника центрального лагеря, и его жене.

Маньчжурский текст написан слева направо (21 строка) разноцветной тушью: серебряной–зеленой–синей–красной–черной. Слева между двумя драконами вышито название диплома: *Abkai hesei ulhibure fungnehen*.

Транслитерация маньчжурского текста

Abkai hese forgon be aliha /

Hûwangdi hese gurun de jalin sirara aisilame kadalara da / kadalara huwai giyun yuwan hergen budui gulu kûwaran tuwakiyara hafan / da-i jergi Fugiyan golo-i fideme kadalara amban-i fejergi tung an / kûwaran-i adame kadalara da Yung Jy Gui si coohai dorgide fafun be / yabubuha jecen-i tulergi de gungge be ilibuha coohai agûra be / baitalarakû bicibe baicara tuwara de getuken kicehe ele iletulehe. / bithei dorо be wesihuleme ofi argan bodogon de dacun kiyangkiyan-i / ambula nonggiha te kesi selgiyehe doroi simbe horon gungge jiyanggiyûn / seme fungnefi ulhibure fungnehe buhe ai wesihun hese argan ejen-i yamun ci / isibuha be dahame durun keru fiyan tucike ashan de yabume aisilame gungge / ilibufi coohai amban iletulehe oho amba bodogon be ele badarambu. //

Hûwangdi hese suduri yamun de gungge be ejere be dahame coohai amban-i / faššan be ilgambi dorgi boode dorо de dasafi mergen aisilakû sain / algin be algibumbi aisilame kadalara da jergi Fugiyan-i fideme kadalara amban-i / danara tuwakiyara hafan bime Gung Wen Jai sain ele bolgo / si gebungge boode banjifi wesihun mukûn de holboho wecere de baita be / gingguleme ofi boo be acabure yabun iletulehe dorolon irgebun be wesihuleme ofi / uhei mujilen-i fujurungga be saha te kesi selgiyehe doroi simbe unenggi / hehe seme fungnehe. ai doshon hese be booi dorgi de isibufi sain algin be / enteheme tutabuha saicara maktara hesei bithe be alifi wesihun gebu be enteheme badarambu. //

Badaranga dorо-i gûsici aniya aniya biyai tofohon //

Aisilame kadalara da kadalara guwai (sic. — huwai) giyûn yuwan hergen budui gulu kûwaran Jyli niyeceme / baitalan tuwakiyara hafan bime Gung Wen Jai beyei sargan

Перевод с маньчжурского

Волею Неба и велением Судьбы мы, император, повелеваем:

Императорский указ гласит:

Ради служения государству ты издавал распоряжения по армии, ты — подполковник в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, перемещенного в провинцию Фуцзянь в подчинение генерала Юн Чжигуя в лагере Тунъань. [Ты] совершил подвиги за внешними пределами [государства], и, хотя военное снаряжение было недостаточным, [ты] всё тщательно исследовал, и всё стало ясным и очевидным. Возвышая закон, [ты] значительно и быстро приумножил военные силы. Сейчас я, [император], милостиво издаю указ и дарую тебе титул *хоронь гунгэ цзянцизюнь* — «генерал за храбрые подвиги второй степени» и жалую императорский указ. О! Поскольку из канцелярии императорского двора издан указ, то, совершая подвиги, будь образцом для старательных подчиненных, прославляя военачальников, еще больше возвеличивай великие планы!

Императорский указ гласит:

Поскольку в Историческом приказе⁶ фиксируются подвиги, то отмечаются заслуги военачальников. Следуя правилам правящего дома, мудрые помощники распространяют добрую славу. Гун Вэньчжай, подполковник в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, перемещенного в провинцию Фуцзянь, — исключительно честен. [Госпожа Ли], ты родилась в известном доме, соединилась браком со знатным родом, почтительно совершаешь жертвоприношения духам предков, прославляя дела дома, почитая Ритуал и Песни, знаешь, как быть благодарной от всей души. Сейчас, милостью своей, издаю указ о награждении тебя титулом *унэнги хэхэ* — «истинная жена». О! Когда Государев указ достигнет твоего дома, то добрая слава навечно пребудет в нем! Получив прославляющий [тебя] указ, вечно восхваляй высокое имя!

15-й день 1-го месяца 30-го года правления Бадаранга доро.

[Выдано] Гун Вэньчжаю, подполковнику в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, определенному на должность в провинцию Чжили, и его жене.

Второй диплом (шифр В 106 mss)

Выдан родителям Гун Вэньца в связи с его повышением. Его отец Гун Дэпин жалуются титулом *хоронь гунгэ цзянцзюнь*, а его мать из рода Чжоу — титулом *фу жэнь / унэнги хэхэ*. На дипломе дата: 光緒叁拾年正月拾伍 / *Badarangga doro-i gúsici aniya aniya biyai tofohon* (15-й день 1-й луны 30-го года правления Бадаранга доро) — 1 марта 1904 г. По-маньчжурски дата написана дважды, с той разницей, что в первой дате число «30» обозначено маньчжурским словом *gúsici* — «тридцатый», а во второй дате — как перевод каждого китайского иероглифа 叁拾 *ilan juwa* — «три десятка». Эта описка может косвенно свидетельствовать о том, что первоначально текст был написан на китайском языке, а затем переведен на маньчжурский. Размер свитка: 300×32 см. Цвет шелка слева направо: коричневый–белый–желтый–красный–черный. На центральном, желтом отрезке написаны даты на китайском и маньчжурском языках, и поверх них стоит квадратная красная печать с легендой.

Китайский текст (справа налево 24 строки) написан разноцветной тушью: золотой–красной–зеленой–серебряной–синей. Справа между двумя драконами название диплома: 奉天誥命.

Китайский текст

奉

天承運

皇帝制曰寵綏國爵式嘉閎闔之勞蔚起門風用表庭闈之訓爾宮得平迺副將銜管帶淮軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之父義方啟後穀似光前積善在躬樹良型於弓冶克家有子拓令緒於韜鈴茲以覃恩封爾為武顯將軍錫之誥命於戲錫策府之徽章洵承恩澤荷天家之庥命增耀門閭。

⁶ Комитет по составлению государственной истории.

Рис. 4-6 — второй диплом. Шифр В 106 mss
© ИВР РАН

制曰怙恃同恩人子勤思於將母起桓著績王朝錫類以榮親爾周氏迺副將銜管帶准軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之母七誠嫻明三遷勤篤令儀不忒早流珩瑀之聲慈教有成果見干城之器茲以覃恩封爾為夫人於戲錫龍綸而煥採用笞劬勞被象服以承府以承府允膺光寵。

光緒叁拾年正月拾伍
副將銜管帶准軍元字步隊正營留直
補用守備宮文彩之父母

Китайский текст с расстановкой пунктуации

奉天承運，皇帝制曰：寵綏國爵，式嘉閭闔之勞；蔚起門風，用表庭闈之訓。爾宮得平，迺副將銜管帶准軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之父，義方啟後，穀似光前。積善在躬，樹良型於弓冶；克家有子，拓令緒於韜鈴。茲以覃恩，封爾為武顯將軍，錫之誥命。於戲！錫策府之徽章，浚承恩澤；荷天家之麻命，增耀門閭。

制曰：怙恃同恩，人子勤思於將母；起桓著績，王朝錫類以榮親。爾周氏，迺副將銜管帶准軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之母，七誠嫻明，三遷勤篤。令儀不

忒，早流珩璫之聲；慈教有成，果見干城之器。茲以覃恩，封爾為夫人。於戲！錫龍綸而煥采，用答劬勞；被象服以承府，允膺光寵。

光緒叁拾年正月拾伍

副將銜管帶淮軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之父母

Перевод с китайского

Волею Неба и велением Судьбы мы, император, повелеваем!

Императорский указ гласит:

Награждение за заслуги по умиротворению государства — это восхваление репутации рода; поддержание традиции поколений — это осуществление поучений [императорского] двора. Ты, Гун Дэпин, отец Гун Вэньцая, подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, назначенного на вакантную должность охранника центрального лагеря, [ты] воспитал в потомках чувство долга, прославляя предыдущие поколения. Добродетель лежит в основе дела, унаследованного от отцов (букв. «изготовлением самострелов и плавкой металла». — *Т.П.*), и оно имеет достойного преемника, а также продолжателя военного искусства. Сейчас, проявляя милость, я награждаю тебя титулом «генерал *усянь*» — «генерал за храбрые подвиги второй степени» и дарую тебе императорский указ. О! Запись в императорской библиотеке свидетельствует о наследственном получении [монаршей] милости; получение покровительства императорского дома усиливает славу рода!

Императорский указ гласит:

Полагаясь на родительскую любовь, сын часто думает о почитании матери. Заслуги, записанные по торжественному случаю, это — выражение императорским двором одобрения прославленным родственникам. Ты, госпожа Чжоу, мать Гун Вэньцая, подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, назначенного на вакантную должность охранника центрального лагеря, хорошо знаешь «семь предостережений»⁷ и искренна в «трех изменениях»⁸. Ваши церемонии и ритуал не изменены, издавна известны [ваши] нравственные качества (букв. «издавна слышны звуки драгоценных подвесок на поясе». — *Т.П.*), материнские любовь и наставления имели результат — наконец-то появился тот, кто защищает города. Сейчас милостью своей я дарую тебе титул *фу жэнь* — «великая госпожа». О! Дарую тебе императорский диплом на шелке и прославление как благодарность за усердный труд. Прими церемониальную одежду, чтобы слава распространялась повсюду!

15-й день 1-й луны 30-го года правления Гуансюй.

[Выдан] родителям Гун Вэньцая, подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, назначенного на вакантную должность охранника центрального лагеря.

⁷ *Ци цзе* 七誡 = *ци чу* 七出 — семь допустимых оснований для развода: 1) неспособность жены служить свекру, 2) отсутствие детей; 3) распустство жены; 4) ревность жены к мужу; 5) тяжелое заболевание жены; 6) болтливость жены; 7) воровство жены.

⁸ *Сань цянь* 三遷 = 三不去 — три обстоятельства, когда жену прогнать нельзя: 1) если жена когда-то носила траур по свекру или свекрови; 2) если во время женитьбы семья мужа была бедной, а в результате этого брака разбогатела; 3) если жене некуда уйти из семьи мужа.

Ци чу сань буцю 七出三不去 — морально-этические правила, перечисленные в сочинении *Да Дай ли цзи* 大戴礼记 «Записки о благопристойности Старшего Дая» (I в. до н.э.). Со времен Суй–Тан вошли в китайский законодательный свод (Мильникова 2014: 109–110).

Маньчжурский текст диплома написан слева направо (26 строк) разноцветной тушью: серебряной–зеленой–синей–красной–черной. Слева между двумя драконами вышито название диплома: *Abkai hesei ulhibure fungnehen*.

Транслитерация маньчжурского текста

abkai hese forgon be aliha. /

hûwangdi hese gurun-i jergi be doskolome isibure be / dahame jalan halame faššaha be saišambi. Booi doro be ambula muktebuhe be dahame ama-i tacihiyan be tume / aisilara kadalara da kadalara huwai budui kûwaran tuwakiyan hafan Wang Dzung Fu si jurgan giyan-i amgan be tacibuha sain be / dursuleme nenehe be eldembuhe buye de sain be isabufi deribure / ulara wesihun doron be ilibuha boo be muktembure jui bafi / argan bodonggo sain doro be badarambuha te kesi / Fan še-i babe gisabume necihiyehe hûsun bume faššabuha turgunde / šangname simbe horon gungge jiyanggiyûn seme fungnefi ulhibure / fungnehen buhe ai suduri yamun-i wesihun kooli be isibure be / dahame kesi fulehun be nurhûme aliha gurun booi ferguwecuke hese be / bahabuha be dahame duka uce enteheme eldembuhe. //

hûwangdi hese ama eme-i kesi adali be dahame jui oho niyalma eme be uilere be hing seme gûnimbi baturu horonggo gungge be ilibuha be / ejen-i yamun ci bireme gosime niyaman be wesihun obumbi tojin / funggala Giyangnan Giyangsi juwe goloi nenden obume baitalara aisilame kadalara da Wang Fung Siyang ni eme Jo hala si nadan targacun be / getukeleme taciha ilan jergi gurihe be alhûdame tacibuha sain yabun de / aisilame kadalara da kadalara budui gulu kûwaran tuwakiyan hafan mutebufi yargiyan-i fiyanji dalikû-i tetun be saha te sini jui Fan še-i babe gisabume necihiyehe hûsun bume faššaha turgunde šangname simbe / unenggi hehe seme fungnehe ai hesei bithei eldengge be isabufi joboho / sulaha de karulaha doroi etuku-i wesihun be alifi eldembure / dosholoro be enteheme ali://

Badarangga doro-i gûsici aniya aniya biyai tofohon de //

Badarangga doro-i ilan juwan aniya aniya biyai tofohon de//

Aisilame kadalara da kadalara huwai giyûn yuwan hergen budui / gulu kûwaran Jyli niyeceme baitalan tuwakiyara hafan bime Gung Wen Jai ama eme //

Перевод с маньчжурского

Волею Неба и велением Судьбы мы, император, повелеваем!

Императорский указ гласит:

Поскольку императорский закон благосклонно распространяется во все стороны государства, он прославляет заслуги сменяющихся поколений. Чтобы возвысить закон дома и высоко нести учение отца, ты, Ван Цзунфу, [отец] подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, прививал чувство долга последующим поколениям, ты показывал образец хорошего, освещая прошлое, чтобы умножить благородные помыслы. Устанавливая высший закон, [ты] возвысил [свой] дом, распространил благие планы и законы. Сейчас, оказывая императорскую милость, за заслуги, проявленные твоим сыном при усмирении и уничтожении мятежников в Фаншэ, жалую [тебе] титул *хоронь гунэ цзянцзюнь* — «генерал за храбрые подвиги» и дарую диплом. О! Поскольку высочайший закон поступает в Исторический приказ, то милость и благодеяние непрерывно умножаются; поскольку [тебе] жалуется удивительный указ императорского дома, то ворота и двери [твоего] дома будут вечно сиять.

Так как указ императора подобен милости отца и матери, то сын с усердием служит и ухаживает за матерью. Поскольку [он] совершил храбрый и геройский подвиг, то из императорского дома милость изливается с любовью и поднимает родственников. Мать Ван Фэнсяна, помощника полкового генерала, назначенного на должность с отличительным павлиньим пером управляющего двумя областями Цзяннань и Цзянси, госпожа Чжоу, ты четко разъяснила «семь заповедей» и обучила «трем переменным». Совершая хорошие поступки, [твой сын], подполковник в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, знал снаряжение [для создания] настоящей обороны. Сейчас твой сын усмирил и уничтожил мятежников в местности Фаншэ, поэтому дарую тебе титул *унэнги хэхэ*. О! Когда свет императорского указа достигнет [тебя], то печаль и беспокойства будут вознаграждены. Прими церемониальную одежду, навечно прими прославление и благоволение!

В 15-й день 1-го месяца 30-го года правления Бадаранга доро.

В 15-й день 1-го месяца года трех десятков правления Бадаранга доро.

[Выдано] родителям Гун Вэньчжая, подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, определенного на должность в провинцию Чжили.

Третий диплом (шифр В 107 mss)

Выдан деду и бабушке Гун Вэньцзя с дарованием им тех же титулов: *усянь цзянцзюнь / хоронь гунгэ цзянцзюнь* и *фу жэнь / унэнги хэхэ* соответственно. На дипломе дата: 光緒叁拾年正月拾伍 / *Badarangga doro-i gûsici aniya aniya biyai tofohon* (15-й день 1-й луны 30-го года правления Бадаранга доро) — 1 марта 1904 г. Размер свитка: 309×32 см. Цвет шелка слева направо: коричневый–белый–желтый–красный–черный.

Китайский текст (25 строк) написан справа налево цветной тушью: золотой–красной–зеленой–серебряной–синей. В начале диплома между двумя драконами вышито название диплома: 奉天誥命.

Китайский текст

奉

天承運

皇帝制曰策勤疆圉昭大父之恩勤錫賚絲綸表皇朝之沛澤爾宮發德迺副將銜管帶淮軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之祖父敬以持躬忠能啟後威宣闔外家傳韜略之書澤沛天邊國有游常之典茲以覃恩封爾為武顯將軍錫之誥命於戲我武維揚特啟棧枝之秀賞延於世聿昭祖德之求

制曰樹豐功於行陣業著聞孫錫介福於庭闈恩推大母爾徐氏迺副將銜管帶淮軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之祖母壺儀足式令攸昭表劍佩之家聲輝流奕世播絲綸之國典慶衍再傳茲以覃恩封爾為夫人於戲翟芴用光膺宏庥於天闈龍章載煥昭異譯於皇朝
光緒叁拾年正月拾伍日

副將銜管帶淮軍元字步隊正營留直

補用守備宮文彩之祖父母

Рис. 7-9 — третий диплом. Шифр В 107 mss
© ИВР РАН

Китайский текст с расстановкой пунктуации

奉天承運，皇帝制曰：策勤疆圉，昭大父之恩勤；錫賚絲綸，表皇朝之沛澤。爾宮發德，迺副將銜管帶准軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之祖父，敬以持躬，忠能啟後。威宣闔外，家傳韜略之書；澤沛天邊，國有旂常之典。茲以覃恩，封爾為武顯將軍，錫之誥命。於戲！我武維揚，特啟孫枝之秀；賞延於世，聿昭祖德之求。

制曰：樹豐功於行陣，業著聞孫；錫介福於庭闈，恩推大母。爾徐氏，迺副將銜管帶准軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之祖母，壺儀足式，令聞攸昭。表劍佩之家聲，輝流奕世；播絲綸之國典，慶衍再傳。茲以覃恩，封爾為夫人。於戲！翟芾用光，膺宏庥於天闕；龍章載煥，昭異譚於皇朝。

光緒叁拾年正月拾伍日

副將銜管帶准軍元字步隊正營留直補用守備宮文彩之祖父母

Перевод с китайского

Волею Неба и велением Судьбы мы, император, повелеваем!
Императорский указ гласит:

Назначение на службу на границе — это выражение почтительных стараний и трудов деда. Дарование императорского диплома на шелке — это струящаяся милость царствующего дома. Ты, Гун Фадэ, дед Гун Вэньцая, подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, назначенного на вакантную должность охранника центрального лагеря, сам был почителен, воспитал в потомках чувство долга. Авторитет распространяется повсюду, книги по военному искусству передаются в семье [от поколения к поколению]. Изобилие орошает горизонт, чтобы в государстве были правила чести (букв. «стяга с драконами»). — *Т.П.*)

Сейчас, милостью своей, я дарую тебе титул «генерал *усянь*» — «генерал за храбрые подвиги» и дарую императорский указ. О! Своей властью могу прославлять таланты многочисленных потомков, награды передаются поколениям, так прославляется добродетель предков.

Императорский указ гласит:

Бесчисленные подвиги совершаются в войсках, и внуки прославляются делами; счастье даруется во внутренние покои, и милость распространяется на бабушку. Ты, госпожа Сюй, бабушка Гун Вэньцая, подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, назначенного на вакантную должность охранника центрального лагеря, проявляя благородство, стала образцом и далеко известна. Слава семьи, как меч на поясе, прославляет весь род; государственные дипломы как награды передаются поколениям. Сейчас, милостью своей, я дарую тебе титул *фу жэнь*. О! Слава выражается в повозке, украшенной перьями длиннохвостого фазана, прими великое покровительство двора, императорские награды сияют, сияющие благодеяния распространяются по всей империи!

15-й день 1-й луны 30-го года правления Гуансюй.

[Выдан] деду и бабушке Гун Вэньцая, подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, назначенного на вакантную должность охранника центрального лагеря.

Маньчжурский текст написан слева направо (24 строки) цветной тушью: серебряной–зеленой–синей–красной–черной. Слева между двумя драконами вышито название диплома: *Abkai hesei ulhibure fungnehen*.

Транслитерация маньчжурского текста

Abkai hesei forgon be aliha

Hūwangdi hese erdemu be tukiyere gung te kadalaringge gurun-i / amba kooli tondo mujilen-i weilen be jakūmburengge emu sai / jurgan julgei enduringge han de coohai horon-i gurun / toktohubambi. Hala de coohai horon-i gurun be bithei / Siyang ni mafa Wang Ming Hiyan si ginggun-i beyebe tuwakiyaha tondo-i / amgan be neihe tulergi de horon be selgiyebufi boode / coohai bodogon be ulaha dergici kesi be isibufi gurun-i / temgetulere kooli be bahabuha te sini omolo Fan še-i babe gisabume necihiyehe hūsun bume faššaha turgunde šangname simbe horon / gungge jiyanggiyūn seme acame fungnefi ulhibure fungnehen buhe aya horon be elgimbume mutehengge cohome sain omolo be yende-buhe ci banjilha šangnaha / jalan halame isibuha be dahame werihe doro ele enteheme oho: //

Hūwangdi hese amba gungge be coohai bade ilibuha be dahame doro sain / omolo de iletulibuhe ferguwecuke hūhuri be dorgi boode selgiyere be / dahame kesi be mama de

isibumbi tojin fungnele Giyangnan Giyansi juwe goloj nenden obume baitalara aisilame kadalara da Wang Fung Siyang ni mama Hioi hala si te kesi selgiyehe booi boode badarame / doroi booi algin be yendebufi amgan enen de sain be tutabuha / gurun-i kesi de he-sei bithei selgiyefi jai jalan de hûturi / badargan te sini omolo Fan še-i babe gisabume neci-hiyehe hûsun / bume faššaha turgunde šangname simbe unenggi hehe seme amcame fungnehe / aya doroi etuku eldembume jakade amba hûturi be ejen-i yamun ci aliha / fungnehen bithei temgetulere jakade amba fulehun be šumin šeri de isibuha //

Badaranga doroi-gûsici aniya aniya biyai tofohon de //

Aisilame kadalara da kadalara guwai (sic.) giyûn uwan (sic.) hergen budui / gulu kûwaran Jyli goloj niyeceme baitalara tuwakiyara hafan bime Gung Wen Jai mafa mama //

Перевод с маньчжурского

Волею Неба и велением Судьбы мы, император, повелеваем!

Императорский указ гласит:

Древние мудрые правители утвердили военное могущество [нашего] государства, основываясь на тех, кто честно несет службу, превознося добродетель и учитывая заслуги. В поколении министров могущественного государства, предок Ван Минсянь, ты преданно проявлял себя, находил честных последователей, первым показывая свою храбрость, дома обучал военному искусству. Удостаивая высшей милости, получи правительственное постановление отличия (букв. «признания заслуг». — *Т.П.*). Сейчас твой внук в местечке Фаншэ усмирил и уничтожил мятежников, поэтому дарую тебе титул *хоронь гунгэ цзянцзюнь* и подтверждаю это дипломом. Императорский указ определяет заслуги среди войск, прославляет особо хороших внуков. Пусть [он] достигнет сменяющихся поколений, пусть завещанное правило существует вечно!

Императорский указ гласит:

Чтобы совершались военные подвиги, закон прославляет хороших внуков; чтобы необыкновенное счастье распространялось во внутренних покоях, монаршей милости удостаивается бабушка. Ты, госпожа Сяо, бабушка Ван Фэнсяна, помощника командира полка, назначенного на должность с отличительным павлиньим пером, управляющего двумя областями — Цзяннань и Цзянси. Сейчас оказанная тебе монаршая милость разливается по всему дому, законом увеличивается слава [твоего] рода. Пусть благополучие (букв. «добродетель». — *Т.П.*) распространяется на внуков и потомков! Пусть обнародование указа о государственной милости приумножит счастье последующих поколений! Сейчас твой внук в местечке Фаншэ усмирил и уничтожил мятежников, поэтому дарую тебе титул *унэнги хэхэ* и подтверждаю это дипломом. О! Когда прославляется церемониальная одежда, это значит, что большое счастье получаешь от императорского двора; когда удостаиваешься императорского диплома, это значит, что милость исходит из глубокого источника!

В 15-й день 1-го месяца 30-го года правления Бадаранга доро.

[Выдано] деду и бабушке Гун Вэньчжая, подполковника в должности командира пехотного отряда под знаком «юань» Хуайской армии, определенного на должность в провинцию Чжили.

Из предложенных переводов на русский язык трех дипломов очевидно, что все три китайские варианта текста относятся к Гун Вэньцаю и его родственникам: он получает титул *усянь цзянцзюнь*, его жена — титул *фу жэнь*, его родственники первого и второго поколений получают те же титулы соответственно.

Сравнение китайского и маньчжурского вариантов текста первого диплома приводит к выводу, что китайский текст был первоначальным, а маньчжурский является значительно дополненным переложением китайского. В нем более подробно указаны должность и названия местностей, где служил Гун Вэньчжай. Следует отметить, что во второй части маньчжурского текста допущена ошибка — в нем не указано имя жены Гун Вэньчжая, госпожи Ли, которой даруется титул *унэнги хэхэ*. Ее имя четко прописано в китайском тексте.

Еще более неожиданными оказываются ошибки в маньчжурской части второго и третьего дипломов. Во втором дипломе в китайской части речь идет о родителях Гун Вэньцая (отце Гун Дэпине и матери из рода Чжоу); в маньчжурской части указывается другое имя — имя Ван Фэнсяна и его родителей (отца Ван Цзунфу и матери из рода Чжоу). В маньчжурском тексте произошла ошибка: не совпадают не только имена, но и перечисленные подвиги адресата, за которые дается монаршая милость. При этом в разделе, касающемся моральных достоинств госпожи Чжоу, полностью совпадают характеристики ее положительных качеств.

Аналогичные несовпадения наблюдаются и в третьем дипломе: согласно китайскому тексту он выдан деду и бабушке Гун Вэньцая (Гун Фадэ и госпоже Сюй); в маньчжурской части диплома указаны дед и бабушка Ван Фэнсяна (Ван Минсянь и госпожа Сяо). Здесь описание подвигов Ван Фэнсяна полностью совпадает с маньчжурским текстом второго диплома.

Такое несовпадение адресатов может быть объяснено ошибкой переписчиков. Вероятно, оформление подобных дипломов проходило несколько стадий, и свиток попадал в различные руки. На этикетке внешней обложки свитков одним почерком на китайском языке написаны имя и должность Гун Вэньцая. В центре свитка на желтом шелке стоят две красные печати, поверх которых черной тушью одним и тем же мелким почерком написаны даты, должность и имя адресата, совпадающие с надписью на этикетке. Далее свиток-заготовка передавался переписчикам. Видимо, один переписчик вписывал китайский текст дипломов, второй — маньчжурский. Именно у маньчжурского переписчика и оформителя диплома произошла ошибка. Поскольку должности Гун Вэньцая и Ван Фэнсяна частично совпадают, переписчик перепутал исходные документы. Первая ошибка произошла в первом дипломе, где не указано имя жены Гун Вэньцая. Возможно, переписчик почувствовал, что тексты не совпадают, но не придал этому значения. А в работе со вторым и третьим дипломами он просто взял документы другого человека и вписал их в диплом. Этим и объясняются текстологические несовпадения маньчжурских частей дипломов. Такое пренебрежение к маньчжурскому тексту можно объяснить формальным отношением к маньчжурскому языку в начале XX в.: в это время в Китае он использовался при оформлении официальных бумаг (в нашем случае — дипломов), особенно исходящих из императорской канцелярии, однако сами подданные империи Цин все же предпочитали читать по-китайски, а к маньчжурскому языку относились как к необходимой формальности.

Интересно завершение дипломов, выданных родителям и предкам Гун Вэньцая. Вполне вероятно, что они уже давно почили, однако императорский указ дарует им новый титул и соответствующую этому титулу церемониальную одежду. Возможно, реально костюм не шили, но обязательно рисовали новый парадный портрет предков в новых одеждах в домашнем храме предков, перед которым приносили поминальные жертвы.

Литература

- Зорин, Сизова 2019 — Зорин А.В., Сизова А.А. О коллекции книг и изобразительных материалов, привезенных Б.Я. Владимирцовым в 1926 г. из Пекина // *Mongolica*. Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований. 2019. Т. XXII, № 1. С. 45–48.
- Мыльникова 2014 — Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII века). СПб.: Студия «НП-Принт», 2014.
- Пан 2019 — Пан Т.А. Служение Отечеству и сыновняя почитительность (по свиткам из маньчжурской коллекции ИВР РАН) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019: Материалы конгресса / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. Т. 2. С. 98–100.
- Pang 2001 — Pang Tatiana. Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Issue 2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001.

References

- Mylnikova Y.S. *Pravovoe polozhenie zhenshchin v istorii srednevekovogo Kitaia (VII–XIII veka)* [The Legal Status of Women in the History of Medieval China (7th–13th Centuries)]. St. Petersburg: NP-PRINT, 2014 (in Russian).
- Pan T.A. “Sluzhenie Otechestvu i synovniaia pochitel’nost’ (po svitkam iz man’chzhurskoi kollektsii IVR RAN)” [Serving the Motherland and Filial Piety (According to the Diplomas from the Manchu Collection of the IOM RAS)]. *XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki. K 150-letiiu akademika V.V. Bartol’da (1869–1930). 19–21 iunია 2019: Materialy kongressa* [The 30th International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa. To the 150th Anniversary of Academician V.V. Bartold]. Ed. by N.N. Diakov, A.S. Matveev. St. Petersburg: NP-Print, 2019, vol. 2, pp. 98–100 (in Russian).
- Pang Tatiana. *Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences*. Issue 2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001 (in English).
- Zorin A.V., Sizova A.A. “O kollektzii knig i izobrazitel’nykh materialov, privezennykh B.Ya. Vladimirtsovym v 1926 g. iz Pekina” [On the Collection of Books and Paintings Brought by B.Ya. Vladimirtsov from Beijing in 1926]. *Mongolica*, 2019, vol. XXII, no. 1, pp. 45–48 (in Russian).

Three Imperial Diplomas *Gaoming* 誥命 from the Collection of the IOM RAS

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 5–20)
Received 06.03.2020.

Tatiana A. Pang

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The Manchu collection of the Institute of Oriental Manuscripts has three Manchu-Chinese diplomas *gaoming* 誥命 in its possession, dated to March 1, 1904 (B 94mss, B 106mss, and B 107mss). These

are the latest Manchu-Chinese diplomas among the 18 scrolls from the collection. According to the Chinese text, the first diploma was given to Gong Wencai (in Manchu, Gung Wenjai) and bestows on him the *wuxian jiangjun* 武顯將軍 title (in Manchu, *horonggo gungge jiyanggun*) and on his wife, the *fu ren* 夫人 title (in Manchu, *unenggi hehe*). The second diploma was given to his parents, and the third, to his grandparents, awarding them the same titles correspondingly. The Manchu texts of the diplomas contain a mistake of the scribe: in the first diploma, the name of Gung Wenjai's wife is not mentioned; in the second and the third diplomas, the scribe has changed the names of the recipient and the description of his heroic deeds — instead of Gung Wenjai, he described Wang Fengxiang and his relatives. This textological mistake shows that, on the one hand, much attention was paid to the Chinese text and, on the other hand, the Manchu text was a formality necessary for all official documents issued from the court, and Manchu was not read in the families. The present article publishes a Russian translation of the Manchu and Chinese texts of the three diplomas and shows the work of different scribes. The three diplomas, given to the same recipient and his relatives, illustrate the state's appreciation of its heroes: it highly valued their merits and bestowed titles not only on the heroes, but on their wives and relatives in two generations. This practice underlines the fact that the recipient of the diploma has shown his filial piety not only to the ruler, but to his ancestors as well.

Key words: the Qing dynasty, Manchu-Chinese diplomas, *gaoming*, scrolls, the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Manchu manuscripts.

About the author:

Tatiana A. Pang, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ptatiana@inbox.ru).

Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди.

VI. Дешифровка финикийского алфавита: Ж.-Ж. Бартелеми и Дж. Свинтон¹

М.М. Юнусов

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806220010021

В середине XVIII в. Ж.-Ж. Бартелеми и Дж. Свинтон дешифровали финикийское письмо. Это выдающееся событие в истории западносемитской эпиграфики вновь привело к спору между двумя учеными за первенство в открытии. Была бы дешифровка Ж.-Ж. Бартелеми столь быстрой и успешной, если бы не проделанная предшественниками, включая Дж. Свинтона, работа?

Ключевые слова: Ж.-Ж. Бартелеми, Дж. Свинтон, финикийский алфавит, *Melitensis prima*, *Cipri Melqarti*, *Citiensis secunda*.

Статья поступила в редакцию 15.12.2019.

Юнусов Марат Мингалиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Древнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ymm65@hotmail.com).

© Юнусов М.М., 2020

До конца XVII в. просвещенная Европа знала об истории финикийцев лишь из произведений греческих и латинских авторов, а о языке этого народа — из немногих сохранившихся в античной литературе глосс и по легендам на финикийских и пунических монетах². Опираясь на имеющийся нумизматический материал, исследователи

¹ Статьи I–V из серии очерков см. (Юнусов 2013: 100–125; 2014: 125–152; 2015: 75–97; 2016: 78–96; 2019a: 90–113; 2019b: 85–105).

² Среди первых публикаций, в которых были представлены легенды финикийских и пунических монет, была книга Хуберта Голциуса (Hubert Goltzius, 1526–1583) «*Græcia sive Historiæ Urbium et Populorum Græciæ*» (Brugge, 1576). На 37 листах приложения к книге, наряду с сотнями рисунков античных монет со всех уголков Средиземноморья, автор разместил прорисовки трех монет, найденных на Сицилии, с легендами на пуническом языке (Tab. XII: 5, 6; XIV: 1).

Ил. 1. Одна из *Cippi Melqarti*
(из кн. Marne 1735: 24)

Бартоломео даль Поццо (Bartolomeo dal Pozzo), поэту и историку искусств, который, в свою очередь, передал его знаменитому местному антиквару Франческо Спаравиеро (Francesco Sparaviero). Последний сумел сделать только перевод греческой части надписи на латинский язык: ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ ΚΑΙ ΣΑΡΑΠΙΩΝ ΟΙ ΣΑΡΑΠΙΩΝΟΣ ΤΥΡΙΟΙ ΗΡΑΚΛΕΙ ΑΡΧΗΓΕΤΕΙ — *Dionysius, & Sarapion Sarapionis Tirii, Herculi Ducii* (Bulifon 1698: 129–130).

Эти мраморные монументы, высотой около 1 м, относящиеся ко II в. до н.э., в конце XVII в. украшали вход на виллу известного мальтийского антиквара Джованни Франческо Абелы (Giovanni Francesco Abela, 1582–1655). Возможно, что они были найдены в порту на юго-востоке Мальты уже после смерти антиквара, потому что в его знаменитом подробном описании острова и его достопримечательностей «*Malta Illustrata*» (1647) эти памятники не упоминаются. Две одинаковые надписи, с небольшой разницей в распределении текста по строкам, выбиты на цоколях обоих монументов, поверх которых установлены пирамидальные столбы — *cippi*⁵. Текст этой надписи на цоколях, получивший в науке название *Melitensis prima* (лат. *Inscriptio*

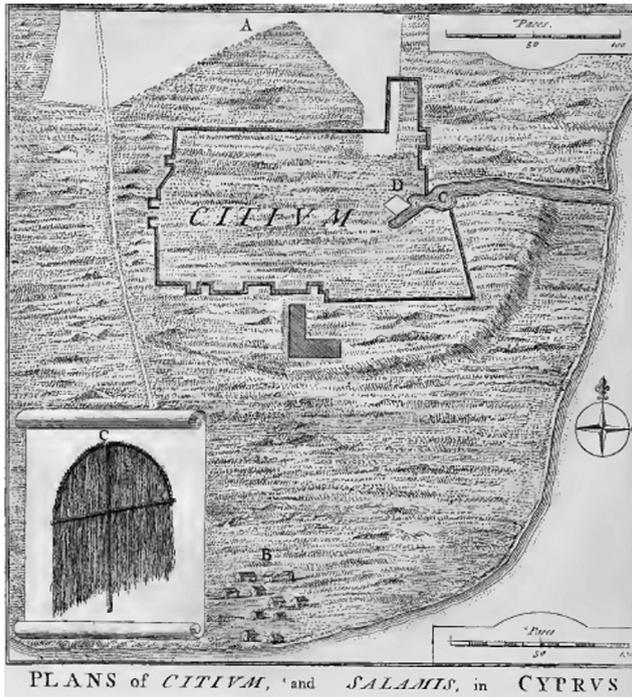
пытались дешифровать финикийское письмо и составить алфавит этого языка. В разные годы свои варианты финикийского алфавита представили Ж.Ж. Скалигер, С. Бохарт, Е. Бернгард, Б. де Монтфокон, Я. Ренферд, Э. Чিশулл, в целом верно распознав лишь отдельные графемы языка³.

Первые в Европе сведения о существовании монументальной надписи на финикийском (пуническом) языке появились в самом конце XVII в. в книге А. Булифона⁴. В ней автор опубликовал письмо мальтийского священника Игнатия Констанса (Ignazio di Costanzo) от 18 декабря 1694 г., в котором упоминаются два мраморных монумента с греко-финикийским текстом («...две мраморные плиты с высеченными надписями греческими и, как мне кажется, финикийскими буквами» — «...*due tavole di marmo, con due inscrizione scolpite con caratteri Greci, e Fenici a mio credere...*»). Далее священник сообщил, что текст билингвы был на месте тщательно скопирован в 1687 г. и отправлен в Верону

³ Scaliger 1606: 103; Bochart 1646: 491–492; Bernard 1689: tab. I; Montfaucon 1708: 122; Rhenferd 1713; Chishull 1728: 24. См. также сводную таблицу этих алфавитов в кн. (Velazquez 1752: Tab. III–IV). Б. де Монфокон догадался о частичном значении финикийской надписи на одной монете из Сидона, хотя принял выражение *lšdm* ([царь] сидонян) за название города — *lšdōn* (Сидона) (Montfaucon 1708: 118). Я. Ренферд, в свою очередь, частично распознал на другой монете топоним *Agadir* (совр. Кадис): у него, правда, указано *wgdr* вместо *'gdr* (Rhenferd 1713: 11). Об этом см. (Lidzbarski 1898: 93).

⁴ Антонио (Антуан) Булифон (Antonio/Antoine Bulifon, 1649–1707) — неаполитанский издатель французского происхождения, историк-хронист.

⁵ *Cippus*, в отличие от стелы, представляет собой пирамидальный столб цилиндрической или прямоугольной формы.

Ил. 2. План г. Китион, фрагмент (из кн. Росокк 1745, tab. XXXII)

Ил. 3. Надписи из Китиона (из кн. Росокк 1745, tab. XXXIII)

melitensis prima bilinguis), или, иначе, надпись на столбах Мелькарта (*Cippi Melqarti*), содержит посвящение богу Мелькарту/Гераклу от имени двух выходцев из Тира⁶. Впервые рисунок одного из этих сооружений с прорисовками текста и комментариями был опубликован в книге командора мальтийского ордена аббата Гюйо де Марна (*Guoyot de Marne*) в 1735 г. в *Saggi di Cortona* (Записках Этрусской академии в Кортоне) (*Marne 1735: 24–35*). Первые попытки перевода этих финикийских текстов, как это было и в случае с дешифровкой пальмирских надписей, окончились полной неудачей⁷ (Ил. 1).

Новые материалы по финикийской эпиграфике — 33 текста, найденные на Кипре на месте древнего Китиона в 1738 г., были опубликованы Ричардом Пококом⁸ в 1745 г. во втором томе книги «Описание Востока»⁹. Руины древнего Китиона в настоящее время находятся в пределах городской черты Ларнаки (Ил. 2). В ходе экспедиции Покок обнаружил в основании крепостных сооружений более трех десятков надгробных плит с надписями на неизвестном тогда языке, без параллельных греческих или латинских версий. Покок предположил, что эти плиты с надписями на финикийском языке были вторично использованы в качестве фундамента для укрепления крепостных стен, когда горожане восстанавливали город после его разрушения Птолемеем I Сотером в конце IV в. до н.э. Все эти надписи на финикийском языке были тщательно срисованы Пококом и воспроизведены в его книге (*Pococke 1745: Pl. XXXIII, 213*) (Ил. 3).

В 1750 г. на месте Китиона также побывал д-р Портер, врач из г. Такстед (Эссекс), который, осмотрев руины города, взял с собой одну из надписанных могильных плит длиной в 12 дюймов и привез ее в Англию¹⁰ (*Murray 1890: 224*). В том же году настоятель Крайст-Чёрч колледжа в Оксфорде Джон Свинтон предложил дешифровку и перевод двух надписей¹¹ сборника Р. Покока в своей книге «*Inscriptiones Citiææ*» (*Swinton 1750: 7–42*)¹². М. Лидзбарски писал об этих переводах так:

Одну из них, правда короткую и легкую, он [Свинтон] действительно прочитал совершенно правильно. И поэтому его, с точки зрения чистой хронологии, можно назвать отцом финикийской эпиграфики. Однако, при всем при этом, в своих опытах по деши-

⁶ В настоящее время один из монументов находится в Национальном музее археологии Мальты. Второй памятник в 1782 г. был подарен Эммануилом де Роган-Полдло (*Emmanuel de Rohan-Polduc, 1725–1797*), великим магистром Мальтийского ордена, Французской академии надписей и изящной словесности в знак благодарности за дешифровку финикийского текста Ж.-Ж. Бартеlemi и ныне хранится в Лувре (*Berger 1888: 494–500; Villefosse 1901: 17–30*).

⁷ Об обстоятельствах и месте находки памятников, попытках интерпретации текста, а также литературу по этой теме см. (*Gesenius 1837: 91–102; CIS I: 122/122bis; CIG III: 5753; Lidzbarski 1898: 93–94; Szyzycer 1975: 191–193; Lehmann 2013: 209–213*).

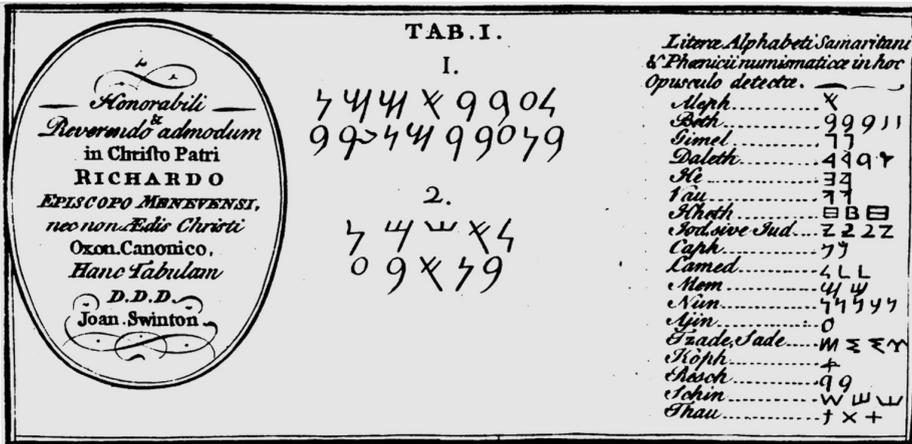
⁸ Ричард Покок (*Richard Pococke, 1704–1765*) — знаменитый английский путешественник. Юрист по образованию, Покок совершил поездки по Европе (1733–1736) и Востоку (1737–1742), по итогам которых оставил путевые заметки, эскизы и планы исследованных объектов, в том числе древнеегипетских: сооружений в Долине царей, многочисленных пирамид и других памятников. По окончании всех путешествий стал епископом англиканской церкви.

⁹ Первый том с описанием Египта был опубликован двумя годами ранее: *Pococke R. A Description of the East, and Some Other Countries. Vol. I. Observations on Egypt. London: W. Bowyer, 1745*.

¹⁰ В книге Р. Покока: *Pl. XXXIII, № 2*.

¹¹ Большинство надписей в сборнике Р. Покока содержали лишь имена собственные, выбитые, как отмечалось выше, на надгробных плитах.

¹² См.: Ил. 4, Nos. 1–2. Ср. «Абд-Эшмуну, сыну Абд-Мелькарта»: *l'bd 'mmm bn 'bdmn hrb/šrb* (*Swinton 1750: 16*) — *l'bd 'šmn bn 'bd m[ʃ]qrt* (*CIS I: 68*); «Эшмуну ... сыну Ава»: *l'šmn bn 'b'* (*Swinton 1750: 34*) — *l'šmn ... bn 'b'...* (*CIS I: 73*).

Ил. 4. Финикийский алфавит (из кн. Swinton 1750: Tab. I)

фровке наряду с палеографической находчивостью он показал весьма слабые филологические способности, и поэтому основателем этой дисциплины можно по праву назвать Бартелеми (Lidzbarski 1898: 94).

К этому положительному, но достаточно сдержанному отзыву М. Лидзбарски о работе Свинтона (приоритет по времени в открытии) следует добавить, что английский ученый имел дело с весьма неточными копиями, приведенными в книге Р. Покока, и что он дешифровывал надписи, не имевшие параллельной греческой или латинской версии. Кроме того, в самом начале «Inscriptiones Citeæ» в таблице № I Свинтон привел частично финикийский алфавит, состоящий из 18 букв (Swinton 1750: 6, Tab. I) (Ил. 4). Эта работа Свинтона, изданная малым тиражом, была доступна тогда только ученому сообществу и, наверно, оставалась бы долго неизвестной широкой публике, если бы к ней не привлек внимание давний оппонент Свинтона по дешифровке пальмирского письма, французский аббат Бартелеми. Причем сделал он это в той же самой манере, как и в 1756 г. в работе об атрибуции монеты Йонатана (Barthélemy 1756: 60, note), разве что не мелким шрифтом в примечании: «один ученый профессор из Окфорда — *un sçavant Professeur d'Oxford*». Так в своем докладе Бартелеми вновь упомянул о Свинтоне, с которым до этого состоял в переписке, подарил ему собственную книгу о дешифровке пальмирского письма и даже однажды поручал своему коллеге по Академии надписей найти в Лондоне новую книгу этого английского профессора¹³ по финикийской нумизматике¹⁴. В докладе о дешифровке финикийского письма Бартелеми таким образом отозвался о Свинтоне и результатах его работы:

¹³ Бартелеми позднее писал: «М. де Брекени из Академии изящной словесности находился тогда в Лондоне. Я попросил его послать мне Диссертацию на латинском языке Свинтона, опубликованную в 1753 г. Он взял на себя труд поискать ее в книжных магазинах и библиотеках Лондона, но нигде не нашел. Он даже пытался обнаружить ее в Оксфорде, но также безуспешно». Далее аббат сообщает, что его эмиссар все же встретился со Свинтоном и узнал от него, что напечатанная книга была изъята из обращения им самим и будет вскоре заново напечатана в несколько исправленном виде» (Barthélemy 1766: 24).

¹⁴ De nummis quibusdam Samaritanis et Phoeniciis: vel insolitam prae se literaturam ferentibus, vel in lucem hactenus non editis dissertatio secunda. Oxford, 1753 (Swinton 1753).

ALPHABETS PHENICIENS
d'après les Inscriptions & les Medailles

N ^o 1	N ^o 2	N ^o 3	N ^o 4
𐤀 𐤁 𐤂	𐤀 𐤁	𐤀 𐤁	Alph
𐤃 𐤄 𐤅	𐤃	𐤃 𐤄 𐤅	Beth
		1.	Ghimel
𐤇 𐤈	𐤇	𐤇 𐤈 𐤉	Daleth
𐤋	𐤋 𐤌	𐤋	He
𐤎		𐤎	Vau
		𐤏	Zain
𐤑 𐤒	𐤑	𐤑	Heth
		𐤒	Teth
𐤔		𐤔 𐤕	Jod
𐤖 𐤗		𐤖	Caph
𐤙 𐤚 𐤛		𐤙 𐤚	Lamed
𐤜 𐤝	𐤜	𐤜	Mem
𐤟 𐤠	𐤟	𐤟	Nun
𐤢		𐤢 𐤣	Samech
𐤤	𐤤	𐤤 𐤥	Ain
			Pe
𐤨 𐤩 𐤪 𐤫		𐤨	Tzade
𐤬	𐤬		Coph
𐤰 𐤱 𐤲	𐤰	𐤰 𐤱 𐤲	Resch
𐤴	𐤴	𐤴	Sin ou Shin
𐤸	𐤸	𐤸	Thau

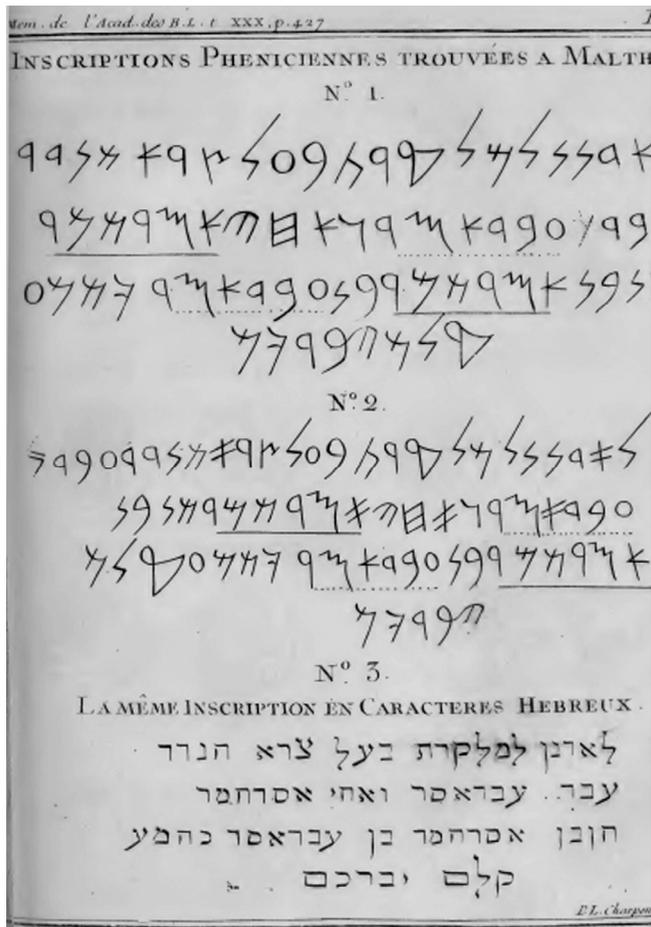
P.L. Charpentier Sc.

Ил. 5. Финикийский алфавит (Barthélemy 1764: 427, Pl. IV)

Один профессор из Оксфорда разъяснил две [надписи из книги Р. Покока] в диссертации, вышедшей в 1750 г.¹⁵ Но эти надписи содержат только семь разных букв, уже известных из самаритянских памятников. Чтобы дополнить этот новый алфавит, автор привлекает финикийские и пунические монеты и при этом, толкуя не очень убедительно некоторые из этих монет, представляет алфавит, состоящий из 18 букв. Я бы указал на недостаточность этого, если бы не боялся, что это займет у меня слишком много времени и может показаться в глазах Автора принижаящим то особое почтение, с которым я отношусь к его знаниям и трудам (Barthélemy 1759: 40).

Этот доклад был зачитан аббатом в Париже членам французской Академии надписей и изящной словесности 12 апреля 1758 г. В нем Бартеlemi представил новую версию финикийского алфавита, опираясь на собственный перевод текста *Melitensis prima*, двух надписей из книги Р. Покока и легенд нескольких пунических монет (Ил. 5). Значительный фрагмент из этого устного сообщения — своего рода реферат (*Précis du Mémoire*) — был представлен публике в печатном виде в 1759 г. в каче-

¹⁵ Здесь следует ссылка на примечание внизу страницы: «Swint. Inscript. Cit, Oxon, 1750».

Ил. 6. Текст и транслитерация *Cippi Melqarti* Бартелеми (Barthélemy 1764: 427, Pl. 1)

стве приложения к работе Ж. де Гиня¹⁶ под названием «Сообщение, которое доказывает, что китайцы были колонией египтян». Оставляя в стороне фантастические выводы Ж. де Гиня о предмете его исследования, ниже мы обратимся к работе Бартелеми по дешифровке финикийского письма. Полный текст этой работы, опубликованной в виде статьи «Рассуждения о некоторых финикийских памятниках и об алфавитах, которые из них следуют», появился в Записках французской Академии надписей и изящной словесности в 1764 г. (Barthélemy 1764: 405–427). Сравним вышеприведенный пассаж, касающийся Свинтона, в версии доклада 1758 г. (реферат-приложение к опусу Ж. де Гиня 1759 и 1760 гг.) с упоминанием Бартелеми своего английского визави в отдельной авторской статье 1764 г.:

¹⁶ Жозеф де Гинь (Joseph de Guignes, 1721–1800) — французский востоковед, преподаватель сирийского языка в Коллеж де Франс, хранитель древностей в Лувре. Автор работы: «Mémoire, dans lequel on prouve que les Chinois sont une colonie égyptienne». Paris: Desaint et Saillant, 1759. Второе, стереотипное издание — 1760.

В 1745 г. М. Ричард Покок опубликовал 33 финикийские надписи, которые он нашел в руинах древнего города на Кипре. Г-н Свинтон, ученый профессор из Оксфорда, перевел две из них и представил комментарий к ним в диссертации, опубликованной в 1750 г. Эти надписи очень короткие и отражают лишь семь букв, уже известных по самаритянскому алфавиту (Barthélemy 1764: 421).

Во втором варианте отзыва (1764) на работу Свинтона очевидна изменившаяся тональность оценки работы оппонента, которую с учетом весьма напряженных на тот период отношений двух ученых можно рассматривать как готовность без эмоций продолжить обсуждение этой проблемы. Но Свинтон не согласится на это, полагая, что его репутация ученого была в очередной раз уязвлена французским аббатом, — вспомним «пальмирское досье» и атрибуцию монеты Йонатана. Негодование английского профессора, как мы увидим далее, будет постоянно проскальзывать в критических отзывах на работы Бартелеми по дешифровке и его переводы финикийских надписей.

Но сначала обратимся собственно к работе «Размышления по поводу финикийских памятников». Взяв за основу надпись мальтийских *cippi*, тексты из книги Р. Покока и некоторые монеты из королевской нумизматической коллекции в Париже, Бартелеми в целом правильно дешифровал большинство финикийских графем и сначала представил свою интерпретацию *Melitensis prima* (Ил. 6).

Транскрипция и перевод мальтийских *cippi* Бартелеми:

— l'dnn lmlqrt b'l sr' hndr 'bd... 'bd'sr w'h'y 'srhmr hnbn 'srhmr bn 'bd'sr k hm' qlm ybrkm («*Abdassar & Asseremor, fils d'Asseremor, fils d'Abassar, avons fait ce voeu à notre Seigneur Melcrat, divinité tutélaire de Tyr. Puisse-t-il les bénir après les avoir égarés, ou dans leur route incertaine*») (Barthélemy 1764: 412–413; 427, Pl. I)¹⁷.

Современная транскрипция текста:

— l'dnn lmlqrt b'l sr' š ndr 'bdk 'bd'sr w'h'y 'sršmr šn bn 'sršmr bn 'bd'sr k šm' qlm ybrkm (CIS I: 122/122bis; Lidzbarski 1898: 425–426; Cooke 1903: 36; Szynger 1975: 195; KAI 47)¹⁸.

Видно, что Бартелеми не сумел опознать графему, обозначающую согласный *š*, спутав ее с *h* (например, *hndr* 'bdn/ 'bdn' — «*votum fecimus*» вместо 'š ndr 'bdk: Barthélemy 1764: 410). Отсюда, соответственно, и неточность в прочтении имен собственных, и отсутствие в переводе слов «оба/два сына — *šn bn*», хотя существительное *bn* было понято автором совершенно точно, а также появление в последнем предложении — *m'qlm* (причастие от основы 'ql в интенсивной породе *pi'ēl* — «отдалить, свернуть с пути», в 3 л. мн.ч.) вместо нераспознанного им *šm' qlm* («услышал их голос»). Второй предложенный им вариант интерпретации последнего предложения был такой: «*ainsi puisse-t-il les bénir dans leur route oblique, c'est à-dire, après qu'ils ont été égarés*» — «И да благословит он их, сбившихся с пути, т.е. после того, как их уве-

¹⁷ Здесь и ниже подчеркиванием выделяем разночтения в транскрипции текстов у Бартелеми и в последующих изданиях.

¹⁸ «Господу нашему Мелькарту, господину Тира, посвятили раб твой 'Абд-'Осир и его брат 'Осир-Шамр, оба сына 'Осир-Шамра сына 'Абд-'Осира, за то, что он услышал их голос (просьбы). Да благословит он их».

ло с пути в сторону». Последнее Бартелеми объяснил обстоятельствами, при которых был сооружен монумент: финикийские мореплаватели, заброшенные бурей на Мальту, благодарили божество-покровителя за чудесное спасение («le monument fut consacré par des Phéniciens que la tempête avoit jetés dans l'isle de Malte») (Barthélemy 1764: 412–413).

Разумеется, что все недочеты Бартелеми были сразу же замечены Свинтоном, который написал по этому поводу первые *Remarks* (Swinton 1764: 119–140). Важно помнить, что эти заметки появились как реакция на замечание аббата о Свинтоне в краткой версии (*Précis*), изложенной в книге Ж. де Гиня — «*un sçavant Professeur d'Oxford*», а не печатном издании статьи Бартелеми 1764 г.¹⁹ В преамбуле к заметкам английский ученый сразу указывает на цель своей рецензии:

М. Аббат Бартелеми недавно представил ученому сообществу²⁰ копию одной финикийской надписи, давно уже найденной на Мальте, воспроизведенную более точно (по его мнению), чем все появлявшиеся ранее, и попытался объяснить ее совершенно по-новому. В этой связи я осмелюсь просить разрешения сделать несколько кратких заметок по поводу того, что он соблаговолил представить. Эти замечания могут показаться вовсе не бесполезными, потому что часть надписи в прочтении М. Аббата выглядит по меньшей мере путаной, если не сказать совсем непонятной. И, соответственно, если я, конечно, сильно не ошибаюсь, это будет продемонстрировано далее. М. Аббат никак не будет обижен моим возможным расхождением с ним в некоторых моментах, потому что в своей работе он руководствовался не желанием похвастаться, или страстно ожидая услышать аплодисменты, а только любовью к истине, и потому что он также свободно поступил с одной из моих схожих по тематике диссертаций, которую Королевская академия оказала мне честь напечатать несколько лет назад²¹ (Swinton 1764a: 119–120).

Впрочем, далее, критически разбирая труд Бартелеми и высказывая иные соображения, оксфордский профессор все-таки не смог внести ничего существенного в перевод. Он также не сумел опознать графему, обозначающую согласный *š*, спутав ее уже с *m*, а объединив вслед за Бартелеми словосочетание *šm' qlm* в причастие (*š*) *m' qlm*, получил в переводе мореплавателей, сбившихся с пути. Собственное толкование надписи Свинтон завершает такими словами:

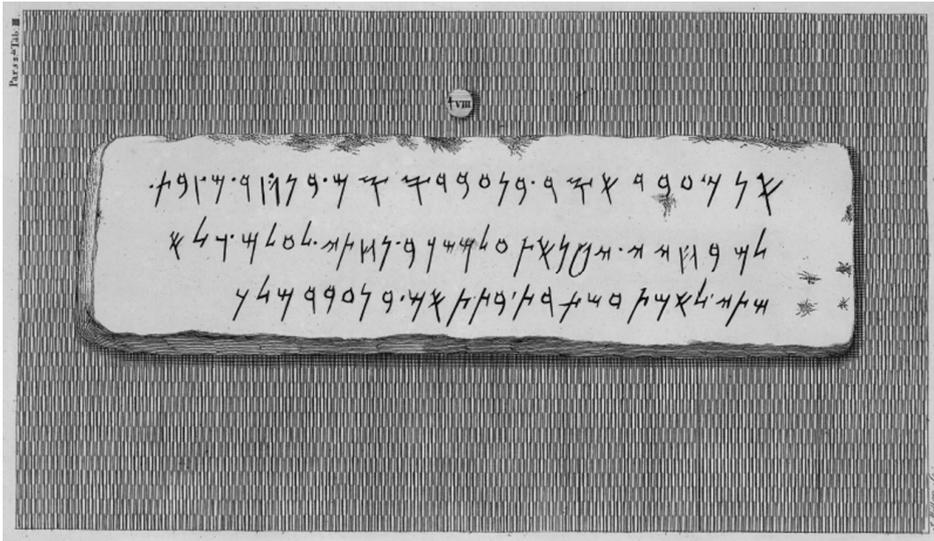
И хотя М. Аббату не удалось полностью объяснить эту надпись, он, тем не менее, пролил на нее больше света, чем командор де Марн или аббат Фурмон, или кто-либо другой, кто касался данного предмета до того, как он [Бартелеми] сделал свой доклад. Это надо осознавать любителям древностей, и это заслуживает благодарности просвещенных людей (Swinton 1764a: 132–133).

¹⁹ В статье *Some Remarks* Свинтона в *Philosophical Transactions* стоит пометка, что письмо автора было получено журналом еще в 1763 г., но утеряно в редакции и вновь обнаружено лишь в начале апреля 1764 г. Таким образом, замечания Свинтона касались транслитерации финикийского текста, опубликованной в *Précis*. В статье 1764 г. Бартелеми значительно дополнил филологический комментарий к переводу надписи *cippi*, впрочем, оставив ее первоначальную транслитерацию без изменений.

²⁰ В примечании стоит ссылка Свинтона на второе, стереотипное издание книги Ж. де Гиня: «*Mem. dans lequel on prouve, que les Chinois sont une colonie Egyptienne, par M. de Guignes, &c. p. 39–54. A Paris, 1760*».

²¹ См. многолетний конфликт Свинтона и Бартелеми по поводу атрибуции монеты Йонатана (Юнусов 2019b: 85–89).

Ил. 8. *Citiensis secunda* (из кн. *Marmora Oxoniensia*.
Oxford, 1763. Pars 2, Tab. III)

— (1) 'nm 'bd'sr bn 'bdssm bn hr mšbt (2) šlm bhyy y ..n't 'l mškb nḥty l'lm kl' (3) štt 'šty mtrt bt t'm... bn 'bdmlk. — «*Je dors (d'un sommeil éternel moi) Abdassar, fils d'Abdsisse, fils de Chad (de la ville) de Tsabeth. Après avoir passé tranquillement ma vie, je me suis reposé dans le tombeau pour la suite des siècles. Mathrath mon épouse, fille de Tham... fils d'Abdmelec, a posé ce monument*»²⁴ (Barthélemy 1764: 423, 427, Pl. III, no. 1, 2).

Сравним с последующим прочтением текста надписи:

— (1) 'nk 'bd'sr bn 'bdssm bn hr mšbt (2) lmbhyy ytn't 'l mškb nḥty l'lm wl' (3) šty l'mt'štrt bt t'm bn 'bdmlk (Gesenius 1837: 126–133; CIS I: 46; Lidzbarski 1898: 420, 4; Taf. VI, 3; Cooke 1903: 16; Gibson 1982: 133–134; KAI 35)²⁵.

В переводе Бартелеми не была отражена главная идея текста — сооружение монумента 'Абд-'Осиром для себя и своей жены, что было вызвано неправильным прочтением *'nm* вместо личного местоимения «я — *'nk*» и непониманием глагольной формы *ytn't* — «я соорудил», или, может быть, ее нечеткой прорисовкой в книге Р. Покока, притом что Бартелеми сразу верно отметил: 1) надпись сделана от первого лица, т.е. 'Абд-'Осира, который покоился в той могиле; 2) слово *mšbt* могло соответствовать еврейскому слову «надгробный памятник»:

Первые три буквы: 'Alef, Nun, Mem. Они могут означать «буду спать/сплю — *dor-tiam/dormio*» в значении «покоюсь — *jaceo*», что евреи иногда пишут над могилами...

²⁴ — «Я, сын Абдассара, сын Абдсисема, сын Чада из (города) Тсабет, сплю (вечным сном). Проведя безмятежно свою жизнь, я упокоюсь в этой могиле на века. Матрат, моя супруга, дочь Тама... сына Абдмелека соорудила этот памятник».

²⁵ — «Я, 'Абд-'Осир, сын 'Абд-'Ссм, сын hr, (этот) столб (2) при моей жизни установил над местом моего вечного упокоения, и для су(3)пруги моей, для 'Amt-'Aštrt, дочери T'm, сына 'Абд-'Милька». Об отсутствии перед словом «столб-*mšbt*» определенного артикля см. (Gibson 1982: 134).

Последнее слово в этой строке, состоящее из букв *mem, tsade, bet* и *thau*, представляет собой *matsebet* — *monumentum*. Но, что касается нашей надписи, то это слово нельзя связать ни с предыдущим, ни с последующим контекстом. Я скорее подумываю, что оно означает «из Тсабата или Тсебета — *ex Tsabat/Tsebet*», откуда ‘Абдассар был родом (Barthélemy 1764: 421–422).

Такая интерпретация пококовской надписи стала объектом критики со стороны Свинтона в *Farther Remarks*, которые были написаны сразу после публикации в 1764 г. на страницах Записок французской академии полной версии доклада Бартелеми. Заметки Свинтона начинаются со следующего замечания²⁶:

Размышления М. Аббата Бартелеми о финикийской письменности снова с очень большими дополнениями были на днях представлены научному сообществу. Есть все основания полагать, что некоторые из этих дополнений были сделаны если не совсем недавно, то уж через несколько лет после того, как доклад был собственно прочитан. С учетом того, что М. Аббат считается первым знатоком древностей во Франции и, несомненно, должен иметь большое влияние на членов этой почтенной организации [Французской академии надписей и изящной словесности], украшением которой он является уже много лет, это обстоятельство не может не рассматриваться многими как подтверждение подозрений, которые возникли некоторое время назад в разных уголках Европы и на которые я указывал в своей предыдущей работе²⁷. Это дает мне право высказаться по поводу последней публикации, которая превозносится обожателями М. Аббата как одна из самых ценных научных работ нашего времени²⁸. Я не берусь судить, в какой мере это произведение действительно достойно внимания любителей древности. Мои соображения по этому поводу, тем не менее, если они еще не стали достаточно очевидными ранее, будут изложены совершенно четко в нижеследующих кратких дополнительных заметках, представленных с величайшим почтением на высокий суд Королевского общества (Swinton 1764b: 393–394).

Далее Свинтон проводит критический анализ работ Бартелеми, предлагая свою интерпретацию текстов с Мальты, из книги Р. Покока и легенд финикийско-пунических монет, а также приводит свои переводы надписей. В настоящее время многие из его рассуждений, иногда произвольных и почти всегда эмоционально мотивированных, и переводы, полные недочетов и неверных толкований, не имеют филологической ценности. Однако, следуя нашей теме «События и люди», приведем некоторые оценочные выводы Свинтона, категоричность которых, как кажется, больше указывает на сведение счетов с оппонентом, чем на заявленный поиск истины:

«Но так как абсурдность этого утверждения была четко показана в моих предыдущих заметках, на которые не последовало еще ответа, то я не буду больше этого затрагивать» (Ibid.: 395); «Разве не более естественным, более правильным и более соответствующим высоким достоинствам М. Аббата Бартелеми было бы

²⁶ Письмо с «Заметками», датированное автором 24 ноября 1764 г., сопровождается пометкой редакции журнала: «Read Dec. 13, 1764».

²⁷ Указания на сознательную задержку печати статей Бартелеми содержатся прямо или косвенно почти во всех отзывах Свинтона на работы французского коллеги.

²⁸ Здесь же, в примечании, Свинтон делает ссылку на восторженный отзыв о работах Бартелеми по пальмирской и финикийской эпиграфике в рецензии на его статью о Нильской мозаике из Палестины (Journal des Sçavans, Décembre, vol. I, 1760. P. 793–794. У Свинтона неточно указана с. 348) и в работе Ж. де Гиня о финикийцах и китайцах (с. 60).

признать ошибку? Отказаться от утверждения, а не пытаться защищать его, притом что он сам, видимо, осознает, что оно совершенно несостоятельно» (Ibid.: 399–400); «Я не совсем согласен с интерпретацией последней части надписи М. Аббатом, потому что она выглядит очень натянутой и неестественной, и даже противоречащей духу истории» (Ibid.: 402).

Разумеется, что Бартеlemi не мог не ответить на эту критику. В письме секретарю Академии в Пезаро маркизу Оливьери²⁹ в 1766 г. аббат дал обстоятельный, по всем пунктам ответ оппоненту, как бы завершая многолетний спор. Не согласимся, что критика Свинтона была совсем бесполезной для Бартеlemi и что он ничего не извлек из нее. Но бесспорно признаем отмеченную многими современниками замечательную способность аббата последовательно и сдержанно оппонировать жесткой критике, изящно и достойно парировать обвинения, граничащие с оскорблениями. Это проявляется уже в самом начале большого, на 55 страниц письма:

Мсье! В номере 54 Философских записок недавно были опубликованы два письма М. Свинтона, где он критикует мою статью по поводу финикийских памятников, которую я имел честь представить в 1758 г. Академии изящной словесности. Я прочитал эти письма с желанием и надеждой увидеть там что-то, что рассеяло бы сомнения, которые у меня возникли уже давно. Мои надежды не оправдались, и я бы промолчал по этому поводу, если бы та манера выражаться, которую выбрал Автор, не заставила меня прервать мое молчание. Почти все мои утверждения кажутся ему ошибочными, а все его в собственных глазах *достоверными, очевидными, бесспорными*. Совершенно удивительна подобная уверенность, исходящая со стороны ученого, отлично осведомленного в восточных языках, знаменитого своими признанными работами, и который, по его словам, движим любовью к истине. Надо признать, что его рвение, в чем я абсолютно уверен, иногда накаляет его до такой степени, что он взвешивает мои выражения со всей возможной строгостью, хватаясь скорее за слова, чем за их смысл, объявляя меня ответственным за выводы, которые сам же делает из моих утверждений. Огромное число возражений, не менее сомнительных, чем более их количество, вынуждает меня углубиться в мельчайшие подробности литературы Востока. Несмотря на нежелание обращаться к подобным вещам, я все-таки займусь этим... Я попытаюсь разрешить трудные проблемы, которые стоят передо мной. Часть из них, не имеющую отношения к моим научным рассуждениям, я оставлю без внимания. Я охотно признаю свои ошибки, которые не заметил ранее (Barthélemy 1766: 1–2).

В этом же письме, ниже, Бартеlemi пишет о нападках английского коллеги еще раз, как кажется, едва сдерживая свое негодование:

Добавлю лишь одно соображение. Я не буду сетовать по поводу того, что Свинтон рассматривает почти все мои утверждения как абсурдные, химерные, лишённые даже тени вероятности и что такие и подобные им оценки встречаются повсюду в его отзыве. Но я обязан прервать молчание, потому что, не имея ни малейших оснований, ни даже подобия вероятности, опираясь на факты, не известные никому, критикуя совершенно неприципиальные моменты, он упорно старается, на страницах издания весьма почтенного Королевского общества, выдвигать против меня самые несправедливые обвинения, могущие легко ввести в заблуждение уже даже своей туманностью (Ibid.: 27).

²⁹ Аннибале Оливьери (Annibale Olivieri, 1708–1789) — итальянский археолог, нумизмат, антиквар и библиофил. План будущего письма маркизу Оливьери Бартеlemi весьма подробно обсуждал в письме от 4 октября 1766 г., адресованном графу де Келосу (Nisard 1877: 285–288).

Сейчас едва ли есть необходимость в подробном рассмотрении аргументации сторон по поводу финикийской эпиграфики, тем более что авторы в течение почти двух десятилетий неоднократно меняли точку зрения, исправляя свои переводы и толкования надписей. Эта дискуссия, больше напоминавшая дуэль, все же дала некоторые положительные результаты для науки. Например, в новом исправленном варианте перевода Бартеlemi отказался от надуманного топонима *Tсабет*. И, вполне возможно, что именно «с подачи» Свинтона, все же исправил одну свою ошибку. В вышеприведенной пококовской надписи фразу «я, *имярек*, покоюсь» — *'nm/dormio, dormiam* — Бартеlemi совершенно верно исправил на личное местоимение «я» — *'nk*. Свинтон был первым, кто верно опознал в последнем согласном этого слова *K*, а не *M*, хотя и свел свою догадку на «нет», приписывая *'nk* значение существительного «мрамор» — *ḏvūḫ/marmor, alabastrites*, т.е. материал, из которого была сделана надгробная плита (Swinton 1764: 415). Бартеlemi же, в свою очередь, догадался, что речь идет о западносемитском местоимении первого лица *'nk/'nokī*, которое часто предваряло монументальные надписи на Древнем Востоке, хотя и не сумел его увязать с плохо прорисованной глагольной формой *ym't* — «(я) соорудил», на месте которой в своем новом переводе поставил многоточие³⁰ (Barthélemy 1766: 35, 38–39).

Многолетний спор двух ученых, а точнее подозрения Свинтона в недобросовестном использовании Бартеlemi его работ и чрезмерная реакция английского профессора на высокомерное, как он это представлял, отношение к нему со стороны французского аббата, начиная с «пальмирского случая», по-прежнему омрачали их любые научные контакты на страницах печатных изданий, с праздным любопытством обсуждались в свете и с искренним сожалением воспринимались востоковедным сообществом.

Например, испанский филолог, нумизмат и юрист Ф.П. Байер (Francisco Pérez Bayer, 1711–1794) написал одну из своих работ — «Об алфавите и языке финикийцев и их колониях», во многом опираясь на работы как Бартеlemi, так и Свинтона (Bayer 1772)³¹. Сначала, рассуждая об атрибуции одной финикийской монеты, Ф.П. Байер тактично заметил, что не знаком с обеими «Заметками-Remarks» Свинтона и вообще с сутью спора по этому поводу между двумя учеными, кроме ссылок на эти заметки и контраргументации Бартеlemi, изложенной в письмах к маркизу Оливьери, что, собственно, избавило испанца от рассуждений об этике научного спора оппонентов (Bayer 1772: 346)³². Далее Байер приводит переводы мальтийских *cippi* Бартеlemi и Свинтона (в том виде, как это изложено в письме первого к маркизу Оливьери) и подчеркивает, что не ставит своей целью настроить читателей против одного или другого из двух переводов и не желал бы создать видимость, что намерен исправлять ошибки Бартеlemi и Свинтона. По его мнению, Бартеlemi принадлежит слава

³⁰ Исправленный перевод Бартеlemi: — «Moi *Abdassar fils d'Abdssissem fils de Char, ou de Hhur... je me suis reposé sur le lit (ou dans le tombeau) pour la suite des siècles. (Moi) Astarté fille de Tham fils d'Abdmelec ai posé... (ce monument)*».

³¹ См. также комментарии В. Гезениуса к немецкому переводу этой книги (Bayer 1835: 1–66).

³² «Yo no he visto estas dos cartas, ni tengo la obra de las Transacciones, ni mas noticia de esta controversia entre MM. Swinthon y Barthelemy, sino la que este Autor da en su Carta antes citada al Marques Olivieri de Pésaro» (Bayer 1772: 346). Действительно, две статьи Свинтона (*Some Remarks* и *Farther Remarks*) опубликованы в № LIV *Philosophical Transactions* за 1764 г. (Swinton 1764: 119–140; 393–438). У Байера ошибочно указано: «M. Swinthon en dos cartas que en 1766. Se publicaron en el Tomo LIV. de las *Transacciones Filosoficas*, impugna varios puntos de la Disertacion de M. Barthelemy...».

первого, кто со всей возможной тщательностью объяснил этот памятник и своим толкованием направил любителей древности по верному пути. Без его предварительной работы, пишет Байер, он бы сам никогда не осмелился заняться толкованием этого памятника. В заключение, сравнивая перевод последней строки *Melitensis prima* обоими учеными, испанец, однако, весьма многозначительно задается вопросом: как могло так случиться, что двум исследователям, независимо друг от друга, находящимся в разных странах, одновременно могла прийти в голову одна и та же идея (т.е. о морях, сбившихся с пути), которой, собственно, и нет в надписи (Ibid.: 349–350)³³. Добавим, что сам Байер, предлагая свою интерпретацию *Melitensis prima*, совершенно верно распознал оборот в ее последней строке: *k šm' qlm* — «...за то, что он услышал их голос!» (Ibid.: 356, Pag. XIV).

Французский филолог, нумизмат и историк Л. Дютэн (*Louis Dutens*, 1730–1812), проживавший тогда в Лондоне, был лично знаком со Свинтоном и неоднократно консультировался с ним в ходе написания своей работы по финикийской нумизматике. В ней Л. Дютэн отметил, что основанная на именах собственных дешифровка финикийского письма Свинтона не совсем точна и что тот позднее несколько раз вносил в нее уточнения и исправления. Отдавая безоговорочно приоритет в открытии финикийской графики Бартеlemi, Л. Дютэн в своем анализе одного частного случая из финикийской нумизматики отметил следующее:

Толкование, основанное на достаточно серьезных данных, представленное ученым [Бартеlemi], которому изучение медалей, и особенно финикийских, обязано значительным прогрессом, стоило бы рассмотреть с меньшей язвительностью и высокомерием, чем это сделал М. Свинтон»³⁴ (Dutens 1776: 70–71).

Далее, внося коррективы равно в работы обоих предшественников, Л. Дютэн совершенно справедливо заметил, что процесс дешифровки финикийского письма шел непрерывно в течение нескольких лет и это, конечно, не могло не накалять спор, внося дополнительную неясность и противоречия в позиции оппонентов:

На деле алфавиты, предложенные несколько раз Бартеlemi, никогда не признавались М. Свинтоном, в свою очередь, не имевшим полного успеха, которого он ожидал, предлагая свои собственные. Дошло до того, что эти ученые не всегда были согласны сами с собой и приписывали какой-либо букве такое значение, которое не приписывали ей ранее. Алфавит, представленный М. Свинтоном в 1764 г., значительно отличается, например, от алфавита, предложенного им в 1750 г. И поэтому М. Пеллеран³⁵ постоянно не соглашался со значениями, которые приписывали некоторым буквам оба ученых, и в итоге предложил свои. Все это в совокупности породило шквал сложнейших дискуссий, часто нудных для тех, кто был далек от этой темы (Ibid.: 88–89).

³³ «Cómo es creible pues, que un pensamiento tan ageno de la inscripcion, ocurriese a un mismo tiempo a dos sugetos tan distantes en los Países, y aun mas en el modo de pensar? y que ambos lo adopta sen, y se conviniesen en ello?» (Bayer 1772: 350).

³⁴ В данном пассаже Дютэн имеет в виду тот же спор по поводу атрибуции финикийской монеты, о которой писал и Байер: монета отчеканена в Палермо — по мнению Бартеlemi, в Мене — по мнению Свинтона.

³⁵ Жозеф Пеллеран (*Joseph Pellerin*, 1684–1782) — французский эрудит, известный нумизмат, обладатель коллекции в 35 000 античных и восточных медалей и монет. С 1762 по 1778 г. под его редакцией вышло 10 томов каталога монет, входивших в его коллекцию. В 1776 г. усилиями Бартеlemi его коллекция была приобретена Кабинетом медалей Королевской библиотеки.

Добавим, что «далеких» от темы этого спора было немало не только в Париже, но и в Лондоне, где Л. Дютэн написал эти строки.

Секретарь Королевского общества Мэтью Мэти³⁶ (Matthew Maty, 1718–1776) писал Бартеlemi из Лондона 9 января 1767 г., что он думает о полемике последнего со Свинтоном:

Наш президент, граф Мортон³⁷, уже прочел часть текста [письма Бартеlemi маркизу Оливьери], который я передал ему, и, подобно мне, пришел в восторг от изящества, с которым Вы касались вещей, наиболее оспариваемых там, и особенно от образцовой умеренности, продемонстрированной Вами в отношении оппонента, выглядевшего тогда весьма неприглядно. Я не берусь судить о сути спора, но после прочтения этих статей я отлично понимаю, что предпочел бы ошибаться вместе с Вами, чем быть правым вместе с ним [Свинтоном]. И наверно, не будет слишком большим преувеличением считать, что истина, возможно вообще впервые, отринута от себя эмоции и дурные помыслы. Не судите по этому случаю плохо о нашей стране, а лучше посмотрите сами, как здесь бережно относятся к правам людей, очарованию красноречия, триумфу знания и достоинства. У меня такое чувство, как будто я ненадолго имел счастье побывать вместе с Вами у М. Фонсеманя³⁸ (Barthélemy 1798: 104–105).

Понятно, что этот вычурный комплимент М. Мэти больше адресован Бартеlemi проповеднику, любимцу публики, желанному гостю парижских салонов, чем Бартеlemi-ученому, разгадавшему одну из загадок древности. За изящным слогом секретаря Королевского общества даже не скрывается его неприязнь к своему соотечественнику и коллеге по цеху, который не вызывал особого дружелюбия не только у части ученого сообщества. Например, молодой шотландский барон Джеймс Макдональд (1741–1765) в свойственной его темпераменту и возрасту манере, по свидетельству П.М. Пачиауди³⁹ (письмо из Италии от 23 октября 1766 г. Бартеlemi в Париж), отозвался о Свинтоне как о самом грубом, невоспитанном, упрямом, бесчестном, самонадеянном человеке в своей стране — «le plus brutal, le plus impoli, le plus tête, le plus malhonnête, le plus présomptueux de sa nation» (цит. по: Badolle 1927: 80)⁴⁰.

³⁶ Мэтью Мэти (Matthew Maty, 1718–1776) — врач и писатель, с 1751 г. член Лондонского королевского общества. В ноябре 1765 г., после отставки Томаса Берча (Thomas Birch), М. Мэти был избран секретарем Лондонского королевского общества (Thomson 1812: 14).

³⁷ Джеймс Дуглас Мортон (James Douglas, 14th Earl of Morton, 1702–1768) — шотландский астроном, президент Философского общества Шотландии с 1737 г., президент Лондонского королевского общества с 14 марта 1764 г.

³⁸ Э.Л. Фонсемань (Étienne Lauréault de Foncemagne, 1694–1779) — французский эрудит и деятель церкви. Друг знаменитого английского историка Э. Гиббона, с которым в Англии дружил М. Мэти. Э. Фонсемань был хозяином литературного салона, который посещали видные деятели науки и культуры, ведущие члены Академии надписей и изящной словесности, в том числе Бартеlemi, который, между прочим, лично ознакомил Э. Гиббона с королевской коллекцией монет и медалей (Low 1937: 132).

³⁹ Паоло Мария Пачиауди (Paolo Maria Pasiaudi, 1710–1781) — итальянский священнослужитель, археолог, историк, нумизмат и антиквар, многолетний корреспондент Бартеlemi.

⁴⁰ Дж. Макдональд, несмотря на свою молодость, был весьма популярен в светских кругах Парижа, имел репутацию эрудированного, вдумчивого и остроумного человека. Проведя во Франции полтора года, в начале 1760-х годов Дж. Макдональд возвратился для поправки слабого с рождения здоровья на родину, затем отправился в Италию, где вскоре умер. Современник вспоминал его так: «Этот молодой человек прибыл в Париж после заключения недавнего мира и провел там 18 месяцев. Он удивил всех разнообразием и широтой своих познаний, обстоятельностью суждений, уравновешенностью и зрелостью духа. Все время, что мы были знакомы, о чем бы ни шла беседа, он не просто владел предметом разговора, но и

В 1771 г. в Париже вышел в свет первый том путевых заметок А.Г. Анкетиль-Дюперрона⁴¹ — между прочим, молодого протеже Бартелеми, который, не скрывая насмешки, счел нужным представить Свинтона, да и других представителей английской востоковедной школы, в откровенно карикатурном виде. Вспоминая свое пребывание в Англии, автор сообщает, что, прибыв в Оксфорд 17 января 1762 г., он первым делом нанес визит в дом Свинтона, где ему «был оказан достаточно любезный прием, если так можно сказать». После предложенного гостю чая Свинтон — хозяин дома, «маленький сморщенный человек с глазами, сверлящими как буравчик», проводил Анкетиль-Дюперрона в Бодлианскую библиотеку, где француз получил возможность ознакомиться на месте с интересующей его рукописью. После этого, на обеде у д-ра Бартона, Анкетиль-Дюперрон с сожалением отметил, что сопровождавший его Свинтон («mon *Cicéroné*, le Docteur Swinton», «l'Apollon des Docteurs Riches») вел себя весьма уничижительно по отношению к хозяину дома, хотя тот отличался от гостя лишь разницей в тридцать тысяч фунтов дохода (Anquetil du Perron 1771: 458–459). Содержание беседы за обедом с английскими востоковедами и последовавшее продолжение вечера Анкетиль-Дюперрон записал следующим образом:

Мы выпили за успех книги Зороастра. Затем я настоятельно призвал этих господ способствовать возрождению связей, которые некогда существовали между учеными Англии и Франции. Мои слова были восприняты ими с удовольствием. Они сказали, что я первый француз на их памяти, которого они видят в Оксфорде, прибывший с миссией исключительно развития научного знания. Одновременно они попросили меня передать моим соотечественникам то, что они думают по этому поводу... (Ibid.: 459).

После обеда хозяин дома и Свинтон вызвались проводить французского гостя к доктору Ханту, профессору арабской филологии, который занимался описанием восточных рукописей в Рэдклиффской библиотеке⁴². По пути к библиотеке сам внешний вид английских ученых вызвал усмешку Анкетиль-Дюперрона, чем благодарный французский гость не преминул поделиться с читателями своего научного труда:

Пересекая двор Крайст-Чёрч, я с трудом удерживал смех, наблюдая за фигурами моих провожатых. Доктор Свинтон, в плотно облегающей его мантии, опустив голову, покрытую нелепой засаленной треуголкой, имел совершенный вид университетского

выказывал редкие познания о нем. Такая ученость и достоинство в человеке двадцати лет и такая благородная простота характера, лишенная какого бы то ни было педантизма, отчасти шокировали не только наших светских франтов, которые ни о чем не могут говорить, кроме лошадей, кучеров и новых театральных постановок, но и вообще тех людей света, которые, дожив по 50–60 лет, остались не намного их мудрее. Однако эта досада не помешала шеваля Макдональду вращаться в лучшем обществе Парижа и пользоваться там расположением, весьма необычным для его возраста» (Grimm 1814: 98–99).

⁴¹ Абрахам Гиацинт Анкетиль-Дюперрон (Abraham Hyacinthe Anquetil-Duperron, 1731–1805) — знаменитый французский востоковед, собиратель и переводчик текстов Авесты. В 1755–1761 гг. он совершил поездку в Индию, в ходе которой приобрел множество уникальных зороастрийских манускриптов. По возвращении во Францию при посредничестве Бартелеми был назначен переводчиком восточных языков в Королевскую библиотеку, а в 1763 г. избран членом Французской академии надписей и изящной словесности. В 1771 г. им была опубликована в трех томах «Зенд-Авеста». Первый том этого издания полностью занял дневник его путешествия на Восток, и в числе прочего заметки о кратком пребывании в январе 1762 г. в Оксфорде и встрече с английскими ориенталистами перед возвращением в Париж из поездки в Индию. Целью его посещения Оксфорда было знакомство с рукописью *Vendidad Sade*, хранящейся в Бодлианской библиотеке.

⁴² Ныне ротонда Рэдклиффа Бодлианской библиотеки.

служаки (un *suppôt d'Université*). Доктор Бартон, высокий и статный, шел перед ним на несколько шагов впереди, облаченный в красивую широкую мантию. Атласная лента на шее, оба конца которой спускались на грудь, прекрасно гармонировала с бархатной шляпой, передний край которой низко опускался на лицо доктора, придавая ему еще более надменный вид. Добавьте сюда повороты головы направо и налево, как делает человек, которому доставляет удовольствие тщательно соизмерять каждый свой шаг, и вы получите портрет богатого английского каноника (Ibid.: 459–460)⁴³.

Эти и другие подобные наблюдения Анкетиль-Дюперрона, характеризующие, как кажется, больше автора, чем героев его рассказа, вполне вписывались в отношение к Свинтону парижского «света» и части французского востоковедного сообщества, о чем в числе прочего может свидетельствовать и следующий фрагмент из восхваления Г.-Э.-Ж. де Сэнт-Круа (Guillaume-Emmanuel-Joseph de Sainte-Croix, 1746–1809), французского историка и литератора, посвященного Бартеlemi:

Этот ученый [Свинтон], после того как использовал первые работы французского академика, присвоил себе его открытия и стал бесцеремонно его критиковать. Он заявил о своем приоритете по времени открытия, игнорируя вполне достоверные факты и те сроки, в которые Академия изящной словесности публикует свои статьи... Бартеlemi ответил на все эти придирки (*chicanes*) с большой рассудительностью, терпением и тактом. В этой очень долгой дискуссии, которая длилась 10 лет, он всегда соблюдал чувство меры, и одним этим уже заслуживает всеобщее одобрение (Barthélemy 1798: vol. I, xlv–xlvi).

Востоковедная наука начала XIX в. отнеслась к обоим ученым более взвешенно и не столь категорично. Сильвестр де Саси в рецензии на диссертацию своего ученика Й. Акерבלада, посвященной новой интерпретации финикийских надписей из сборника Р. Покока, писал⁴⁴:

⁴³ В своих заметках Анкетиль-Дюперрон вскользь и несколько небрежно касается также некоторых существовавших в Англии академических традиций и правил, что, разумеется, не могло не вызвать незамедлительной реакции английских ученых. Сразу по выходу в свет первого тома «Зенд-Авесты» Анкетиль-Дюперрона, в 1771 г., в Лондоне вышел анонимный памфлет на французском языке «Письмо господину А*** от господина Р***» (Lettre à Monsieur A*** du P***. London: P. Emsly, 1771). Автор памфлета, как выяснилось позднее, сэр Уильям Джонс (Sir William Jones, 1746–1794), британский филолог, индолог и переводчик, основатель Азиатского общества, с недоумением отмечал: «Вы написали об англичанах. Они Вас защищали против Ваших соотечественников; Вы возвратились в Европу на одном из их судов; Вы высадились в Англии в условиях военного времени; наиболее выдающиеся персоны королевства поспешили Вам на помощь; Вы отправились в Оксфорд, где Вам был оказан такой же любезный прием. Откуда же взялся этот злой взгляд на нацию, которую вся Европа уважает и будет уважать? Какое наказание Ваш Зороастр предписывает для неблагодарных?» (Р. 22). Далее автор письма задается риторическими вопросами: «Вообще, как относиться к так называемому писателю, который насмехается над теми, кто ему оказал гостеприимство? Как относиться к тому, кто, находясь за одним столом с именитыми учеными, даже за скромной чашкой чая, бесцеремонно клеветает на них, как только покидает их дом, нарушает законы приличия — законы, которые трепетно почитаются на Востоке, кто порочит звание не то что ученого, но и просто человека?» (Ibid.).

⁴⁴ Заметим, что Й. Акерblad также не смог опознать в пококовской надписи глагольную форму *ym 't* — «(я) соорудил», предложив вместо этого *upn 't* — «*discessit*, я удалился» (Akerblad 1802: 23). Необычно, что в его интерпретации из слов *l'sty* — «для моей супруги» была произвольно выделена форма *sty* как недостающий в этом контексте глагол «установить, соорудить» (Ibid.: 22, 25). Между тем С. де Саси, также испытывая затруднение в прочтении слова *ym 't*, верно заметил, что оно является ключевым для понимания всего смысла надписи: «...il nous manque encore le sens d'un des mots les plus essentiels pour l'intelligence de cette inscription» (Sacy 1803: 10). Ф. Гезениус, в свою очередь, назвал эту глагольную форму: «*Difficilima totius tituli verba*» (Gesenius 1837: 131).

М. Акерблад начинает с того, что упоминает переводы надписи Покока, предложенные учеными [Бартеlemi и Свинтоном], на которые я только что указал. И хотя ни тот ни другой перевод нельзя признать удовлетворительным, если вообще можно их сравнивать, тем не менее, выбор сделать не трудно. Насколько можно признать в интерпретации аббата Бартеlemi точность ученого, использующего все имеющиеся у него возможности, чтобы обнаружить истину, не предлагающего свои конъюнктуры, кроме тех случаев, где они совсем очевидны, и предпочитающего оставить лакуны в своей работе, а не насильно навязывать памятникам надуманный смысл, настолько перевод Свинтона предлагает интерпретации, противоречащие той любви к истине и скромной тщательности, которые должны характеризовать любого исследователя древностей (Sacy 1803: 4–5).

В 1837 г. вышел в свет фундаментальный труд Ф. Гезениуса, посвященный финикийской филологии, — *Scripturae linguaeque Phoeniciae* (Gesenius 1837). В этой работе немецкий семитолог не только сделал анализ некоторых предыдущих попыток перевода финикийско-пунических текстов, представил свои переводы, но и дал в приложении прорисовки многих известных на тот день надписей. Объемный трехтомник на латинском языке, конечно, был доступен только узкому кругу специалистов в восточной филологии и любителей древностей. Широкий круг читателей познакомился с работой Ф. Гезениуса посредством газетно-журнальных рецензий и обзоров. Одна из таких публикаций появилась в 1838 г. в популярном в то время лондонском издании *The Foreign Quarterly Review*. Мнение авторитетного семитолога о заслугах Бартеlemi и Свинтона было приведено газетчиками в следующем виде:

Эти два опытных исследователя, почти параллельно, двигались к своей цели с тщанием и мудростью. И так как они правильно определили истинное значение букв финикийского алфавита, их можно назвать основателями финикийской эпиграфики. Можно только сожалеть, что подобно их предшественникам-основателям в другой области, Ромулу и Рэму, между ними возникла ссора. Эта острая, ожесточенная дискуссия касалась как приоритета в открытии, так и перевода некоторых памятников. Что касается первого пункта спора, то самый ранний перевод — это заслуга Свинтона, а относительно второго пункта — заслуга более точного перевода принадлежит Бартеlemi. При этом представляется очевидным, что Свинтон был более успешен в дешифровке, чем в переводе этих надписей (Gesenius 1838: 447–448).

Подводя некоторый итог этой многолетней дискуссии, по сути — конфликту двух замечательных ученых-энциклопедистов, куда невольным образом были втянуты как ориенталисты-семитологи, так и светская публика, предположим, что это интеллектуальное противостояние «надменного островитянина» и «рассудительного француза» стало отражением как индивидуальных черт Бартеlemi и Свинтона, так и той среды, в которой жили и работали оба ученых. При этом, как представляется, важным обстоятельством можно считать и разницу в пути, который проделали эти ученые к науке. Но это, пожалуй, уже отдельная глава о жизни творцов западносемитской эпиграфики.

Сокращения

IG — Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. I–IV. Berlin, 1828–1853, 1877.

CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum. Vol. I–V. Paris, 1881–1962.

KAI — Donner H., Röllig W. Kanaanäische und aramäische Inschriften. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.

Литература

Юнусов 2013 — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары // Письменные памятники Востока. 2013. № 2 (вып. 19). С. 100–125.

Юнусов 2014 — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. II. Пальмирские тексты в Европе: Ж.-Ж. Скалигер // Письменные памятники Востока. 2014. № 2 (вып. 21). С. 125–152.

Юнусов 2015 — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. III. Пальмирские тексты в Европе: С. Пети и Н.-К. де Пейреск // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (вып. 22). С. 75–97.

Юнусов 2016 — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. IV. В поисках пальмирских текстов: первые английские путешественники в Тадмор // Письменные памятники Востока. 2016. Том 13. № 1 (вып. 24). С. 78–96.

Юнусов 2019a — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. V. Дешифровка пальмирского алфавита: Дж. Свинтон и Ж.-Ж. Бартеlemi. Часть I // Письменные памятники Востока. 2019. Том 16. № 1 (вып. 36). С. 90–113.

Юнусов 2019b — Юнусов М.М. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди. V. Дешифровка пальмирского алфавита: Дж. Свинтон и Ж.-Ж. Бартеlemi. Часть II // Письменные памятники Востока. 2019. Том 16. № 2 (вып. 37). С. 85–105.

Anquetil du Perron 1771 — *Anquetil du Perron, A.H.* Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre, contenant les idées théologiques, physiques & morales de ce législateur, les cérémonies du culte religieux qu'il a établi, & plusieurs traits importants relatifs à l'ancienne histoire des Perses. Tome 1. Paris: N.M. Tilliard, 1771.

Akerblad 1802 — *Akerblad J.D.* Inscriptionis Phoeniciae Oxoniensis nova interpretatio. Paris: ex Typographiâ reipublicae, 1802.

Badolle 1927 — *Badolle M.* L'abbé Jean-Jacques Barthélemy (1716–1795) et l'hellénisme en France dans la seconde moitié du XVII le siècle. Paris: Les presses universitaires de France, 1927.

Barthélemy 1756 — *Barthélemy J.-J.* Dissertation sur deux médailles samaritaines d'Antigonus roi de Judée // Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, Depuis l'année M. DCCXLVIII, jusques & compris l'année M. DCCLI. Tome 24. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1756. P. 49–65.

Barthélemy 1759 — *Barthélemy J.-J.* Extrait d'un Memoire sur les lettres pheniciennes // J. de Guignes. Mémoire, dans lequel on prouve que les Chinois sont une colonie égyptienne. Paris: Desaint & Saillan, 1759. P. 39–54 (Même, réédition. Paris: Desaint & Saillan, 1760. P. 39–54).

Barthélemy 1764 — *Barthélemy J.-J.* Réflexions sur quelques monuments phéniciens et sur les alphabets qui en résultent // Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, Depuis l'année M. DCCXLVIII, jusques & compris l'année M. DCCLI. Tome 30. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1764. P. 405–428.

Barthélemy 1766 — *Barthélemy J.-J.* Lettre à Monsieur le Marquis Olivieri, au sujet de quelques monuments phéniciens; pour servir de réponse à deux Lettres insérées dans le 54e volume des Transactions Philosophiques. Paris: L.F. Delatour, 1766.

- Barthélemy 1798 — *Barthélemy J.-J.* Oeuvres diverses de J.J. Barthélemy. Vols. I–II. A Paris: Chez H.J. Jansen, l'An 6-me, 1798.
- Bayer 1772 — *Bayer F.P.* Del alfabeto y lengua de los fenicios y sus colonias // La Conjuración de Catilina y la guerra de Jugurta por Salustio Crispo. Madrid: J. Ibarra, 1772. P. 335–379.
- Bayer 1835 — *Bayer F.P.* Schrift und Sprache der Phönizier und ihrer Colonien, aus dem Spanischen von H. Holtmann, mit Anmerkungen von W. Gesenius // Paläographische Studien Über phönizische und punische Schrift. Herausgegeben von D. Wilhelm Gesenius. Leipzig: Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1835. S. 1–66.
- Berger 1888 — *Berger Ph.* L'histoire d'une inscription. Une rectification au Corpus inscriptionum semiticarum, 1ère partie, n.º122 // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 32 année. 1888. No. 6. P. 494–500.
- Bernard 1689 — *Bernard E.* Orbis eruditi Literature à Caractere Samaritico deducta & ab ipso A.D. 1689. [Oxford: John Gibson, 1759?] (Table of alphabets).
- Bochart 1646 — *Bochart S.* Geographiae Sacrae. Cadomi: Typis Petri Cardonelli, 1646.
- Bulifon 1698 — *Bulifon A.* Lettere memorabili, istoriche, politiche, ed erudite scritte, e raccolte da Antonio Bulifon. Raccolta quarta. Napoli: Presso Antonio Bulifon, 1698.
- Chishull 1728 — *Chishull E.* Antiquitates Asiaticae Christianam aeram antecedentes. London: Typis G. Bowyer, 1728.
- Cooke 1903 — *Cooke G.A.* A Text-book of North-Semitic Inscriptions: Moabite, Hebrew, Phoenician, Aramaic, Nabataean, Palmyrene, Jewish. Oxford: The Clarendon Press, 1903.
- Dutens 1776 — *Dutens L.* Explication de quelques médailles grecques et phéniciennes avec une paléographie numesmatique. II édition. Londres: chez P. Elmsly librairie, 1776.
- Gesenius 1837 — *Gesenius W.* Scripturae linguaeque Phoeniciae. P. I–III. Lipsiae: F.C.G. Vogelii, 1837.
- Gesenius 1838 — *Gesenius W.* Scripturae linguaeque Phoeniciae. P. I–III. Lipsiae, 1837. Review // The Foreign Quarterly Review. 1838. T. 21. P. 445–462.
- Gibson 1982 — *Gibson J.C.L.* Textbook of Syrian Semitic Inscriptions. Vol. 3. Phoenician Inscriptions, Including Inscriptions in the Mixed Dialect of Arslan Tash. Oxford: University Press, 1982.
- Grimm 1814 — *Grimm F.M.* Mémoires historiques, littéraires et anecdotiques: ou, Correspondance philosophique et critique, adressée au duc de Saxe Gotha, depuis 1753 jusqu'en 1769. Partie 1. Tome III. Londres: Colburn, 1814.
- Lehmann 2013 — *Lehmann R.G.* Wilhelm Gesenius and the Rise of Phoenician Philology // Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. Band 47. Berlin–Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2013. P. 209–266.
- Lidzbarski 1898 — *Lidzbarski M.* Handbuch der nordsemitischen Epigraphik nebst ausgewählten Inschriften. I. Teil: Text. Weimar: Emil Felber, 1898 (Nachdruck: Georg Olms, Hildesheim, 1962).
- Low 1937 — *Low D.M.* Edward Gibbon 1737–1794. New York: Random House, 1937.
- Macray 1890 — *Macray W.D.* Annals of the Bodleian Library, Oxford. Oxford: The Clarendon Press, 1890.
- Marne 1735 — *Marne Guyot de.* Dissertazione II del commendatore F. Giuseppe Claudio Guyot de Marne Lorenese dell'ordine Gerosolimitano sopra un'iscrizione Punica, e Greca. // Saggi di dissertazioni accademiche Pubblicamente lette nella nobile accademia Etrusca. Dell' antichissima Città di Cortona. Roma: Tommaso / Pagliarini, 1735. P. 25–34.
- Montfaucon 1708 — *Montfaucon B. (de).* Palæographia græca. Paris: apud Ludovicum Guerin, 1708.
- Nisard 1877 — Correspondance inédite du comte de Caylus avec le P. Paciaudi, théatin (1757–1765): suivie de celles de l'abbé Barthélémy et de P. Mariette avec le même, publiées par Charles Nisard. Tome 2. Paris: Imprimerie nationale, 1877.
- Pococke 1745 — *Pococke R.* A Description of the East, and Some Other Countries. Vol. 2. Part 1. London: W. Bowyer, 1745.
- Rhenferd 1713 — *Rhenferd J.* Periculum Phœnicium, sive literaturæ Phœniciaë. Franequer: Wibium Bleck, 1713.

- Sacy 1803 — *Sacy S. (de)*. Notice d'une dissertation de M.J.D. Akerblad, intitulée *Inscriptionis Phoeniciae Oxoniensis nova interpretatio*. Paris: D. Jeune, 1803.
- Scaliger 1606 — *Scaliger J.* Animadversiones in Chronologica Eusebii, tertia propemodum parte auctiores atque emendatiores // *Scaliger Joseph*. Thesaurus Temporum, Eusebii Pamphili. Lugdunum Batavorum: Sumptibus Commelinorum, 1606. P. 3–238.
- Szzyrmer 1975 — *Szzyrmer M.* Antiquités et épigraphie nord-sémitiques // École pratique des hautes études. 4e section, Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1974–1975. 1975. P. 191–208.
- Swinton 1750 — *Swinton J.* Inscriptiones Citieæ, sive in binas inscriptiones phoenicias inter rudera Citii nuper preperatas, coniecturæ. De nummis quibusdam Samaritanis et Phœniciis, vel insolitam præ se literaturam ferentibus, vel in lucem hactenus non editis, dissertatio. Oxford: Oxford University Press, J. Fletcher, 1750.
- Swinton 1753 — *Swinton J.* De nummis quibusdam Samaritanis et Phœniciis: vel insolitam præ se literaturam ferentibus, vel in lucem hactenus non editis dissertatio secunda. Oxford, 1753.
- Swinton 1764a — *Swinton J.* Some Remarks upon the First Part of M. l'Abbé Barthélemy's Memoir on the Phœnician Letters, Relative to a Phœnician Inscription in the Island of Malta. In a Letter to the Rev. Thomas Birch, D.D. Secret. R.S. from the Rev. John Swinton, B.D.F.R.S. Member of the Academy Degli Apatisti at Florence, and of the Etruscan Academy of Cortona in Tuscany // *Philosophical Transactions*. 1764. No. 54. P. 119–140.
- Swinton 1764b — *Swinton J.* Farther Remarks upon M. l'Abbé Barthélemy's Memoir on the Phœnician Letters, Containing His Reflections on Certain Phœnician Monuments, and the Alphabets Resulting from Them. In a Letter to the Rev. Thomas Birch, D.D. Secretary to the Royal Society, from the Rev. John Swinton, B.D.F.R.S. Member of the Academy Degli Apatisti at Florence, and of the Etruscan Academy of Cortona in Tuscany // *Philosophical Transactions*. 1764. No. 54. P. 393–438.
- Thomson 1812 — *Thomson T.* History of the Royal Society: From Its Institution to the End of the Eighteenth Century. London: R. Baldwin, 1812.
- Velazquez 1752 — *Velazquez L.J.* Ensayo sobre los Alfabetos de las Letras Desconocidas, que se encuentran en las más Antiguas Medallas, y Monumentos de España. Madrid: Antonio Sanz, 1752.
- Villefosse 1901 — *Villefosse A.H. (de)*. L'histoire d'une inscription (addition à une note de M. Philippe Berger) // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 45 année. No. 1, 1901. P. 17–35.

References

- Anquetil du Perron, Abraham Hyacinthe. *Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre, contenant les idées théologiques, physiques & morales de ce législateur, les cérémonies du culte religieux qu'il a établi, & plusieurs traits importants relatifs à l'ancienne histoire des Perses*. Tome 1. Paris: N.M. Til-liard, 1771 (in French).
- Akerblad, Johan David. *Inscriptionis Phoeniciae Oxoniensis nova interpretatio*. Paris: ex Typographiâ peipublicae, 1802 (in Latin).
- Badolle, Maurice. *L'abbé Jean-Jacques Barthélemy (1716–1795) et l'hellénisme en France dans la seconde moitié du XVII le siècle*. Paris: Les presses universitaires de France, 1927 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Dissertation sur deux médailles samaritaines d'Antigonus roi de Judée”. In: *Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres*. Depuis l'année M. DCCXLVIII, jusques & compris l'année M. DCCLI. Tome 24. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1756, pp. 49–65 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Extrait d'un Memoire sur les lettres phéniciennes”. In: *J. de Guignes. Mémoire, dans lequel on prouve que les Chinois sont une colonie égyptienne*. Paris: Desaint & Saillan, 1759, pp. 39–54 (Même, réédition. Paris: Desaint & Saillan, 1760, pp. 39–54) (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. “Réflexions sur quelques monuments phéniciens et sur les alphabets qui en résultent”. In: *Mémoires de littérature, tirés des registres de cette Académie Royale des Inscip-*

- tions et Belles-Lettres, Depuis l'année M. DCCXLVIII, jusques & compris l'année M. DCCLI.* Tome 30. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1764, pp. 405–428 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. *Lettre à Monsieur le Marquis Olivieri, au sujet de quelques monuments phéniciens; pour servir de réponse à deux Lettres insérées dans le 54e volume des Transactions Philosophiques.* Paris: L.F. Delatour, 1766 (in French).
- Barthélemy, Jean-Jacques. *Oeuvres diverses de J.J. Barthélemy.* Vols. I–II. A Paris: Chez H.J. Jansen, l'An 6-me, 1798 (in French).
- Bayer, Franz Perez. “Del alfabeto y lengua de los fenicios y sus colonias”. In: *La Conjuración de Catilina y la guerra de Jugurta por Salustio Crispo.* Madrid: J. Ibarra, 1772, pp. 335–379 (in Spanish).
- Bayer, Franz Perez. “Schrift und Sprache der Phönizier und ihrer Colonien, aus dem Spanischen von H. Holtmann, mit Anmerkungen von W. Gesenius”. In: *Paläographische Studien Über phönizische und punische Schrift.* Herausgegeben von D. Wilhelm Gesenius. Leipzig: Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1835, SS. 1–66 (in German).
- Berger, Philippe. “L’histoire d’une inscription. Une rectification au Corpus inscriptionum semiticarum, 1ère partie, no. 122”. In: *Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 32 année, no. 6, 1888, pp. 494–500 (in French).
- Bernard, Eduard. *Orbis eruditi Literature à Characterè Samaritico deducta & ab ipso A.D. 1689 [Oxford: John Gibson, 1759?]* (in Latin) (Table of alphabets).
- Bochart, Samuel. *Geographiae Sacrae.* Cadomi: Typis Petri Cardonelli, 1646 (in Latin).
- Bulifon, Antonio. *Lettere memorabili, istoriche, politiche, ed erudite scritte, e raccolte da Antonio Bulifon.* Raccolta quarta. Napoli: Presso Antonio Bulifon, 1698 (in Italian).
- Chishull, Edmund. *Antiquitates Asiaticae Christianam aeram antecedentes.* London: Typis G. Bowyer, 1728 (in Latin).
- Cooke, G.A. *A Text-book of North-Semitic Inscriptions: Moabite, Hebrew, Phoenician, Aramaic, Nabataean, Palmyrene, Jewish.* Oxford: The Clarendon Press, 1903 (in English).
- Dutens, Louis. *Explication de quelques médailles grecques et phéniciennes avec une paléographie numismatique.* II edition. Londres: chez P. Elmsly librairie, 1776 (in French).
- Gesenius, Wilhelm. *Scripturae linguaeque Phoeniciae.* P. I–III. Lipsiae: F.C.G. Vogelii, 1837 (in Latin).
- Gesenius, Wilhelm. “Scripturae linguaeque Phoeniciae. P. I–III. Lipsiae, 1837. Review”. In: *The Foreign Quarterly Review*, 1838, t. 21, pp. 445–462 (in English).
- Gibson, John C.L. *Textbook of Syrian Semitic Inscriptions.* Vol. 3. Phoenician Inscriptions, Including Inscriptions in the Mixed Dialect of Arslan Tash. Oxford: University Press, 1982.
- Grimm, Friedrich Melchior (von). *Mémoires historiques, littéraires et anecdotiques: ou, Correspondance philosophique et critique, adressée au duc de Saxe Gotha, depuis 1753 jusqu’en 1769.* Partie 1. Tome III. Londres: Colburn, 1814 (in French).
- Lehmann, Reinhard G. “Wilhelm Gesenius and the Rise of Phoenician Philology”. In: *Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft.* Band 47. Berlin–Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2013, pp. 209–266 (in English).
- Lidzbarski, Mark. *Handbuch der nordsemitischen Epigraphik nebst ausgewählten Inschriften.* I. Teil: Text. Weimar: Emil Felber, 1898 (Nachdruck: Georg Olms, Hildesheim, 1962) (in German).
- Low, David Morrice. *Edward Gibbon 1737–1794.* New York: Random House, 1937 (in English).
- Macray, William. *Dunn Annals of the Bodleian Library, Oxford.* Oxford: The Clarendon Press, 1890 (in English).
- Marne Guyot de. “Dissertazione II del commendatore F. Giuseppe Claudio Guyot de Marne Lorenese dell’ordine Gerosolimitano sopra un iscrizione Punica, e Greca”. In: *Saggi di dissertazioni accademiche Pubblicamente lette nella nobile accademia Etrusca. Dell’ antichissima Città di Cortona.* Roma: Tommaso–Pagliarini, 1735, pp. 25–34 (in Italian).
- Montfaucon, Bernard de. *Palæographia graeca.* Paris: apud Ludovicum Guerin, 1708 (in Latin).
- Nisard, Charles (ed.). *Correspondance inédite du comte de Caylus avec le P. Paciaudi, théatin (1757–1765): suivie de celles de l’abbé Barthélémy et de P. Mariette avec le même, publiées par Charles Nisard.* Tome 2. Paris: Imprimerie nationale, 1877 (in French).

- Pococke, Richard. *A Description of the East, and Some Other Countries*. Vol. 2, part 1. London: W. Bowyer, 1745 (in English).
- Rhenferd, Jacob. *Periculum Phœnicium, sive literaturæ Phœniciaë*. Franequer: Wibium Bleck, 1713 (in Latin).
- Sacy, Silvestre (de). *Notice d'une dissertation de M.J.D. Akerblad, intitulée Inscriptionis Phœniciaë Oxoniensis nova interpretatio*. Paris: D. Jeune, 1803 (in French).
- Scaliger, Joseph. "Animadversiones in Chronologica Eusebii, tertia propemodum parte auctiores atque emendatiores". In: Scaliger Joseph. *Thesaurus Temporum, Eusebii Pamphili*. Lugdunum Batavorum: Sumptibus Commelinorum, 1606, pp. 3–238 (in Latin).
- Szzyrmer, Maurice. "Antiquités et épigraphie nord-sémitiques". In: *École pratique des hautes études*. 4e section, Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1974–1975. 1975, pp. 191–208 (in French).
- Swinton, John. *Inscriptiones Citiæ, sive in binas inscriptiones phœnicias inter rudera Citiæ nuper preperatas, coniecturæ. De nummis quibusdam Samaritanis et Phœniciis, vel insolitam præ se literaturam ferentibus, vel in lucem hactenus non editis, dissertatio*. Oxford: Oxford University Press, J. Fletcher, 1750 (in Latin).
- Swinton, John. *De nummis quibusdam Samaritanis et Phœniciis: vel insolitam præ se literaturam ferentibus, vel in lucem hactenus non editis dissertatio secunda*. Oxford, 1753.
- Swinton, John. "Some Remarks upon the First Part of M. l'Abbé Barthélemy's Memoir on the Phœnician Letters, Relative to a Phœnician Inscription in the Island of Malta. In a Letter to the Rev. Thomas Birch, D.D. Secret. R.S. from the Rev. John Swinton, B.D.F.R.S. Member of the Academy Degli Apatisti at Florence, and of the Etruscan Academy of Cortona in Tuscany". *Philosophical Transactions*, 1764, no. 54, pp. 119–140 (in English).
- Swinton, John. "Farther Remarks upon M. l'Abbé Barthélemy's Memoir on the Phœnician Letters, Containing His Reflections on Certain Phœnician Monuments, and the Alphabets Resulting from Them. In a Letter to the Rev. Thomas Birch, D.D. Secretary to the Royal Society, from the Rev. John Swinton, B.D.F.R.S. Member of the Academy Degli Apatisti at Florence, and of the Etruscan Academy of Cortona in Tuscany". *Philosophical Transactions*, 1764, no. 54, pp. 393–438 (in English).
- Thomson, Thomas. *History of the Royal Society: From Its Institution to the End of the Eighteenth Century*. London: R. Baldwin, 1812 (in English).
- Velazquez, Luis Joseph. *Ensayo sobre los Alfabetos de las Letras Desconocidas, que se encuentran en las más Antiguas Medallas, y Monumentos de España*. Madrid: Antonio Sanz, 1752 (in Spanish).
- Villefosse, Antoine Héron (de). "L'histoire d'une inscription (addition à une note de M. Philippe Berger)". In: *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 45 année, 1901, no. 1, pp. 17–35. (in French).
- Yunusov M.M. "Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. I. Pal'mirskie teksty v Rime v XVI v.: kardinaly-metsenaty i uchenyie-antikvary" [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 1. Palmyrene Texts in Rome in the 16th Century: The Cardinals-Patrons of the Arts and Scholars-Antiquarians]. *Pismennyye pamiatniki Vostoka*, 2013, no. 2 (issue 19), pp. 100–125 (in Russian).
- Yunusov M.M. "Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. II. Pal'mirskie teksty v Evrope: Zh.-Zh. Scaliger" [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 2. Palmyrene Texts in Europe: J.J. Scaliger]. *Pismennyye pamiatniki Vostoka*, 2014, no. 2 (issue 21), pp. 125–152 (in Russian).
- Yunusov M.M. "Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. III. Pal'mirskie teksty v Evrope: S. Peti i N.-K. de Peiresk" [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 3. Palmyrene Texts in Europe: S. Petit and N.-C. de Peiresc]. *Pismennyye pamiatniki Vostoka*, 2015, no. 1 (issue 22), pp. 75–97 (in Russian).
- Yunusov M.M. "Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. IV. V poiskah pal'mirskikh tekstov: pervyye angliyskiye puteshestvenniki v Tadmore" [From the History of the

- Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 4. In Search of Palmyrene Texts: The First English Travellers in Tadmor]. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2016, tom 13, no. 1 (issue 24), pp. 78–96 (in Russian).
- Yunusov M.M. “Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. V. Deshifrovka palmyrskogo pis'ma: J. Swinton i J.-J. Barthelemy” [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 5. Decipherment of Palmyrene Alphabet: J. Swinton and J.-J. Barthélemy]. Part I. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2019, tom 16, no. 1 (issue 36), pp. 90–113 (in Russian).
- Yunusov M.M. “Iz istorii deshifrovki zapadnosemitskogo pis'ma: sobytiia i liudi. V. Deshifrovka palmyrskogo pis'ma: J. Swinton i J.-J. Barthelemy” [From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. 5. Decipherment of Palmyrene Alphabet: J. Swinton and J.-J. Barthélemy]. Part II. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, 2019, tom 16, no. 2 (issue 37), pp. 85–105 (in Russian).

**From the History of the Decipherment of West Semitic Writing:
Events and People.
(VI) Decipherment of Phoenician Alphabet:
J.-J. Barthélemy and J. Swinton**

(*Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 21–45)
Received 20.11.2019.

Marat M. Yunusov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

In the middle of the 18th century, Barthélemy and Swinton almost simultaneously deciphered Phoenician writing. This outstanding event in the history of the West Semitic epigraphy has once again led to a dispute between two scholars for the primacy in this discovery. Would Barthelemy's decipherment have been so quick and successful without the work that had been done by his predecessors, including Swinton?

Key words: Barthélemy, Swinton, Phoenician alphabet, Melitensis prima, Cippi Melqarti, Citiensis secunda.

About the author:

Marat M. Yunusov, Cand. Sci. (History), Researcher of the Department of the Ancient Orient Studies, IOM RAS (ymm65@hotmail.com).

«Китаб-и Нуктат ал-Каф» как источник по изучению шейхизма и раннего бабизма

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806220010033

Статья посвящена интересной ранней хронике истории бабизма «Китаб-и Нуктат ал-Каф», до сих пор представляющей собой предмет острой полемики и послужившей поводом для многих спекуляций в исследовательской среде. Автор сравнивает точку зрения на этот памятник, разделяемую в той или иной мере многими учеными и изложенную Х. Коулом, с позицией, сформулированной в более позднее время в статье У. Маккантса и К. Милани, всячески пытавшихся сгладить явные противоречия в тексте хроники. Своими контрдоводами автор высвечивает слабые стороны доказательной базы Маккантса и Милани, поддерживая аргументацию Коула.

Ключевые слова: бабизм, религия бахаи, история бабизма, компилятивные хроники.

Статья поступила в редакцию 15.09.2019.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2020

«Китаб-и Нуктат ал-Каф», или «История Мирзы Джани (Кашани)» получила известность после того, как в 1910 г. Э. Браун (E. Brown) издал персидский текст исторической хроники, повествующей о ранней истории бабизма, авторство которой приписывалось Мирзе Джани из Кашана (Kitab-i NUQTATU'L-KAF 1910). Вероятно, «Кашан» и образованная от него *нисба* «Кашани» отразились в заглавии этой истории, которая буквально означает: «Книга точки буквы Кяф». У бабидов было принято в переписке именовать города по первой букве их названия. Так, земля «Т» означала Тегеран, земля «Ш» — Шираз и т.п. В этой ситуации «К» вполне могла означать город Кашан. Хаджи Мирза Джани Кашани был из почетных купцов Кашана и в самом начале бабидского движения уверовал в Баба. После покушения в 1268 г.х./1852 г. н.э. на шаха Насир ад-Дина он был арестован вместе с Бахауллой, посажен в одну с ним темницу Сийах-Чаль и скован одной с ним цепью. Спустя несколько дней он погиб

в числе тегеранских мучеников. Как и большая часть первых бабидов, он, вероятно, был выходцем из шейхитской среды¹.

В конце 90-х годов прошлого столетия, когда, работая над своей книгой «Очерки веры баби и бахаи» (Иоаннесян 2003), я обратился к этой истории по изданию Брауна, я еще не знал, что приблизительно в то же самое время американский исследователь Х. Коул издал пространный и подробную статью по данному вопросу (Cole 1998)², во многом основываясь на работе своего коллеги — Д. Макьюэна (MacEoin 1992). Мои выводы, сделанные независимо, как оказалось позже, в своем большинстве удивительно совпали с выводами Коула, главный из которых заключается в том, что «„История Мирзы Джани“ не является оригинальным произведением. Представляя собой позднюю компиляцию с возможным включением пассажей, действительно принадлежавших Мирзе Джани, она не позволяет судить об истинных взглядах ни самого Мирзы Джани, ни бабидов в целом на ранней стадии бабидского движения».

Характеризуя исследование самого Коула, отметим, что в нем он показал хорошее владение фактологией и умение логически анализировать данные. Но при этом он проявил полное незнание того, что есть «подделка», и неоправданную личную злобу к некоторым своим предшественникам, которых он считал своими оппонентами. Среди последних фигурировал ряд прославленных имен. Безусловным противоречием в его рассуждениях выступает и то обстоятельство, что, перечисляя признаки «подделки», присущие дошедшим до нас версиям данного памятника, он в то же время отказывается называть сам памятник «подделкой»³. Тем не менее, с учетом сделанных выше оговорок, мы отмечаем совпадение нашего мнения со многими частными оценками и суждениями этого исследователя.

Данная компилятивная хроника содержит разнородные части как по происхождению, так и по содержанию, включая и историю шейхизма, и его основоположников — Шайха Ахмада Ахса'и и Сайида Казима Рашти, а наиболее ранняя ее часть, несомненно, восходит либо к самому Мирзе Джани, либо к кому-либо из таких же шейхитов, перешедших в бабизм. По этой причине она может представлять интерес и как источник по изучению шейхизма, в частности, проливающий свет на логику тех многочисленных шейхитов, которые, признав в 1844 г. Баба, перешли в бабизм и в большинстве своем сложили головы за него.

Рассмотрим теперь имеющиеся списки этого памятника и то, почему его следует относить к разряду компиляций. Это особенно важно с учетом того, что споры о его «достоверности» и «аутентичности» не утихают до сих пор. Хотя эти дискуссии и не связаны напрямую с историей шейхизма, поскольку затрагивают вопрос степени надежности «Истории Мирзы Джани» как первоисточника, мы считаем необходимым уделить им здесь внимание. Очевидно, острая полемика вокруг этого памятника во многом подогрета тем обстоятельством, что Браун рассматривал его как мерло достоверности других исторических хроник событий, связанных с бабидами. И в этом, как показали будущие находки и исследования, он, безусловно, заблуждался.

¹ См. о нем: (Туманский 1894: 39–40; Hamadani 1893 (Introduction): XV, XIX; A Traveller's Narrative 1891 (Note T): 323–334).

² Поскольку мы пользовались интернет-версией этой статьи, в которой отсутствует пагинация, то можем дать лишь общую ссылку на сайт в разделе «Литература».

³ Вопрос здесь скорее в определении понятий: как называть компилятивный памятник, лишь части которого предположительно написаны лицом, которому приписывается авторство всего сочинения, и уместно ли квалифицировать его как «подделку»?

Браун основывал свою публикацию на двух списках из наследия французского дипломата де Гобино, хранящихся во Французской национальной библиотеке в Париже. Один из списков весьма неполный и содержит лишь небольшую часть текста, другой — полный.

Любой исследователь этого текста не мог не обратить внимание на то обстоятельство, что его части не только отличны по стилю, но и содержат разную датировку написания конкретных страниц, включая указания на годы, выходящие за временные рамки жизни Мирзы Джани, а среди описываемых событий есть и такие, которые произошли уже значительно позже его смерти. Так, на с. 61 опубликованного текста содержится следующая фраза, проливающая свет на время ее написания: «...подобно тому, как сегодня, когда истекло тысяча двести семьдесят семь лет от начала Миссии Посланника Бога...» (здесь и далее перевод всех цитат наш). В этой части, как явствует из текста, отсчет ведется не от хиджры, а от начала посланнической миссии пророка Мухаммада, датируемой десятью годами ранее хиджры. Эта практика отсчета характерна для шейхитов и бабидов, как и подобные косвенные указания на время создания текста. Таким образом, имеется в виду 1267 г.х. или 1850–1851 г. н.э., что соответствует датировке «Истории Мирзы Джани» Брауном. Эти годы укладываются во временные рамки жизни Мирзы Джани, так как достоверно установлено, что Мирза Джани погиб 15 сентября 1852 г. (1268 г.х.). Однако через тридцать страниц печатного текста встречаем другое указание: «...Сейчас, когда минуло тысяча двести семьдесят лет от переселения (хиджры) Посланника Бога...» Здесь отсчет уже ведется от хиджры, а следовательно, указанный год — 1270 г.х./1853–1854 г. н.э. Вопрос не только в том, что годы эти не согласуются между собой, из чего по меньшей мере следует, что хроника либо писалась в разное время, либо составлялась из отдельных написанных в разное время частей. Более существенно, однако, то, что вторая дата — 1270 г.х./1853–1854 г. н.э. — не укладывается во временные рамки жизни предполагаемого автора — Мирзы Джани. Почему сам Браун не обратил внимания на это несоответствие — отдельный вопрос. Значительно более позднее, чем годы жизни Мирзы Джани, время написания или существенного редактирования хроники выявляет и фраза, повествующая о географической распространенности новой веры: «Не только в одном Иране обнаружилось это Дело, но также распространено оно по всем странам, таким как Рум⁴, Индия, Туркестан, подобно тому, как слышал я, что в Стамбуле их (последователей новой религии. — Ю.И.) — великое множество». Эти строки никак не могут относиться к бабизму, сторонники которого не были отмечены в больших количествах за пределами Ирана, кроме Ирака, и, несомненно, повествуют о времени зарождения уже веры бахаи. Следовательно, как отмечает Коул и констатируем мы в упомянутой выше монографии, эти строки не могли появиться ранее 1863 г., т.е. года высылки османскими властями в Константинополь и вскоре в Адрианополь Бахауллы и его активных сторонников, что привело к возникновению там крупных общин бахаи, к которым по традиции применялось еще архаичное уже на тот момент обозначение «бабиды». К позднейшим интерполяциям Коул относит и страницы 106–125 и 185–200 опубликованного Брауном текста. Первый пассаж рассказывает о начале духовной миссии Баба⁵, второй детально описывает деятельность брата по отцу Бахауллы, ставшего после смерти основателя бабизма номинальным главой общины, но

⁴ Подразумевается Анатолия.

⁵ Нам не вполне понятно, на каком основании Коул считает этот пассаж поздней интерполяцией.

несравненно меньшим по влиянию в сравнении с Бахауллой. Коул справедливо отмечает: «Я просто не верю, что Азаль [брат Бахауллы] был настолько важен и известен, чтобы удостоиться такого пространного описания в работах, датируемых 1851–1854 гг. Не выступает он столь знаменательной фигурой и в других ранних бабидских хрониках»⁶. С этими рассуждениями трудно не согласиться любому осведомленному исследователю. «Материал об Азале, — делает вывод Коул, — не восходит к Хаджи Мирзе Джани. Но это не делает его бесполезным для историков. Это просто означает, что книга представляет собой менее важный источник, чем полагал Браун...⁷». Можно было бы увеличить число эпизодов, которые являются позднейшими интерполяциями. Но обратимся теперь к другим редакциям текста.

В последующий после публикации Брауна период были обнаружены другие списки данного памятника, сопоставление которых выявило разные редакции текста. Прежде всего укажем утерянную рукопись А.Г. Туманского, краткое описание которой вместе с выдержкой из ее текста в отличной от списка Брауна редакции приведены им в примечании во Введении к его русскому переводу *Китаб-и Акдас* («Наисвятой книги») бахаи (Китаб-е Акдес 1899: v–vi, viii–ix). Вопрос обретения этого списка через видного ученого-бахаи А.Ф. Гульпайгани обсуждается Туманским и в изданной нами недавно его переписке с бароном В.Р. Розеном, которая хранится в собрании СПб. Филиала Архива РАН (Ioannesyan 2013: 25, 57). Из того же Введения к переводу *Китаб-и Акдас* мы узнаем, что рукопись была добыта при содействии упомянутого выше ученого в семье самого Мирзы Джани(!), что существенно повышает ее значимость, и что она датирована 1291 г.х./1874 г. н.э. и приобретена Туманским в Тегеране в 1894 г. (Китаб-е Акдес 1899: v, примеч. 1): Сохранись рукопись по сей день, возможно, с ее помощью удалось бы пролить еще больший свет на многие невыясненные моменты этой хроники. Однако остается только гадать о судьбе данного списка. Неизвестно даже, был ли он вывезен Туманским из России, когда тот ее покидал, или он затерялся где-то в пределах страны. Мы достоверно знаем только, что некоторые рукописи из коллекции Туманского попали за рубеж, как, например, «Худуд ал-‘алам», подаренная Туманскому Гульпайгани, о чем мы узнаем из той же переписки с Розеном (Ioannesyan 2013: 44–45), и выкупленная В.Ф. Минорским позже на Западе для ЛО ИВ АН (ныне ИВР РАН) и хранящаяся сегодня в этом Институте. В любом случае, в распоряжение и западных ученых список «Истории Мирзы Джани» из коллекции Туманского не попал, поэтому он не учитывается и даже не упоминается в их исследованиях.

Коул проводит анализ имеющихся списков этого памятника, давая им рабочие названия, исходя из датировки, которая в большинстве случаев устанавливается логически. Этот анализ позволяет констатировать следующее. Части, автором которых можно признать самого Мирзу Джани, являются самой ранней хроникой этого сочинения. Она относится к 1850 или 1851 г. Коул предлагает называть ее «Кодекс 1851». В чистом виде, т.е. без последующих добавленных частей, он, возможно, сохранился в Иране, хотя утверждать это с уверенностью нельзя. Другая хроника была написана около 1854 г. (Кодекс 1854) неким свидетелем описываемых событий и участником бабидского движения. Она частично основана на более раннем сочинении Мирзы

⁶ Ср.: «But I simply do not believe Azal had been important or famous enough to have been discussed at such length in works written in 1851 or 1854, nor does he appear prominently in other early Babi chronicles».

⁷ Ср.: «This means that the book is less important than Browne thought...».

Джани, но при этом отразила взгляды и воззрения определенного сегмента бабидов в чуть более позднее время. Хотя она включила в себя большую часть хроники Мирзы Джани, в нее не вошла другая ее часть, но при этом добавлены новые пассажи. Однако, поскольку и она написана участником событий, то, по мнению Коула, она также может рассматриваться как первоисточник. «Кодекс 1854» следует признать анонимным, так как его автор неизвестен. Можно с уверенностью констатировать, что таковым не мог быть Мирза Джани, так как текст включает описание событий, происшедших после его смерти. Но его автором предположительно мог быть брат Мирзы Джани — Хаджи Мирза Исма'ил Забих, как сообщает Коул со ссылкой на Макьюэна (MacEoin 1992).

Такое предположение об авторстве «Кодекса 1854» представляется нам тем более вероятным, что оно разрешает два противоречия — наличие в большинстве списков пассажиров, не уместающихся хронологически в годы жизни Мирзы Джани, и то обстоятельство, что и утраченный список Туманского, полученный в семье самого Мирзы Джани, по свидетельству Туманского, также изобилует интерполяциями. Едва ли в семье автора хроники стали бы бережно хранить список, измененный и «искаженный» кем-то со стороны. Но если допустить, что источником многих «интерполяций» и добавленных пассажиров был кто-то из близких родственников и даже членов семьи Мирзы Джани, то наличие такой измененной и расширенной версии в семье первоначального автора выглядит значительно более правдоподобным.

Все три имеющихся списка «Истории Мирзы Джани» были сопоставлены Макьюэном. Речь идет о двух рукописях из Хайфы и Тегерана, а также о той, что была опубликована Брауном. Все они содержат упоминание 1270 г.х./1853–1854 г. н.э. и, соответственно, как справедливо утверждает Коул, восходят к «Кодексу 1854». Вполне вероятно также, отмечает этот исследователь, что именно этот Кодекс и начинался с теологического трактата, называвшегося «Точкой Кяф», что и дало название всему сочинению при последующих редакциях. Все три списка включают его в разном объеме, но только в опубликованном Брауном трактат представлен целиком. Он, как полагает Коул, по времени написания относится к концу 40-х годов XIX в., но по прошествии определенного периода трактат стал утрачивать свою актуальность для бабидской теологии и был опущен или урезан некоторыми переписчиками в пользу исторической хроники. Отметим, что трактат этот действительно несет на себе отпечаток определенной переходности от шейхитской к бабидской теологии, так как, несомненно, написан перешедшим в бабизм шейхитом на временном этапе, когда собственно бабидская теология еще формировалась. «Я полагаю, — замечает Коул, — что мы можем говорить собственно о „Китаб-и Нуктат ал-Каф“ или „Точке Кяф“ только начиная с „Кодекса 1854“, — добавляя, что ему неизвестно, предварялась ли первоначальная хроника самого Мирзы Джани, или «Кодекс 1851», этим трактатом.

«Кодекс 1854» подвергся редактированию в 1863 г., как полагает Коул, либо автором (не Мирзой Джани), либо поздним редактором, так как опубликованный Брауном список содержит упоминание «больших общин бабидов в Анатолии, Индии, Туркестане», что не могло относиться к бабидам собственно, а должно было означать уже бахаи, появившихся в этих странах не ранее 1863 г. (а в Туркестане лишь с начала 1880-х годов, после присоединения территорий, населенных туркменами, к Российской империи), как отмечено нами выше. Так возник «Кодекс

1863», и именно он представлен упоминавшимися выше рукописями из Тегерана и Хайфы.

Третья редакция, отразившая раскол между бабидами на приверженцев Бахауллы и сторонников его брата по отцу — Мирзы Йахьи (Субх-и Азаля), обозначившийся приблизительно в 1864 г., была предпринята в 1865–1866 гг. Эта версия и представлена парижской рукописью из коллекции де Гобино, опубликованной Брауном и принятой им за первоначало всех бабидских хроник. Именно в то время (1865–1866), как справедливо полагает Коул, и были добавлены анонимным историком в текст части на страницах 106–125 и 185–200 опубликованного Брауном текста. Вторая из них содержит восхваление главного противника Бахауллы в бабидской среде — Субх-и Азаля. Ее нет ни в тегеранском списке, ни в списке из Хайфы. По этому поводу Коул замечает: «Я не думаю, что добавленный материал об Азале — ложен, просто он создает ложное впечатление о том, каким [будто бы] выдающимся он (т.е. Субх-и Азаль. — Ю.И.) был в 1848 г. (в действительности он, девятнадцатилетний подросток, был едва заметен в ту пору...»).

Не только Макьюэном были найдены альтернативные версии «Истории Мирзы Джани». Согласно сообщению другого ученого — А. Раббани, в 70-х годах прошлого столетия исследователем Б. Фаридом⁸ была обнаружена версия, которую последний назвал «аутентичной книгой „Нуктат ал-Каф“»⁹. Он сверил ее с опубликованным Брауном списком и установил, что, за исключением небольших отличий, обе версии идентичны по содержанию. Правда, этот вывод не распространяется на пассажи о Субх-и Азале. Всякий раз, когда разговор заходит о нем, в списке Брауна появляется немало «добавленного материала», отсутствующего в оригинальной версии. Это особенно очевидно еще и потому, что такой материал сильно контрастирует в стиле с остальной книгой.

В 2004 г. У. Маккантс (W. McCants) и К. Милани (K. Milani) предприняли не слишком, на наш взгляд, удачную попытку проверить историю редактирования хроники Мирзы Джани, а заодно и опровергнуть сформировавшееся в результате относительного консенсуса исследователей представление об этапах сложения ее текста, столь убедительно описанных Коулом. Они сравнили изданную Брауном версию со списком, найденным в Принстонской коллекции, который был приобретен в числе других бабидских материалов из рукописного собрания Са'ид Хана Курдистани и датирован ими 1268 г.х./1851–1852 г. н.э. Они пришли к выводу, что, как и полагал Браун, «„Китаб-и Нуктат ал-Каф“ была действительно написана в начале 50-х годов XIX в.», но сделали оговорку, что при этом они согласны с современными учеными в том, что «Браун ошибочно приписал всю книгу целиком торговцу из Кашана» (McCants & Milani 2004: 432). Казалось бы, в этом выводе нет ничего опровергающего мнение большинства исследователей, так как при такой формулировке подтверждается главный тезис о компилятивном характере хроники. Однако, несмотря на сделанную оговорку, данные авторы принялись крайне неубедительно сглаживать все внутренние

⁸ Бадиулла Фарид был одним из известных ученых в Иране прошлого века, занимавшихся исследованиями в области бабизма и религии бахаи. Подробнее о нем см. сайт: <https://www.findagrave.com/memorial/141267857/badi%27u%27llah-farid>.

⁹ Эту информацию приводит Коул в своей статье. К сожалению, проверить ее нам не удалось из-за отсутствия доступа к указанному в статье источнику, полное название которого мы смогли установить: Farid, Badi'u'llah. "Manabi'-i Tarikhi-yi Amr-i Mubarak-i Hadrat-i Rabb-i A'la". In: Davudi, et al., Maqalat-i Mutafarqih. Tehran: МММА, 133, pp. 23–397. У нас нет оснований не доверять сообщению Коула.

противоречия текста, присутствующие и в принстонской рукописи и являющиеся основными доводами в пользу компилятивности памятника. Как убедится читатель, их доказательная база крайне слаба, а логика аргументации весьма спорна¹⁰. Так, на описания в тексте событий, последовавших после смерти Мирзы Джани, а именно на упоминание «больших общин бабидов» в Анатолии, Индии и Туркестане, Маккантс и Милани предлагают смотреть как на «гиперболу или следствие слухов, а не как на результат поздней редакции» (McCants & Milani 2004: 444)¹¹. Их даже не смутил тот факт, что «слухи» оказались «пророческими», и бабиды, ставшие уже бахаи, действительно постепенно появились в больших количествах на тех же самых территориях, но в значительно более поздний период. Для разрешения противоречия между двумя разными датами написания хроники, фигурирующими в тексте, — 1267 г.х./1850–1851 г. н.э. и 1270 г.х./1853–1854 г. н.э. — эти авторы предлагают первую понимать дословно, потому что «она слишком точна, чтобы быть отвергнутой» (Ibid.)¹², а вторую «не понимать буквально», а считать округленной, поскольку она «очень похожа на риторический прием» (Ibid.)¹³. При этом мысль о двойных стандартах и недопустимости избирательного применения принципа в науке у авторов не возникает, а приведенный ими пример якобы «риторического использования» другой даты в тексте неудачен и в действительности свидетельствует о противоположном тому, что пытаются доказать авторы¹⁴. Переходя к хвалебным пассажам о Субх-и Азале, Маккантс и Милани не усматривают в них позднейших интерполяций, так как «История Мирзы Джани» содержит и хвалебные пассажи о Бахаулле. По мнению авторов, они не могли бы сохраниться, если бы хроника прошла редакцию сторонника в Субх-и Азала (Ibid.: 443). Однако наличие «пассажей в пользу Бахауллы» объективно не исключает позднейшее интерполирование пассажей, превозносящих его злостного оппонента. Это может указывать на то, что последующие редакторы не решились изымать что-либо из уже имеющегося текста, а пошли по пути добавления в него того, что хотели видеть. Такая версия Маккантсом и Милани даже не рассматривается.

Изложенные выше факты и их анализ можно суммировать цитатой из работы Коула: «Парижская рукопись, опубликованная Брауном... несет на себе отпечаток всех четырех дат, т.е. 1850/51 г., 1854 г., 1863 г. и 1864 г. Она с очевидностью содержит материал из хроники Хаджи Мирзы Джани 1851 г. (погибшего в результате гонений

¹⁰ Неслучайно их доводы не убедили большинство ученых, имевших отношение к исследованию данного предмета, включая М. Момена (M. Momen).

¹¹ Ср.: «...could just as easily be the result of hyperbole or rumor rather than later redaction».

¹² Ср.: «...is too precise to be dismissed».

¹³ Ср.: «...such a number seems to be more of a rhetorical device than a hard and fast date».

¹⁴ Так, как на пример другого «риторического» указания на дату в тексте они ссылаются на фразу (с. 272 опубликованного Брауном списка), в которой автор хроники упрекает мусульман в ожидании *Ka'ima* после 1270 г., когда его появление уже состоялось. Дату эту, как утверждают авторы, нельзя понимать буквально (McCants & Milani 2004: 444). Однако именно эта дата отличается особой точностью, так как бабиды часто вели отсчет не от хиджры, а от вступления Мухаммада на духовное поприще за 10 лет до переселения из Мекки в Медину (см. об этом в начале настоящей статьи). Таким образом, 1270 г. в данном контексте точно соответствует 1260 г.х./1844 г. н.э. — году объявления Бабом своей духовной миссии (странно, что авторы не учли этого обстоятельства). Поскольку бабиды явление *Ka'ima* понимали иносказательно, а в появлении Баба видели исполнение пророчеств о *Ka'imе*, понимаемом фигурально, то для них 1270 г. = 1260 г.х. и означал год «пришествия *Ka'има* в этот мир». Соответственно, данный пример демонстрирует точность дат в тексте, а не их «риторическое» использование.

в 1852 г.). Но она дважды упоминает 1270 г.[х.] (начался в октябре 1853 г.) и включает в себя описание событий после 1851 г. ...В нее вошли ранние пассажи, не входящие к Хаджи Мирзе Джани, среди которых есть такие, что повествуют о последнем».

С учетом сказанного выше можно сделать следующий вывод. Историческая хроника под названием «История Мирзы Джани» не может быть полностью отвергнута как всецело «недостоверный источник», однако с учетом ее компилятивного характера и того, что к ней приложило руку немало редакторов, включая заинтересованных в тенденциозной подаче фактов (большая часть которых не выявлена), к использованию материалов этой хроники следует подходить крайне осторожно, подтверждая изложенные в ней факты соответствиями из других, более надежных источников.

Литература

- Иоаннесян 2003 — *Иоаннесян Ю.А.* Очерки Веры Баби и Бахаи: Изучение в свете первичных источников. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
- Китаб-е Акдес 1899 — Китаб-е Акдес. «Священная книга» современных бабидов / Текст, пер., введ. и приложения А.Г. Туманского // Записки АН по ист.-филол. отделению. Т. III. СПб., 1899.
- Туманский 1894 — *Туманский А.Г.* К вопросу об авторах истории бабидов, известной под именем Тарихе Манукчи تاریخ مانکچی или Тарихе Джедид تاریخ جدید // ЗВОРАО. Под ред. бар. В.Р. Розена. Т. 8. С.-Петербург, 1894. С. 33–45.
- Cole 1998 — *Cole J.* Nuqat al-Kaf and the Babi Chronicle Traditions // *Research Notes in Shaykhi, Babi and Bahá'í Studies*, 2:6, 1998–08. https://bahai-library.com/cole_nuqat_al-kaf_chronicle.
- Hamadani 1893 — *Hamadani M.H.* The Tarikh-i-Jadid or New History of Mirza 'Ali Muhammad the Bab / Translated from the Persian with an Introduction, Illustrations and Appendices by E.G. Browne. Cambridge: The University Press, 1893.
- Ioannesyan 2013 — *Ioannesyan Y.* The Development of the Babi/Baha'i Communities: Exploring Baron Rosen's Archives. London; New York: Routledge, 2013 (Iranian Studies Series).
- Kitab-i NUQTATU'L-KAF 1910 — Kitab-i NUQTATU'L-KAF, being the Earliest History of the Bábís Compiled by Hajji Mirzá Jání of Káshán. Edited from the Unique Paris Ms. Suppl. Persan 1071 by E.G. Browne. London, 1910.
- McCants & Milani 2004 — *McCants W., Milani K.* The History and Provenance of an Early Manuscript of the Nuqat al-Kaf Dated 1268 (1851–52) // *Iranian Studies*. September 2004. Vol. 37. No. 3. P. 431–449.
- MacEoin 1992 — *MacEoin D.* The Sources for Early Babi Doctrine and History. Leiden: E.J. Brill, 1992. P. 134–160.
- Schaefer et al 2001 — *Schaefer U., Towfigh N., Gollmer U.* Making the Crooked Straight. Translated from German by Geraldine Schuckelt. Oxford: George Ronald, 2001.
- A Traveller's Narrative 1891 — A Traveller's Narrative Written to Illustrate the Episode of the Bab. Edited in the Original Persian, and Translated into English, with an Introduction and Explanatory Notes, by E.G. Browne. Vol. 2. Cambridge, 1891.

References

- Cole, J. "Nuqat al-Kaf and the Babi Chronicle Traditions". In: *Research Notes in Shaykhi, Babi and Bahá'í Studies*, 2:6, 1998-08. https://bahai-library.com/cole_nuqat_al-kaf_chronicle (in English)

- Hamadani, M.H. *The Tarikh-i-Jadid or New History of Mirza 'Ali Muhammad the Bab*. Translated from the Persian with an Introduction, Illustrations and Appendices by E.G. Browne. Cambridge: The University Press, 1893 (in English).
- Ioannesyan, Y.A. *Ocherki very Babi i Bakhai* [Essays on the Babi and Baha'i Faiths]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003 (in Russian).
- Ioannesyan, Y. *The Development of the Babi/Baha'i Communities: Exploring Baron Rosen's Archives*. London and New York: Routledge, 2013 (Iranian Studies Series) (in English, Russian).
- Kitabe Akdes. Sviashchennishaia Kniga Sovremennykh Babidov* ["The Kitab-i-Aqdas". The Most Holy Book of the Present-day Babi's. Original Text and Supplements with a Translation and Introduction by A.G. Tumanski]. In: *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg (ZVORAO)*. VIII Série, vol. III. St. Petersburg: Royal Academy of Sciences, 1899 (in Arabic, Russian).
- Kitab-i NUQTATU'L-KAF, Being the Earliest History of the Bábís* Compiled by Hajji Mirzá Jání of Káshán. Edited from the Unique Paris Ms. Suppl. Persan 1071 by E.G. Browne. London, 1910 (in Persian, English).
- McCants, W. and Milani, K. "The History and Provenance of an Early Manuscript of the Nuqat al-Kaf Dated 1268 (1851–52)". *Iranian Studies*, vol. 37, no 3, September 2004, pp. 431–449 (in English).
- MacEoin, Denis. *The Sources for Early Babi Doctrine and History*. Leiden: E.J. Brill, 1992, pp. 134–160 (in English).
- Schaefer Udo, Towfigh Nicola and Gollmer Ulrich. *Making the Crooked Straight*. Translated from German by Geraldine Schuckelt. Oxford: George Ronald, 2001 (in English).
- A Traveller's Narrative Written to Illustrate the Episode of the Bab*. Edited in the Original Persian, and Translated into English, with an Introduction and Explanatory Notes, by E.G. Browne. Vol. 2. Cambridge, 1891 (in English).
- Tumanski A.G. "K voprosu ob avtorakh istorii Babidov izvestnoi pod imenem Tarikh-i-Manukchi Ili Tarikh-i-Jadid" [On the Question of the Authorship of the History of the Babis Known as Tarikh-i-Manukchi تاريخ مانكجی or Tarikh-i-Jadid جديد تاريخ]. In: *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg (ZVORAO)*, vol. VIII, 1893–1894. St. Petersburg, 1894, pp. 33–45 (in Russian).

The *Nuqat al-Kaf* as a Source for the Study of Shaykhism and Early Babism

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 46–55)

Received 15.09.2019.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

In the article, the author considers the early Babi chronicle *Kitab-i Nuqat al-Kaf* which, up to the present day, has been the object of severe polemics and the cause of great speculation in the academic milieu. The author compares the viewpoint on the subject prevalent among scholars, which is put forward by J. Cole, with the opposite view on the authenticity of the chronicle expressed by W. McCants and K. Milani in their study. The latter authors have tried to play down the obvious incongruities in the text of the chronicle in every possible way. The author highlights the weak

points in McCants and Milani's argumentation by his own counterarguments thus supporting Cole's stance on the issue.

Key words: the Babi Faith, the Baha'i Faith, history of the Babi Faith, compilatory chronicles.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).

О собраниях *чуских строф*: «Чу цы чжанцзюй» Ван И (II в.)¹

М.Е. Кравцова

Независимый исследователь

DOI: 10.7868/S1811806220010045

Чуские строфы (*чуцы*) — наиболее принятое обозначение произведений, представляющих древнекитайскую поэтическую традицию, которая возникла в культуре царства Чу (XI в. — 223 г. до н.э.) и с которой соотносят генезис национальной авторской поэзии. Существуют несколько редакций собрания *чуцы*, условно называемого «Чуские строфы» («Чу цы»), и все они возводятся к сборнику «Чу цы чжанцзюй» («Чуские строфы» с построфными и построчными [разъяснениями]), составленному Ван И (II в. н.э.). В статье подробно анализируются фактические сведения и научные версии об истории создания этого сборника.

Ключевые слова: китайская поэзия, *чуские строфы*, собрания «Чу цы», «Чу цы чжанцзюй», Ван И.

Статья поступила в редакцию 10.02.2020.

Кравцова Марина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург (kravtsova_sin@mail.ru).

© Кравцова М.Е., 2020

В китайской филологии и в мировом китаеведении привычно говорят о собрании «Чу цы» 楚辭 («Чуские строфы»)² как о памятнике, воспроизводящем поэтическую традицию, за которой еще в I–II вв. закрепилось терминологическое обозначение *чуцы* 楚辭 (*чуские строфы*), хотя ранее использовались термины *сао* 騷 и *лисао* 離騷 (Тан Бинчжэн 1988: 63)³. С этой традицией, возникшей в царстве Чу (XI в. — 223 г. до н.э.), одним из самых могущественных региональных (бассейн р. Янцзы) госу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00121.

² Наиболее принятые европейские варианты перевода названия памятника “The Songs of the South/Chu” (Ch’u tz’u 1985; Knechtges, Chang 2010: 125). Самым адекватным видится вариант “The Verses of Chu” (Cambridge History 2010: 76).

³ Наиболее принятый перевод *сао* — «элегия»; *лисао* — термин, коррелирующий с названием поэмы «Ли сао» (русскоязычные варианты перевода названия: «Скорбь разлученного», «Скорбь изгнанника» и т.д.) — самого известного произведения *чуских строф*.

дарств эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.), соотносят генезис китайской авторской поэзии и важнейший, наряду с поэзией *ши* 詩, запечатленной в конфуцианском «Ши цзине» 詩經 («Канон поэзии/стихов», «Книга песен и гимнов»), исток всей будущей национальной художественной словесности.

Существует несколько редакций «Чу цы», наиболее авторитетные были созданы в XII–XIII вв. Принято считать, что все они восходят к сборнику «Чу цы чжанцзюй / чжан цзюй» 楚辭章句 («„Чуские строфы“ с построфными и построчными [разъяснениями]»), далее — ЧЦЦЦ⁴, составленному Ван И 王逸, жившим в первой половине эпохи Поздняя (Восточная) Хань (25–220). К нему возводят и «классическую» книжную версию «Чу цы» из 17 произведений (каждое из них занимает отдельную главу-цзюань), расположенных в хронологическом порядке (подробно см., например: Кравцова 2019: 549)⁵. Восемь первых из них с той или иной степенью уверенности приписаны Цюй Юаню 屈原 (IV–III вв. до н.э.), почитаемому первым китайским поэтом, два — тоже чуским поэтам (III в. до н.э.) Сун Юю 宋玉 и/или Цзин Ча 景差 и Тан Лэ 唐勒. Шесть произведений принадлежат литераторам эпохи Ранняя (Западная) Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.). Собрание замыкает цикл «Цзю сы» 九思 («Девять дум») самого Ван И. Его комментарии, включая предисловия (*сюй* 序) и послесловия (*сюй* 敘)⁶ к отдельным произведениям, начинают филолого-комментаторское направление, сегодня определяемое как *чуцы-сюэ* 楚辭學 («изучение чуских строф», «чуцы-ведение»), которое в XX в. трансформировалось в одноименную дисциплинарную область китайской гуманитарной науки. Поэтому вопросы истории создания ЧЦЦЦ имеют непосредственное отношение к проблемам генезиса поэзии *чуцы* и ее осмысления в культуре Китая.

Начнем с того, что ЧЦЦЦ в его «классическом» варианте (из 17 глав) зафиксирован только для эпохи Сун (960–1279), а самое раннее из дошедших до нас изданий датируется 1518 г. (Хун Чжаньюу 1984: 8; Цзян Лянфу 1961: 12). Считают, что текст сборника сохранился в составе редакции «Чу цы бучжу / бу чжу» 楚辭補注 («„Чуские строфы“ с восполняющим комментарием») Хун Синцзу 洪興祖 (1090–1155), которая дошла до нас в издании 1630-х годов (Хун Чжаньюу 1984: 16). Таким образом, все известные науке издания ЧЦЦЦ относятся ко второй половине эпохи Мин (1368–1644).

Единственным аутентичным источником по истории создания ЧЦЦЦ является жизнеописание Ван И из официального историографического сочинения «Книга о Поздней Хань» («Хоу Хань шу» 後漢書, цз. 80-1) (XXIII 1982, IX: 2618), составленного уже в 430–440-х годах. Оно уместается всего в шесть строк: «Ван И, второе имя Шуши 叔師, уроженец города Ичэн 宜城 области Наньцзюнь 南郡. В середине [годов правления под девизом] Юань-чу 元初 [114–199/120 гг., в царствование Ань-ди 安帝, 107–125] удостоился быть *шанцзили* 上計吏, назначили *цзяошуланом* 校書郎. Во времена Шунь-ди 順帝 [125–144] стал *шичжунюм* 侍中. [Сборник] „Чу цы чжанцзюй“ за

⁴ *Чжанцзюй* — один из типов комментария, означающий «[комментарий] к/по параграфам и строкам», «[комментарий с разбиением текста] на параграфы и фразы». Непосредственно для «Чу цы чжанцзюй» предложены варианты: “Chapter and Verse Commentary to the Verses of Chu” (Cambridge History 2010: 76), “Commentary on the Chu ci” (Sukhu 2012: 1).

⁵ В этой версии памятник переведен на европейские языки (Élégies de Chu 2004; Ch’u tz’u 1985). О переводах *чуских строф* на русский язык см. (Кравцова 2019: 279, 431).

⁶ Этот термин тоже означает «предисловие», но в ЧЦЦЦ он прилагается к текстам, размещенным вслед за комментируемыми произведениями.

его авторством увидел свет. [Имелись его] оды-фу 賦, эпитафии-лэй 誄, эпистолы-шу 書, трактаты-лунь 論 — всего 21 произведение-пянь 篇 художественной словесности-вэнь 文. Еще создал [сборник?] „Хань ши“ 漢詩 из 123-х *пянь*».

Точность характеристики литературного наследия Ван И неувидительна: в III–VII вв. имелось собрание его сочинений («Ван И цзи» 王逸集) в трех свитках-цзюанях (Кравцова 2019: 50), куда вполне мог входить и названный в жизнеописании авторский поэтический сборник «Хань ши» («Стихи [о?] Хань»)». Поэтому лапидарность сведений о ЧЦЦЦ навеивает подозрения, что составители «Книги о Поздней Хань» не располагали сколько-нибудь полной информацией о нем.

Область, откуда был родом Ван И (на территории современного уезда Ичэнсянь 宜城縣, в южной части провинции Хубэй), некогда входила в ареал формирования и метрополии царства Чу, но при Поздней Хань была отдаленной периферией. В исследовательской литературе встречаются точные годы жизни Ван И: 89–158 гг. (Élégies de Chu 2004: 272; Rusk 2012: 222). Но большинство современных китайских *чуцы*ведов уверены, что их невозможно точно установить (Чу цы чжанцзюй 2007, I: 1; Чуцы-сюэ дянътун 2003: 16), либо предлагают условные датировки: родился в промежутке между 89 и 105 гг., умер — между 159 и 167 гг. (Цюань Хань фу 2003, II: 672). Должность *шанцзили* зафиксирована в «Трактате о ста чиновниках» («Бай гуань чжи» 百官志) из «Книги о Поздней Хань» (цз. 28) (XXIII 1982, XII: 3623), но без каких-либо пояснений. Предполагают, что это были чиновники, которых главы основных административно-территориальных единиц империй Ранняя Хань и Поздняя Хань — областей-цзюнь 郡 и удельных царств-го 國⁸ — отправляли в конце календарного года в столицу с отчетами о положении дел на местах (Цзян Тяньшу 1982: 196–197). Они принимали участие в придворных торжествах в честь Нового года и на специальной церемонии представляли трону тексты отчетов. Такую форму провинциальной отчетности ввели, по преданию, в середине Ранней Хань (Дун Хань хуэйяо 2006: 334). Но в реальности к ней прибегали эпизодически. В жизнеописании Ань-ди («Хоу Хань шу», цз. 5) (XXIII 1982, I: 203–248) какие-либо массовые приезды *шанцзили* не отмечены. Тем не менее господствует точка зрения, что Ван И прибыл в столицу (г. Лоян 洛陽, на месте современного одноименного города, провинция Хэнань) именно в таком статусе либо в 114–116 гг. (Цзян Тяньшу 1982: 196; Crespigny 2007: 838), либо около 117 г. (Ван Цичжоу 1995: 24; И Чжунлянь 1991: 63; Хун Чжаньхоу 1984: 1; Цзи Сяоцзянь 2014: 60). Отмеченное хронологическое разночтение имеет, как мы увидим ниже, принципиальное значение.

Итак, из жизнеописания Ван И невозможно понять, ни в каком возрасте он поступил на службу и попал в столицу — уже зрелой 30-летней личностью или чуть ли не юнцом, ни почему удостоился чести стать вначале *шанцзили* и затем столичным чиновником (см. ниже). Дополнительные сведения находим в послесловии к «Цзю сы»: «Уроженец Наньяна, глубоко эрудированный и много сведущий, зачитывался „Чу-скими строфами“⁹ и глубоко скорбел о Цюй Юане, а потому [вознамерился] создать

⁷ Это собрание утратили, предположительно, в X в. и частично восстановили при Мин (Чжан Пу 2001, I: 577–590). В него входят комментаторские тексты из ЧЦЦЦ, цикл «Цзю сы», фрагменты двух од-фу (см. также: Цюань Хань фу 2003, II: 673–685) и стихотворение (15 строк, возможно, тоже фрагмент).

⁸ Го — наследственные владения ближайших родственников монарха по мужской линии (сыновья, братья), которые возглавлялись собственной администрацией.

⁹ Общепринята точка зрения, что речь идет о собрании под названием «Чу цы».

пояснения [к его произведениям]» (Чу цы бучжу 2006: 313–314). Заманчиво предположить, что Ван И, бывший авторитетным в родных краях книжником (почему и стал *шанцзили*), располагал каким-то сборником *чуцзы*, составил к нему комментарии и по прибытии в столицу представил свой труд трону, за что получил новое назначение (Cambridge History 2010: 149–150). Однако в аутентичности послесловия сомневался еще Хун Синцзу (Чу цы бучжу 2006: 314). Сегодня его нередко считают анонимным сочинением, восходящим, вероятнее всего, к III–IV вв. (Чу цы цзи 2003, I: 13)¹⁰.

Должности *цзяошулан* («сверщик документов») в эпоху Хань имелись в различных придворных и столичных административных структурах секретарского характера (Hucker 1985: 142). Тем не менее еще в старой китайской филологии утвердилась точка зрения, что Ван И получил назначение в Императорскую библиотеку — Дунгуань 東觀 («Восточное святилище»), в штатное расписание которой такую должность ввели в связи с проектом по редактированию и комментированию рукописей, развернувшимся, по жизнеописанию Ань-ди (XXIII 1982, I: 215), во 2-ю луну 4-го года под девизом Юн-чу 永初 (107–114), т.е. в начале 110/111 г. Прозванный в дальнейшем «Дунгуань цзяошу» 東觀校書 («сверка книг из Восточного святилища»), этот проект продолжил аналогичные мероприятия, значимость которых намного превосходила практические нужды текущего библиотечного дела (систематизация фондов и новых поступлений, сверка и копирование рукописей). Проводимые исключительно по специальному августейшему распоряжению, они однозначно коррелировали с «каноноведением» (*цзинсюэ* 經學), воплощавшим развитие конфуцианской комментаторской деятельности и теоретической мысли. Так, первому крупному библиотечному проекту, начатому при Чэн-ди 成帝 (32–6 гг. до н.э.), предшествовала «дискуссия в Палатах Каменного канала» («Шицзюйгэ-хуэйи» 石渠閣會議), инициированная свыше в 51 г. до н.э., с которой соотносят начальную стадию формирования конфуцианской канонической литературы в ее официальном варианте (Ли Цзинмин 1998: 225–234). Второй библиотечный проект, ведшийся с середины царствования Мин-ди 明帝 (57–75) и продолжившийся при Чжан-ди 章帝 (75–88), развернулся вслед за знаменитой «дискуссией в Зале Белого тигра» («Байхуган-хуэйи» 白虎堂會議, 59 г.), в ходе которой окончательно утвердились нормативные интерпретации древних конфуцианских идей и понятий, а также состав и редакции «Пяти канонов» («У цзин» 五經), сочинений, составивших «Пятиканоние». К дискуссиям и библиотечным проектам привлекали самых видных на тот момент ученых. Активным участником «дискуссии в Палатах Каменного канала» был Лю Сян 劉向 (77–6 г. до н.э.), впоследствии возглавивший вместе со своим сыном Лю Синем 劉歆 (46 г. до н.э. — 23 г. н.э.) соответствующий библиотечный проект. «Дискуссия в Зале Белого тигра» и библиотечный проект времен Мин-ди и Чжан-ди неразрывно связаны с деятельностью великого книжника, историка и мыслителя Бань Гу 班固 (32–92).

На широкий общественный резонанс «Дунгуань цзяошу» указывает частота упоминаний о нем в синхронных источниках и в «Книге о Поздней Хань» (Цзян Тяньшу 1982: 198–199). Инициатором проекта уверенно названа Вдовствующая императрица Дэн (Дэн-тайхоу 鄧太后, личное имя Дэн Суй 鄧綏, 81–121)¹¹, бывшая реальной пра-

¹⁰ Велики и сомнения по поводу исходного включения самого цикла в ЧЦЧЦ. Многие *чуцзы*веды полагают, что его ввели в сборник намного позже, возможно, в X–XII вв. (Хун Чжаньхоу 1984: 2).

¹¹ Официальное жизнеописание в «Хоу Хань шу», цз. 10-1 (XXIII 1982, II: 418–430); см. также (Crespin 2007: 121–128; Sukhu 2012: 64–66).

вительницей империи на протяжении 15 лет¹². Сообщается (XXШ 1982, II: 424), что она задумала этот проект совместно с младшей сестрой Бань Гу — Бань Чжао 班昭 (ок. 49 — ок. 120)¹³, и это дополнительно связывает «Дунгуань цзяошу» с предшествующей конфуцианской библиотечно-теоретической активностью. Они намеревались привлечь к исполнению проекта 50 с лишним придворных книжников и ученых из аппаратов высших сановников¹⁴. И еще замыслили возобновить образовательную систему для детей августейшего семейства¹⁵, включая подготовку специально откомментированных древних сочинений, в первую очередь конфуцианских канонов и классических книг (Tsai 1993: 226). Руководство проектом возложили на Лю Чжэня 劉珍 (ум. после 125 г.), авторитетного ученого-историка и заместителя главы Шаншу 尚書 (отдаленный аналог кабинета министров)¹⁶ — еще один показатель высокого государственного статуса «Дунгуань цзяошу». Наиболее именитыми и активными участниками проекта сочтены Ма Жун 馬融 (78–166)¹⁷ и Сюй Шэнь 許慎 (ок. 55 — ок. 149)¹⁸, оба числились, заметим, *цзяошуланами*. Ма Жуну принадлежат комментарии ко многим конфуцианским каноническим и классическим книгам (см. также: Дун Хань хуэйяо 2006: 176), особо известна его редакция «Ши цина». Сюй Шэнь, автор знаменитого словаря «Шо вэнь цзе цзы» 說文解字 («Толкование письмен и объяснение иероглифов»), тоже был признанным знатоком «Пяти канонов».

Если Ван И прибыл в столицу в 114–116 гг. и сразу получил назначение в Дунгуань, то, логически рассуждая, он должен был войти в основной коллектив участников проекта. Но почему его, безвестного провинциала, привлекли к столь статусному мероприятию, да еще на равных (по должности) с теми же Ма Жуном и Сюй Шэнем? К тому же ни в одном из разделов «Книги о Поздней Хань», где говорится о проекте, Ван И не упоминается.

А вот как раз в 117 г. императрица Дэн приступила к реализации плана по организации «августейшей образовательной системы» (XXШ 1982, II: 428)¹⁹. Может быть, Ван И ввели в состав, так сказать, вспомогательного коллектива для подготовки

¹² Вдова императора Хэ-ди 和帝 (89–106) стала императрицей-регентшей (в возрасте 25 лет) при возведенном ею же на трон 13-летнем Ань-ди. После достижения тем совершеннолетия (начало 109 г.) продолжала сохранять за собой державные полномочия вплоть до своей кончины.

¹³ Официальное жизнеописание («Цао Ши-шу ци» 曹世叔妻 — «Супруга Цао Ши-шу») в «Хоу Хань шу», цз. 84 (XXШ 1982, X: 2784–2792). Бань Чжао состояла (по августейшему повелению) в штате Императорской библиотеки. Известна как крупный ученый-историк, мыслитель конфуцианского толка (автор назидательного трактата «Нюй цзе» 女誡 — «Наставления женщинам»), незаурядная поэтесса и наперсница императрицы Дэн (Кравцова 2019: 26–27).

¹⁴ Все планы императрицы Дэн и Бань Чжао законодательно оформлены в соответствующем указе Ань-ди.

¹⁵ Считают, что впервые такие «классы» при дворе с углубленным изучением «Пяти канонов» организовали при Мин-ди (Дун Хань хуэйяо 2006: 163).

¹⁶ Официальное жизнеописание в «Хоу Хань шу», цз. 80-I (XXШ 1982, IX: 2617); см. также (Crespigny 2007: 593). В 120 г. Лю Чжэнь возглавил комиссию по созданию подготовительного варианта официально-историографического сочинения о Поздней Хань.

¹⁷ Официальное жизнеописание в «Хоу Хань шу», цз. 60-I (XXШ 1982, VII: 1953–1976); см. также (Кравцова 2019: 235–236; Ли Цзинмин 1998: 411–412; Crespigny 2007: 648–649).

¹⁸ Официальное жизнеописание в «Хоу Хань шу», цз. 79-II (XXШ 1982, IX: 2588); см. также (Crespigny 2007: 910).

¹⁹ Во дворец привезли и поселили в специальных апартаментах около 70 мальчиков и девочек (от пяти лет и немного старше), 40 из них приходились родней прежним императорам, остальные принадлежали к клану императрицы Дэн.

учебной литературы? Действительно, комментарий-*чжанцзюй*, восходящий к комментариям канонов, ко временам Поздней Хань прочно связывался с учебным процессом (Цзян Тяньшу 1982: 214–215; Tsai 1993: 132–134). Наставники разбивали изучаемый текст на параграфы и фразы и последовательно их истолковывали. Первоначально это были устные наставления (*шо цзин* 說經 — «рассуждения к канонам»), а затем их сводили в *чжанцзюй*.

Примечательно сообщение в жизнеописании Ма Жуна о создании им редакции *чуских строф* — «Лисао чжу» 離騷注 (XXIII 1982, VII: 1972)²⁰. Утраченная, предположительно, в конце Поздней Хань²¹, она неоднократно упоминается в последующих источниках (Цзян Ляньфу 1961: 9). Напрашивается вывод, что в ходе «Дунгуань цзяошу» были созданы две версии собрания *чуских строф*: «академическая» Ма Жуна и «учебная» Ван И, что, впрочем, отнюдь не умаляет теоретико-филологических достоинств последней. Ван И осуществил колоссальную комментаторскую работу, снабдив произведения в общей сложности 675 разъяснениями (Чуцы чжуцзо 2003: 263). Важно, что его сборник является первым исторически достоверным образцом *чжанцзюй* к поэтическим произведениям (Rusk 2012: 222). В особую заслугу Ван И ставят разработку достаточно оригинального комментаторского метода (Хун Чжаньхоу 1984: 6; Чуцы-сюэ дьянтун 2003: 343; Чуцы чжуцзо 2003: 5–6; Цзи Сяоцзянь 2014: 164; Sukhu 2012: 41–45), в котором объединены все прежние приемы толкования (Цзян Тяньшу 1982: 213)²².

Большинство исследователей склонны считать, что Ван И создал ЧЦЧЦ во время работы в Императорской библиотеке и, по всей вероятности, из найденных в ее фондах манускриптов (И Чжунлянь 1991: 63; Чуцы чжуцзо 2003: 2). Но одни считают, что он состоял в штате Дунгуань в 117–120 гг., приблизительно до кончины императрицы Дэн, и успел представить ей свой труд (Ли Дамин 1988: 421); высказано также предположение, что она лично поручила ему создать комментированный сборник *чуских строф* (Sukhu 2012: 55–56). По мнению других авторов, Ван И трудился над ЧЦЧЦ до 125 (126) г., т.е. в течение не трех, а семи-восьми лет, и завершил или представил его трону уже после воцарения Шунь-ди, за что и был повышен до *шичжуня*²³ (Ван Цичжоу 1995: 34; Цзи Сяоцзянь 2014: 160). На самом деле о подлинной реакции современников на ЧЦЧЦ судить затруднительно. Показательно, что о дальнейшей судьбе (официальной карьере) Ван И в жизнеописании умалчивается²⁴. Из дошедших до нас текстов II–III вв. (до конца Поздней Хань)

²⁰ *Чжу* — особый тип пофразового комментария, разработанный Ма Жуном (Ли Цзинмин 1998: 413), который в скором времени превратился в самую авторитетную форму академического комментария.

²¹ Междоусобные распри конца Поздней Хань привели и к гибели большей части книжного собрания Императорской библиотеки (Меньшиков 2005: 42).

²² К каждой строке даны подробные пословные разъяснения (*сюньэ* 訓詁), как терминологического (имена, топонимы, этнонимы, названия живых существ, растений и т.д.), так и семантического (раскрытие образности) плана, в обоих случаях через извлечения из предшествующих текстов (преимущественно конфуцианских канонов и классических сочинений). На основании выявленных смыслов двустигшие истолковывается как базовая единица поэтики произведений.

²³ Чиновник из центральных правительственных структур, допущенный быть личным советником монарха (Цзян Тяньшу 1982: 201–202).

²⁴ При Тан распространилась версия, что Ван И получил назначение на некую руководящую должность в провинции (Цзян Тянь-шу 1982: 203–204), однако затруднительно понять, это было повышением по службе, либо же карьера придворного книжника у него по каким-то причинам не задалась.

о его сборнике упоминается единственно во фрагменте «Книги о Поздней Хань» Се Чэна 謝承 (ум. ок. 200 г. н.э.) (Crespigny 2007: 838). Допускают, что подлинный текст ЧЦЧЦ, так же как «Лисао чжу», мог быть утрачен в конце Поздней Хань (Юй Цзяси 1985, IV: 1227).

Итак, имеющиеся сведения о Ван И не позволяют установить ни время создания, ни первоначальный состав ЧЦЧЦ, что в дальнейшем спровоцировало сомнения в подлинности не только этого сборника, но и всей традиции *чуцы*. Некоторые ученые первой трети XX в. доказывали, что ЧЦЧЦ в том виде, в каком он представлен в минских изданиях, является подделкой, а все *чуские строфы* есть творения литераторов Ранней Хань²⁵.

Литература

- Кравцова 2019 — *Кравцова М.Е.* Словарь китайских поэтов с V в. до н.э. по X в. н.э. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019.
- Меньшиков 2005 — *Меньшиков Л.Н.* Из истории китайской книги. СПб.: Нестор-История, 2005.
- Ван Цичжоу 1995 — *Ван Цичжоу 王齊洲.* Ван И хэ «Чу цы чжанцзюй» 王逸和“楚辭章句”(Ван И и «Чу цы чжанцзюй») // Вэньсюэ ичань 文學遺產 (Литературное наследие). Пекин, 1995. № 2. С. 23–30.
- Дун Хань хуэйяо 2006 — *Дун Хань хуэйяо 東漢會要* (Собрание сведений о важнейших событиях [эпохи] Восточная Хань) / Сост. Сюй Тяньлин 徐天麟. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2006.
- И Чжунлянь 1991 — *И Чжунлянь 易重廉.* Чжунго чуцы-сюэ ши 中国楚辞学史 (История китайского *чуцы*ведения). Чанша: Хунань чубаньшэ, 1991.
- Ли Дамин 1988 — *Ли Дамин 李大明.* Ван И шэнпин шици каолуэ 王逸生平事跡考略 (Набросок изучения сведений о жизни Ван И) // Чуцы яньцзю 楚辭研究 (Исследования *чуских строф*). Цзинань: Ци-Лу шушэ, 1988. С. 414–429.
- Ли Цзинмин 1998 — *Ли Цзинмин 李景明.* Чжунго жусюэ ши. Цинь Хань цзюань 中国儒学史.秦汉卷 (История китайского конфуцианства. Т. Цинь и Хань). Гуанчжоу: Гуандун цзюэюй чубаньшэ, 1998.
- Сянь Цинь лян Хань 2001 — *Сянь Цинь лян Хань вэньюэ яньцзю 先秦兩漢文學研究* (Исследования по литературе до эпохи Цинь и обеих [империй] Хань) / Под ред. Ци Сяньлина 季羨林. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2001.
- Тан Бинчжэн 1988 — *Тан Бинчжэн 汤炳正.* Чу цы лэй гао 楚辭類稿 (Наброски о «Чуских строфах» по пунктам). Чэнду: Ба-Шу шэшу чушэ, 1988.
- Хун Чжаньхоу 1984 — *Чуцы яоци цзети 楚辭要籍解題* (Аннотированный каталог важнейших изданий «Чуских строф» [и исследований о «Чу цы» и *чуских строфах*]) / Под ред. Хун Чжаньхоу 洪湛侯. Ухань: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 1984.
- XXIII 1982 — *Хоу Хань шу 後漢書* (Книга о Поздней Хань). В 12 т. / Сост. Фань Е 范曄. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1982.
- Цзи Сяоцзянь 2014 — *Цзи Сяоцзянь 纪晓建.* Ханьдай чуцы-сюэ яньцзю 汉代楚辭学研究 (Исследование *чуцы*ведения в эпоху Хань). Боши сюэвэй луньвэнь 博士学位论文 (Диссертация на соискание ученой степени доктора наук). Сучжоу-дасюэ 苏州大学 (Сучжоуский университет). Ханчжоу, 2014.

²⁵ В частности, эта точка зрения высказана в работах Хэ Тяньсиня 何天行 и Сюй Дужэня 許篤仁 (см.: Сянь Цинь лян Хань 2001: 155; Чуцы чжужэо 2003: 289–291).

- Цзянь Лянфу 1961 — *Цзянь Лянфу* 姜亮夫. Чу цы шуму у чжун 楚辭書目五種 (Библиография «Чуских строф» в пяти разделах). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1961.
- Цзянь Тяньшу 1982 — *Цзянь Тяньшу* 蔣天樞. Чуцы луньвэнь цзи 楚辭論文集 (Сборник статей о чуских строфах). Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1982.
- Цюань Хань фу 2003 — Цюань Хань фу пинчжу 全漢賦評注 (Полное собрание одической поэзии [Поздней] Хань с толкованиями и комментариями). В 2 т. / Коммент. Гун Кэчана 龔克昌 и др. Шицзячжуан: Хуашань вэньи чубаньшэ, 2003.
- Чжан Пу 2001 — *Чжан Пу* 張溥. Хань Вэй Лючао саньбай минцзя цзи 漢魏六朝三百名家集 (Собрания сочинений трехсот прославленных литераторов Хань, Вэй и Шести династий). В 5 т. Нанкин: Гуцзи чубаньшэ, 2001.
- Чуцы чжуцзо 2003 — Чуцы чжуцзо тияо 楚辭著作提要 (Библиографический обзор авторских работ о чуских строфах) / Под ред. Пань Сяюлуна 潘啸龙 и Мао Цина 毛庆. Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ, 2003.
- Чуцы-сюэ дьянтун 2003 — Чуцы-сюэ дьянтун 楚辭學典通 (Обобщенный словарь чуцыведения) / Под ред. Чжоу Цзяньчжуна 周建忠 и Тан Чжанпина 湯漳平. Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ, 2003.
- Чу цы бучжу 2006 — Чу цы бучжу 楚辭補注 ([Собрание] «Чуские строфы» с восполняющим комментарием) / Сост. Хун Синцзу 洪興祖. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006.
- Чу цы чжанцзюй 2007 — Чу цы чжанцзюй шуцжэнь 楚辭章句疏證 («Чуские строфы с построчными и построчными [разъяснениями]» с пояснениями и дополнениями). В 5 т. / Коммент. Хуан Лингэна 黃靈庚. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2007.
- Чу цы цзи 2003 — Чу цы цзи цзяо цзиши 楚辭集校集釋 (Критический текст «Чуских строф» со сводными комментариями). В 2 т. / Под ред. Цуй Фучжана 崔富章 и Ли Дамина 李大明. Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ, 2003.
- Юй Цзяси 1985 — *Юй Цзяси* 余嘉錫. Сыку тияо бьяньчжэнь 四庫提要辨證 (Критические дополнения к «Пояснениям [к сводному каталогу всех книг по] четырем хранилищам»). В 4 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985.
- Cambridge History 2010 — The Cambridge History of Chinese Literature. In 2 vols / Ed. by Kang-I Sun Chang and Stephen Owen. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Ch'u tz'u 1985 — Ch'u tz'u: The Songs of the South, an Anthology of Ancient Chinese Poems by Qu Yuan and Other Poets / Transl. by David Hawks. 2nd ed. New York: Penguin, 1985.
- Crespigny 2007 — *Crespigny R.A. de*. Bibliographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 A.D.). Leiden; Boston: Brill, 2007.
- Élégies de Chu 2004 — *Élégies de Chu: Chu ci* 楚辭. Attributées a Qu Yuan, Song Yu et autres poètes chinois de l'Antiquité IVe siècle av. J.-C. II siècle apr. J.-C. / Trad., présentées et annot. par Rémi Mathieu. Paris: Gallimard, 2004.
- Hucker 1985 — *Hucker Ch.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Taipei: Southern Materials Center, Inc., 1985.
- Knechtges, Chang 2010 — *Knechtges D.R. Chang Taiping*. Ancient and Early Medieval Chinese Literature. Vol. I. A Reference Guide. Part One. Leiden: Brill, 2010.
- Rusk 2012 — *Rusk B.* Critics and Commentators: The Book of Poems as Classic and Literature. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Asia Center, 2012.
- Sukhu 2012 — *Sukhu G.* The Shaman and the Heresiarch: A New Interpretation of the Li sao. New York: State University of New York; SUNY Press, 2012.
- Tsai 1993 — *Tsai Yen-zen*. Ching and Chuan: Towards Defining the Confucian Scriptures in Han China (206 BCE — 220 CE). [PhD Diss]. Cambridge, Massachusetts: Harvard University, 1993.

References

- The Cambridge History of Chinese Literature*. In 2 vols. Ed. by Kang-I Sun Chang and Stephen Owen. Cambridge: Cambridge University Press, 2010 (in English).
- Chuci buzhu* 楚辭補注 [“Verses of Chu” with Supplementary Commentary]. Hong Xingzu zhuan 洪興祖撰 [Compiled by Hong Xingzu]. Beijing: Zhonghua shuju, 2006 (in Chinese).
- Chu ci ji jiao jishi* 楚辭集校集釋 [Critical Text of the “Verses of Chu” Collection with Complex Comments]. Quan er ce 全二册 [In 2 vols]. Cui Fuzhang, Li Daming zhubian 崔富章, 李大明 主編 [Ed. by Cui Fuzhang, Li Daming]. Wuhan: Hubei jiaoyu chubanshe, 2003 (in Chinese).
- Chuci-xue diantong* 楚辭學典通 [Full Dictionary of the Studies of the Verses of Chu]. Zhou Jianzhong, Tang Zhangping zhubian 周建忠, 湯漳平主編 [Ed. by Zhou Jianzhong, Tang Zhangping]. Wuhan: Hubei jiaoyu chubanshe, 2003 (in Chinese).
- Chuci zhangju shuzheng* 楚辭章句疏證 [Chapter and Verse Commentary to the “Verses of Chu” with Additional Explanations]. Huang Linggeng zhu 黃靈庚注 [Comments by Huang Linggeng]. Quan wu ce [In 5 vols]. Beijing: Zhonghua shuju, 2007 (in Chinese).
- Chuci zhuzuo tiyao* 楚辭著作提要 [Bibliographical Review of the Works on the “Verses of Chu”]. Pan Xiaolong, Mao Qing zhubian 潘嘯龍, 毛慶主編 [Ed. by Pan Xiaolong, Mao Qing]. Wuhan: Hubei jiaoyu chubanshe, 2003 (in Chinese).
- Ch’u tz’u: The Songs of the South, an Anthology of Ancient Chinese Poems by Qu Yuan and other Poets*. Transl. by David Hawks. 2nd ed. New York: Penguin, 1985 (in English).
- Crespigny de R.A. *Bibliographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 A.D.)*. Leiden–Boston: Brill, 2007 (in English).
- Dong Han huiyao* 東漢會要 [Collected Information on the Eastern Han]. Xu Tianling zhuan 徐天麟撰 [Compiled by Xu Tianling]. Shanghai: Guji chubanshe, 2006 (in English).
- Élégies de Chu: Chu ci* 楚辭. Attributées à Qu Yuan, Song Yu et autres poètes chinois de l’Antiquité IVe siècle av. J.-C.—II siècle apr. J.-C. Trad., présentées et annot. par Rémi Mathieu. Paris: Galilard, 2004 (in French).
- Hong Zhanhou zhubian 洪湛侯主編 [Ed. by Hong Zhanhou]. *Chuci yaoji jieti* 楚辭要籍解題 [Annotated Catalogue of the Major Editions of the “Verses of Chu” Collections]. Wuhan: Hubei renmin chubanshe, 1984 (in Chinese).
- Hou Han shu* 後漢書 [Book of Later Han]. Fan Ye zhuan 范曄撰 [Compiled by Fan Ye]. Quan shi er ce 全十二册 [In 12 vols]. Beijing: Zhonghua shuju, 1982 (in Chinese).
- Hucker Ch. *A Dictionary of Official Titles in Imperial China*. Taipei: Southern Materials Center, Inc., 1985 (in English).
- Ji Xiaojian 纪晓建. *Handai chuci-xue yanjiu* 汉代楚辭学研究 [A Research of the Studies of the Verses of Chu during the Han Epoch]. Boshi xuewei lunwen 博士学位论文 [PhD. Diss.]. Suzhou daxue 苏州大学 [University of Suzhou]. Hangzhou, 2014 (in Chinese).
- Jiang Liangfu 姜亮夫. *Chu ci shumuwu zhong* 楚辭書目五種 [Bibliography of the “Verses of Chu” Editions in Five Parts]. Beijing: Zhonghua shuju, 1961 (in Chinese).
- Jiang Tianshu 蔣天樞. *Chuci lunwen ji* 楚辭論文集 [Collection of Articles on the Verses of Chu]. Xian: Shaanxi renmin chubanshe, 1982 (in Chinese).
- Knechtges D.R., Chang Taiping. *Ancient and Early Medieval Chinese Literature*. Vol. I. A Reference Guide. Part One. Leiden: Brill, 2010 (in English).
- Kravtsova M.Ye. *Slovar kitaiskikh poetov s V v. do n.e. po X v. n.e.* [A Dictionary of Chinese Poets from 5 B.C. up to 10 A.D.]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019 (in Russian).
- Li Daming 李大明. “Wang Yi shengping shiji kaolue” 王逸生平事跡考略 [Preliminary Analysis of Factual Relicts of Wang Yi’s Biography]. In: *Chuci yanjiu* 楚辭研究 [Studies of the Verses of Chu]. Jinan: Qi-Lu shushe, 1988, pp. 414–429 (in Chinese).
- Li Jingming 李景明. *Zhongguo ruxue shi. Qin Han juan* 中国儒学史. 秦汉卷 [A History of the Chinese Confucianism. Qin and Han Volume]. Guangzhou: Guangdong jiaoyu chubanshe, 1998 (in Chinese).

- Menshikov L.N. *Iz istorii kitaiskoi knigi* [On History of Chinese Books]. St. Petersburg: Nestor-History Publishing House, 2005 (in Russian).
- Quan Han fu pingzhu* 全漢賦評注 [All Han Rhapsodies with Interpretations and Comments]. Gong Kechang deng zhu 龔克昌等注 [Comments by Gu Kechang *et.al.*]. Quan er ce 全二冊 [In 2 vols]. Shijiazhuang: Huashan wenyi chubanshe, 2003 (in Chinese).
- Rusk B. *Critics and Commentators: The Book of Poems as Classic and Literature*. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Asia Center, 2012 (in English).
- Sukhu G. *The Shaman and the Heresiarch: A New Interpretation of the Li sao*. New York: State University of New York, SUNY Press, 2012 (in English).
- Tang Bingzheng* 汤炳正. *Chuci leigao* 楚辞类稿 (Sketches of the “Verses of Chu”). Chengdu: Ba-Shu sheshu chushe, 1988 (in English).
- Tsai Yen-zen. *Ching and Chuan: Towards Defining the Confucian Scriptures in Han China (206 BCE — 220 CE)*. [PhD Diss.]. Cambridge (Massachusetts): Harvard University, 1993 (in English).
- Wang Qizhou 王齊洲. «Wang Yi he Chuci zhangju 王逸和“楚辭章句”» [Wang Yi and «Chapter and Verse Commentary to the „Verses of Chu”»]. In: *Wenxue yichan* 文學遺產 [Literature Heritage], 1995, no. 2, pp. 23–30 (in Chinese).
- Xian Qin liang Han wenxue yanjiu* 先秦兩漢文學研究 [Studies of Literature of Pre-Qin and Both Han Epochs]. Ji Xianlin zhubian 季羨林主編 [Ed. by Ji Xianlin]. Beijing: Beijing chubanshe, 2001 (in Chinese).
- Yi Zhonglian 易重廉. *Zhongguo chuci xue shi* 中国楚辞学史 [History of the Chinese Studies of the Verses of Chu]. Changsha: Hunan chubanshe, 1991 (in Chinese).
- Yu Jiayi* 余嘉錫. *Siku tiyao bianzheng* 四庫提要辨證 [Critical Supplements to the “Explanations of the Catalogue of Editions According Four Storehouses”]. Quan si ce 全四冊 [In 4 vols]. Beijing: Zhonghua shuju, 1985 (in Chinese).
- Zhang Pu 張溥. *Han Wei Liuchao sanbai mingjia ji* 漢魏六朝三百名家集 [Code of Collections of Literary Works of Three Hundred Prominent Writers of Han, Wei and Six Dynasties]. Quan wu ce 全五冊 [In 5 vols]. Nanjing: Guji chubanshe, 2001 (in English).

On the Collections of the Verses of Chu (*chuci*): *Chuci zhangju* by Wang Yi (2nd Century A.D.)

(Pis'menye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 56–66)
Received 10.02.2020.

Marina Ye. Kravtsova
Independent researcher

The article deals with the problem of genesis of the famous Chinese poetic tradition, usually referred to as the verses of Chu (*chuci*), and is centered around the history of the compilation of the *Chuci zhangju* (*Chapter and Verse Commentary on the Verses of Chu*) collection by Wang Yi (2nd century A.D.), which is traditionally considered the basic text for all subsequent *Chuci* (*Chu Verese*) editions. Through the analysis of factual data and modern academic points of view about Wang Yi's life and

activities, the author argues that it is impossible to establish either the exact time of creation or the original composition of the *Chuci zhangju*, which further raises doubts about the authenticity of not only this collection, but also the entire *chuci* poetic tradition.

Key words: Chinese poetry, the verses of Chu, *Chuci* editions, the *Chuci zhangju* collection, Wang Yi.

About the author

Marina Ye. Kravtsova, Doct. Sci. (Philology), Professor, Independent Researcher, St. Petersburg (kravtsova_sin@mail.ru).

Типология буддийских дидактических текстов в «Компендиуме Абхидхармы» Асанги

С.Л. Бурмистров

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806220010057

В трактате Асанги (IV в.) «Компендиум Абхидхармы» (*Abhidharma-samuccaya*) рассматриваются 12 типов буддийских дидактических текстов — сутры, песнопения (*geya*), разъяснения и изложения (*vyākaraṇa*), гатхи (*gāthā*), возвышенные речи (*udāna*), рассуждения (*nidāna*), предания (*avadāna*), свидетельства (*itivṛttaka*), рассказы о прежних рождениях Будды (*jātaka*), обширные сочинения (*vaipulya*), рассказы о чудесах (*adbhuta-dharma*), наставления (*upadeśa*). Это различные средства проповеди Учения, целью которой является освобождение живых существ из колеса сансары. Проповедь Дхармы является поэтому одним из необходимых аспектов деятельности бодхисаттвы, и в соответствующем фрагменте трактата речь идет об «искусности в средствах» (*upāya-kauśalya*) как одной из форм проявления свойственного бодхисаттвам сострадания и милосердия. В отличие от индуистской стотры, буддийский дидактический текст обращается в первую очередь к рациональной стороне личности, предлагая слушателям принципиально новое религиозное знание (тогда как стотра в сжатом виде представляет то, что слушатели уже знают о восхваляемом в ней божестве).

Ключевые слова: дидактический текст, сутра, религиозная проповедь, идеал бодхисаттвы, махаяна.

Статья поступила в редакцию 02.02.2020.

Бурмистров Сергей Леонидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора Южной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (SLBurmistrov@yandex.ru).

© Бурмистров С.Л., 2020

Типология буддийских дидактических текстов пока еще не становилась предметом специального анализа ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Однако предмет этот важен тем, что позволяет различить типы буддийских наставлений, а значит, и способы проповеди буддийского учения и типы слушателей, которым она была адресована. Различение это имеет прямое отношение к буддийской типологии личностей и всему комплексу идей, относящихся к технике проповеди, способам воспита-

ния личности в буддийской общине, а также буддийской логике как неотъемлемой части буддийской диалектики. Не пытаясь объять необъятное, мы ограничиваемся в своем исследовании только типологией наставлений, как она представлена в трактате Асанги (IV в.) «Компендиум Абхидхармы» (*Abhidharma-samuccaya*, далее — АС) и комментарии к нему (*Abhidharma-samuccaya-bhāṣya*, далее — АСБ), составленном, как считается, в VIII в. Стхирамати (Pradhan 1950: 5)¹. Выбор именно этих трудов не случаен: Асанга считается одним из основателей махаянской философской школы йогачара, к которой принадлежали также буддийские логики Дигнага (V–VI вв.), Дхармакирти (VII в.) и Дхармоттара (VIII–IX вв.), а влияние буддийской логики на дальнейшее развитие логики в Индии невозможно переоценить — достаточно сказать, что базовые принципы логики школы навья-ньяя сформировались в ходе полемики наыйников с буддийскими логиками — учениками и последователями Дигнаги и Дхармакирти.

Асанга в АС дает такое определение Дхармы (буддийского учения): это «наставление для благородных, [состоящее из] двенадцати частей. Каковы эти двенадцать частей? [Это] сутры, песнопения (*geya*), разъяснения и изложения (*vyākaraṇa*), стихи (*gāthā*), возвышенные речи (*udāna*), рассуждения (*nidāna*), предания (*avadāna*), свидетельства (*itivṛtaka*), рассказы о прежних рождениях Будды (*jātaka*), обширные [сочинения] (*vaipulya*), чудеса (*adbhuta-dharma*), наставления (*upadeśa*)» (AS 1950: 78). Предметом настоящего исследования и будут различия между этими типами текстов или форм проповеди буддийского учения.

Первым типом текстов Асанга называет сутры (*sūtra*). Сутра понимается им как «прозаический рассказ, излагающий определенное воззрение. Так Приходящий², видя десять преимуществ [прозаического повествования], так разъяснил Учение: [сутра] ясно устанавливает определения и дает ясные наставления; слушатель легко схватывает [смысл наставления]; благодаря почтению к Дхарме [он] быстро обретает полноту просветления; быстро проникает в суть дхарм; обретает покой, основанный на вере в Будду; обретает покой, основанный на вере в Учение и общину; достигает состояния высшего счастья, достижимого в этом мире; воздает почтение разуму мудрецов в дискуссиях и [обсуждении] мнений; причисляется к ученым» (AS 1950: 78). Иными словами, сутра — это повествование, суть которого, однако, не в представлении слушателю определенного сюжета, а в изложении концепции. Как указывает Стхирамати (если считать именно его автором АСБ), сутра в первую очередь дает

¹ Вопрос об авторстве этого комментария непрост. Как пишет П. Прадхан, в санскритском тексте комментария, найденном в Тибете Рахулой Санкритьяной, авторство приписано Яшомитре. В китайском переводе его, выполненном Сюань-цзаном, и тибетском переводе, принадлежащем перу Джинамитры, сказано, что автор комментария — именно Стхирамати (Pradhan 1950: 5). В то же время Пол Гриффитс указывает, что в санскритском тексте автор комментария не назван совсем, китайская традиция приписывает авторство некоему Буддхасимхе (а Стхирамати — только редактирование перевода), автором же тибетского перевода назван некий *Rgyal ba'i sras*, что реконструируется на санскрите как Джинапутра (а не Джинамитра). Кроме того, между комментарием к АС и трудами, достоверно принадлежащими перу Стхирамати, есть во многих случаях значительные — иногда даже буквальные — совпадения, так что можно считать именно этого мыслителя автором комментария (Griffiths 2003: 495). Эти совпадения можно, безусловно, объяснить и тем, что Стхирамати, редактируя текст Буддхасимхи, дополнял и видоизменял его, вставляя фразы, которые могли встречаться в его собственных трудах. Как бы то ни было, вопрос сложен и вряд ли может быть разрешен на основании имеющихся у нас источников, так что разумнее всего будет, на наш взгляд, остановиться на авторстве именно Стхирамати.

² Санскр. *Tathāgata* — один из наиболее частых эпитетов Будды.

ясные определения и позволяет различить (*vyavasthāpayati*) благое и неблагое, чтобы слушатель мог без труда определить, каков, собственно, благой путь, ведущий к просветлению. Далее, сутра надлежащим образом направляет (*deśayati*) адепта, указывая ему этот благой путь и позволяя различить достойные и недостойные действия, причем слушатель должен легко понимать то, что говорится в сутре. Ее цель — продемонстрировать глубину и полноту Учения Будды, проникать в суть истинной реальности (*dharmatā*) и т.д. (ASB 1976: 95) — иными словами, от сутры требуется ясность изложения Учения и такая форма его подачи, которая позволит даже не очень просвещенному и малообразованному человеку легко понять, в чем состоит Дхарма Будды.

Совершенно аналогичные требования в христианской церкви предъявляются проповеди. С античных времен в риторике выделялись три обязанности оратора по отношению к аудитории — *docere, delectare, movere* (учить, нравиться, трогать), поэтому при выборе темы проповеди, как отмечает игумен Тарасий (Ланге), не следует обращаться к тонким, сложным вопросам вероучения — всё, о чем говорит проповедник, должно прямо касаться жизненных проблем, которые беспокоят слушателей. Стиль проповеди не может быть сухим и рассудочным — проповеднику следует стараться сделать его живым и образным, сохраняя при этом ясность и, разумеется, не отклоняясь от догм вероучения (Ланге 2013: 38, 42–43). То же говорится и о проповеди в исламе: хатиб (проповедник) должен выбирать для проповеди актуальные проблемы, следить, чтобы его речь была понятна и интересна прихожанам, соотносить тематику и языковые средства выразительности с уровнем образования прихожан и, конечно, не отклоняться от принципов ислама (Галлямов 2012: 5).

Сутра, таким образом, представляет собой проповедь, облеченную в форму повествования, которое может быть интересно слушателям, увлечь их и в то же время сделать понятными базовые положения буддийского учения. На достижение этой цели направлены и другие средства, рассматриваемые Асангой. Одно из них — песнопение (*geya*), определяемое как то, что «поется (*gīyate*) в середине или в конце сутры, или то, что разъясняет смысл, не изложенный в самой сутре. Поэтому оно и называется песнопением» (AS 1950: 78). В проповеди, как видим, задействуется не только рациональное мышление, но и эмоции, коими проповедник может управлять посредством интонации и ритма речи. Стихираматти этот фрагмент не комментирует, и можно предположить, что речь идет не только о пении в собственном смысле слова, но и о рецитации — возгласии стихов с определенным ритмом и интонацией. Как бы то ни было, психологическое воздействие песнопения (*geya*) на слушателя — это не в последнюю очередь воздействие *ритма* речи, который, как всякий вообще ритм, действует не только на сознание, но и на тело. Музыкальный ритм лучше всего усваивается через телесные ощущения, через пластический ритм, состоящий в чередовании сокращений и расслаблений мышц, а оно, в свою очередь, воздействует и на психику, в том числе и на самые высокие уровни ее (Жак-Далькроз 2001: 41). Если же в песнопении, как оно понималось в АС, имела значение и высота произносимого слога, то к ритму присоединялась еще и мелодия с присущей ей звуковысотной организацией, что тоже задействовало двигательные реакции слушателя. Совершенно пассивное ухо неспособно к восприятию мелодии, ее восприятие связано с пространственными представлениями (так, низкие звуки воспринимаются человеком как вибрация на уровне гортани или ниже, высокие — на уровне лица или лба), а они влияют и на моторные реакции (Овсянкина 2007: 88–89). Естественно, всё это тоже было эф-

фективным средством проповеди — тем более что, как сказано в АС, в песнопении разъясняется то, что не провозглашено (или провозглашено недостаточно внятно и однозначно) в самой сутре. В других текстах *geya* понимается несколько шире: это повторение стиха, в котором кратко суммируется сказанное в предшествующих прозаических частях сутры (Dhammajoti 2009: 525). В любом случае эта ритмизованная и, возможно, мелодически оформленная речь позволяла надежнее запечатлеть в сознании слушателей основные положения буддийского учения.

Следующий тип буддийского наставления — *vuākaraṇa*, что можно перевести как «разъяснение и изложение»: это «изложение деяний благородных учеников в различных [прежних] существованиях, в далеком прошлом и в разных местах. Также это прояснение смысла, изложенного в сутрах, так как это ясное изложение абстрактного смысла» (AS 1950: 78). Данное определение требует довольно пространный комментарий. Словом «прояснение» мы здесь переводим санскр. *sphuṭīkaraṇa*, первый компонент которого восходит к глаголу *sphuṭ* «внезапно возникать, появляться, прорываться». Сама семантика глагола указывает на неожиданность появления чего-то перед взором. Невозможно не вспомнить здесь и концепцию индийского грамматиста и представителя ранней веданты Бхартрихари (жившего в V в., т.е. спустя всего век после Асанги) о речи как деятельности, не передающей смысл адресатам, а порождающей его в их сознании. Различие в понимании природы языка между Манданой Мишрой (VIII–IX вв.) и Бхартрихари сводилось вкратце к вопросу о том, что такое реальная человеческая речь: первый полагал, что она есть множество отдельных элементов (слов и морфем), каждый из которых сохраняет свой смысл независимо от контекста, для второго же она едина и лишь для удобства грамматического анализа условно разделяется на слова и морфемы (Bilimoria 1988: 15). Отсюда и разное понимание природы языкового восприятия: для первого это результат последовательного анализа смысла слов и их отношений во фразе, для второго же слова и морфемы — только вспомогательные инструменты, возбуждающие в сознании адресата такие процессы, которые приводят к мгновенному, подобному вспышке (*sphoṭa*), пониманию смысла фразы. Логика рассуждений Бхартрихари такова: если слово состоит из отдельных элементов, не имеющих никакого собственного смысла, тогда откуда возникает он в самом слове? Чтобы объяснить осмысленность слов, необходимо допустить, что смысл уже существует в сознании, а соответствующий набор звуков (слово) только актуализирует его, и он как бы «вспыхивает» (*sphoṭati*) в сознании. Всё это предполагает существование двух уровней языка: первый — эмпирический — представляет собой звучащее слово (или речь — индийские грамматисты еще не различали язык и речь), второй же — смысл, изначально существующий в сознании и соответствующий истинной реальности (*paramārtha*), т.е. Брахману (Biardeau 1964: 365).

Sphoṭa в индийской грамматической традиции понимается как «вечный и неделимый архетип звука» и «лингвистический носитель значения (единица сигнификативности)» (Лысенко 2009: 755), но для Бхартрихари она имеет еще и четкую религиозную аналогию — *mokṣa*, освобождение из сансары и осознание себя как Брахмана, составляющего нашу истинную природу и содержащего в себе все возможные смыслы, каждый из которых актуализируется при восприятии определенного слова. Иными словами, понимание речи — это только частичная актуализация Брахмана как истинного Я человека, тогда как освобождение — актуализация полная, без остатка.

Естественно, у Асанги нет и не может быть речи об осознании какого бы то ни было *Я*, ибо оно, согласно базовым принципам буддийского учения, есть всего лишь ментальный конструкт, не имеющий никакого отношения к реальности. Когда он говорит о «прояснении» (*sphuṭī-karaṇa*) смысла сутры, само использованное им слово указывает на мгновенное, возникающее до и помимо всякой рефлексии постижение того, о чем сказано в сутре. Рациональное осмысление проповеданного начинается у слушателя позднее, но первый шаг к полному постижению Учения — это своего рода озарение, свидетельствующее об истинности того, о чем гласит сутра. *Vyākaraṇa*, таким образом, приводит слушателя к мгновенному проникновению в смысл сутры, средством для чего служат повествования о деяниях будд, бодхисаттв и проповедников Дхармы.

Гатха (*gāthā*, что часто переводят как «стих») определяется в АС как то, что «излагается в сутрах посредством метрического [текста] — в двух стопах, трех стопах, четырех стопах, пяти стопах или шести стопах» (AS 1950: 78). Суть этой формы наставления для авторов АС и АСБ столь очевидна, что Стхирамати никак не комментирует ее. Можно заметить, что и здесь, как и в песнопениях, воздействие на адресата осуществляется благодаря ритмизованной речи. Упоминание гатхи, очевидно, отсылает к «Гатхам монахов» (*theragāthā*) и «Гатхам монахинь» (*therīgāthā*) — двум разделам Сутта-питаки, в которых содержатся стихи и религиозные гимны, исполняемые членами буддийской общины и описывающие их переживания по различным поводам. Например, первый стих «Гатх монахов» — «Гатхи монаха Субхути» — посвящен мыслям аскета, уединившегося в хижине для медитации: «Удобна моя хижина, хороша, [в нее] не проникает ветер, [так] проливай дождь, бог, сколько хочешь! Ум мой собран и свободен, я, аскет, пребываю [в ней], [так] проливай дождь, бог!» (*Channā me kuṭikā sukhā nivātā, vassa deva yathāsukhaṃ. Cittaṃ me susamāhitaṃ vimuttaṃ, ātāpī viharāmi vassa devātī*) (*Vimānavatthu* 2008: 219). Сходен с ним стих о медитации в горной пещере во время грозы: молнии бьют в землю, но монах, укрывшись в расщелине, погружен в медитацию, и буйство стихий не трогает его (*Vimānavatthu* 2008: 229). В других гатхах описываются переживания трудностей аскетической жизни, страдания от старости и сопутствующих ей болезней, радость от достижения состояния архатства и т.д. В этих стихах нет, собственно, ничего такого, чего нельзя было бы увидеть в повседневной житейской и религиозной практике монахов, и гатха поэтому отражает — но и преломляет при этом, проявляя наиболее ярко и ясно, — переживания членов общины, что, в свою очередь, оказывается средством передачи Учения слушателям, которые, будучи уже в какой-то степени подготовлены к восприятию его, легче воспринимают наставления, включающие помимо чисто рационального еще и эмоциональный компонент.

Возвышенные речи (*udāna*) Асанга определяет как «то, что иногда говорится в сутрах Так Приходящим, когда его разум полон радости» (AS 1950: 78), Стхирамати же очень краток: «Возвышенные речи — [это речи] того, кто охвачен радостью, а именно — когда эти качества проявляются явственно» (*udānaṃ yadāttamanaskenodahrtaṃ tadyathā yadā ime prādurbhavanti dharmā ityevamadi*) (ASB 1976: 95). Почему в АС *udāna* выделена в особую форму наставления и чем возвышенные речи принципиально отличаются от других средств проповеди? Прежде всего следует отметить, что название *Udāna* носит одна из частей Палийского канона, а именно — третья часть Кхуддака-никаи (*Khuddaka-nikāya*), пятого, последнего раздела палийской Сутта-пи-

таки. Краткое содержание «Уданы» таково: Будда разъясняет природу закона зависящего возникновения, рассказывает о том, кого можно считать истинным брахманом (того, кто устранил все аффекты), говорит об истинной аскезе, указывая, что человек очищается не водой, а Дхармой, дает наставления царю нагов — змею Мучалинде и т.д. Примечательный момент этого раздела Канона: каждая сутта посвящена какому-то вопросу, проблеме, стоящей перед общиной, или достижению, обретенному кем-то из учеников, и Будда, суммируя суть проблемы и ее решения или смысл достижения, произносит «возвышенную речь» (*udāna velāya*), причем самому возвышенному стиху предпосылается стандартная формула: «Видя смысл [этого], Бхагаван [Будда] произнес такую возвышенную речь» (*atha kho Bhagavā etamatthaṃ viditvā tāyaṃ velāyaṃ imaṃ udānaṃ udānesi*).

В качестве примера рассмотрим «Бахия-сутту», которая повествует о достижении нирваны монахом по имени Бахия. Он жил в городе Суппарака, был почитаем, но усомнился однажды: «Действительно ли я — архат или хотя бы тот, кто ступил на путь к архатству?» Тогда перед ним появилось некое божество (*devatā*), приняв облик человека, и сказала, что он, Бахия, не архат и даже не ступил еще на путь к архатству, и рассказало о Будде, который проповедовал тогда в городе Шравасты. Бахия отправился туда и получил от Будды наставление: «В видимом пусть будет то, что было увидено, в слышимом — то, что было услышано, в ощущаемом — то, что ощущалось, в мыслимом — то, что было помыслено» (*diṭṭhe diṭṭhamattaṃ bhavissati, sute sutamattaṃ bhavissati, mute mutamattaṃ bhavissati, viññāte viññātamattaṃ bhavissati*) — иначе говоря, не следует примысливать к непосредственно данному какие-то ментальные конструкты, не следует дополнять реальность собственными мыслями, и тогда можно обрести просветление и нирвану. И в этот момент, услышав наставление, Бахия мгновенно освободился от всех аффектов. Позднее, когда он погиб в результате несчастного случая, Будда сказал о нем: «Бахия „Одетый в кору“ [таково было прозвище монаха. — С.Б.] следовал по пути в соответствии с Учением и не беспокоил меня спорами об Учении. Монахи, Бахия „Одетый в кору“ достиг нирваны» (*Bāhiyo dārucīriyo rassarādi dhammassānudhammaṃ, na ca maṃ dhammādhikaraṇaṃ vihesesi, parinibbuto bhikkhave Bāhiyo dārucīriyoti*) (*Khuddakapāṭha* 2008: 84–86). Сказав это, Бхагаван Будда, видя смысл всего этого, произнес возвышенную речь: «Там нет места для воды, земли, огня и ветра, не светят звезды, и не сияет солнце, не светит луна, и нет даже тьмы. Когда брахман, давший обет молчания, познал это, [он] освободился от формы и не-формы, счастья и страдания» (*Khuddakapāṭha* 2008: 86–87). Заключительный стих сутты суммирует смысл всего, что произошло с Бахией, показывая, что этот монах достиг нирваны — высшего состояния, в котором нет места ничему из того, что составляет наш обычный эмпирический мир. Полное и окончательное освобождение и состоит, как гласит «Бахия-сутта», в том, чтобы сначала увидеть реальность такой, какова она есть, помимо любых понятий и концепций, без «примысливания» их к наблюдаемому, а затем — и благодаря этому — преодолеть оковы эмпирического мира со свойственной ему противоположностью счастья и страдания.

Иначе говоря, *udāna* самими авторами буддийских текстов понимается как особое наставление Будды — эмоционально окрашенное и тем самым свидетельствующее о значительности того события, которому оно посвящено. Формальных отличий «возвышенных речей» от других типов буддийского наставления нет: этот тип наставлений выделяется лишь по своему месту в Каноне.

Шестой тип наставлений — это *nidāna*, или рассуждение, которое Асанга определяет как «то, что сказано [Буддой в ответ] на вопрос, или установление предписания вместе с его причиной» (AS 1950: 78), Стхирамати же указывает, что это наставление дается человеку для того, чтобы пробудить у него понимание (*prajñapti*) того или иного конкретного вопроса (*prakaraṇa*) (ASB 1976: 95). Буквально *nidāna* значит «причина, мотив, исходная форма», а само это слово в буддийской философии, как известно, обозначает еще и звено 12-членной цепи зависимого возникновения (*pratītya-samutpāda*). Суть этого типа наставлений — прояснить для ученика какой-то вопрос, и здесь проповедник уже не прибегает к методам суггестии, опирающимся на работу с ритмом слова или интонацией, а дает вполне рациональный ответ на прямой вопрос слушателя. Кроме того, речь идет здесь также о тех или иных предписаниях винаи (свода дисциплинарных правил для монахов и мирян), мотивы которых истолковывает Будда в этом типе наставлений.

Седьмой тип у Асанги назван *avadāna* «предание», и автор АС определяет его как то, что «сказано в сутрах вместе с примерами» (AS 1950: 78), Стхирамати же добавляет, что тем самым смысл наставления делается понятным слушателю и очищается от всевозможных смысловых «примесей», способных исказить суть наставления (ASB 1976: 96). Буквально *avadāna* значит «достижение, подвиг», но в АС и АСБ говорится об особом типе наставлений, суть которого состоит в том, что Будда излагает смысл предписаний или доктринальных положений, иллюстрируя это примерами из жизни будд и бодхисаттв прошлого или, наоборот, из жизни грешников, которые страдают из-за удерживающих их в сансаре аффектов. Это один из наиболее распространенных жанров буддийской литературы, и его специфика заключается в разъяснениях, как прегрешения или благие деяния в прежних рождениях живого существа отражаются на его нынешней жизни.

Композиция аваданы стандартна: текст открывается рассказом о настоящем положении живого существа, затем следует повествование о событиях в одном из прошлых его рождений, а завершает авадану установление тождества действующих лиц прошлого и настоящего (Воробьева-Десятовская, Шомахмадов 2010: 66). В Палийском каноне этому термину соответствует *aradāna* — раздел из шести сотен кратких стихотворных притч из жизни Будды и членов его общины. В целом суть этого типа наставлений очевидна: как и, например, в христианских притчах, на ярком примере из прошлого создатели Канона показывают, как конкретно проявляются те или иные принципы буддийского учения и какова связь между положениями дисциплинарного кодекса (винаи) и действиями живого существа и их кармическим плодом.

В качестве примера можно привести также авадану, условно атрибутированную как «Авадана о гонге» (*Gaṇḍī-avadāna*); ее рукопись хранится в коллекции Института восточных рукописей РАН. Краткое содержание аваданы таково. Будда, прибыв в город Шравасты, направился в дом бедной девушки-прачки. Она из-за своей бедности не смогла достойно принять гостя и, взяв нож, хотела уже совершить самоубийство от горя, но в этот момент ей явилось божество и даровало все, что необходимо для приема Учителя, — яства, роскошные одежды и пр. Приняв Будду надлежащим образом, прачка спросила его о причинах своей нищеты, и он ответил, что всё это — следствие совершенного ею в прошлой жизни прегрешения — отказа дать подаяние монаху. Однако время действия этой кармы, сказал он, подходит к концу: через шесть дней она умрет и вновь родится в семье Аджитасены, царя государства Магадха

(Шомахмадов 2011: 82–83). Звук гонга (*gaṇḍī*), сказал Будда после ее кончины, должен напоминать ученикам об этом событии. Девушка-прачка была готова отдать собственную жизнь в дар Будде, уподобляясь тем самым бодхисаттве, проявляющему добродетель совершенного даяния (*dāna-pāramitā*), и архату, свободному от любых мирских привязанностей (Шомахмадов 2011: 85). В какой-то мере, как видим, этот сюжет можно назвать повествованием о религиозном подвиге (*avadāna*).

Восьмой тип — *itivṛttaka* (*namu itivuttaka*) от *iti vṛttam* «так сказано [Буддой или его учениками]». Это, по определению АС, повествование о словах благородных шравиков (*āgusaśravaka*) и об их прежних действиях в этом мире (AS 1950: 78), в АСБ же это не комментируется никак. В Палийском каноне *Itivuttaka* входит в качестве четвертого раздела в Кхуддака-никаю, и каждое наставление в этом разделе состоит из очень краткого поучения Будды и его разъяснения, которое дается в стихотворной форме. Так, первое наставление раздела посвящено алчности (*lobha*), и Будда говорит ученикам: «Одно качество, о монахи, оставьте, и я обещаю вам невозвращение. Какое [это] одно качество? Алчность, о монахи, оставьте, и я обещаю вам невозвращение» (*Ekaḍhammaṃ bhikkhave pajahatha, ahaṃ vo pāṭibhogo anāgāmitāya. Katammaṃ ekaḍhammaṃ? Lobhaṃ bhikkhave ekaḍhammaṃ pajahatha, ahaṃ vo pāṭibhogo anāgāmitāyāti*), а затем дается пояснение в метризованной форме: «Охваченные этой алчностью, живые существа идут по неблагим путям. Эту алчность распознав, мудрые оставляют [ее]» (*Yena lobhena luddhāse, sattā gacchanti duggatiṃ. Taṃ lobhaṃ sammadaññāya, pajahanti vipassino*) (Khuddakapāṭha 2008: 195). Аналогично объясняются в этом разделе и другие эмоциональные состояния, а также иные базовые положения Учения. Примечательно, что АС не упоминает самого Будду как того, кто дает наставления ученикам, — сказано только о шраваках как получателях наставлений.

Особый жанр буддийской литературы — джатаки (*jātaka*), или рассказы о прежних рождениях Будды. Как сказано в АС, это то, что «повествует о жизни Бодхисаттвы, как она представлена в Трипитаке» (AS 1950: 78), в АСБ же это тоже, как и в случае с *itivṛttaka*, не комментируется. Первоначально джатаки были чисто устным жанром буддийской словесности, сюжет их был связан с ситуацией, в которой они рассказывались. Так, когда один монах затосковал по жене, оставшейся в миру, Будда рассказал ему сходную историю, случившуюся с ним в одном из прошлых рождений, и монах осознал, что его страдания вовсе не уникальны, и тоска отпустила его (Парибок 2011: 273). В основе сюжетики джатак лежит общее для всех индийских религиозно-философских систем представление о безначальной цепи существований, связанных друг с другом причинно-следственными связями (Волкова 2000: 5–6), отличие же джатаки от аваданы состоит в том, кто играет роль главного героя. В джатаках это, естественно, сам Будда в одном из своих прошлых рождений, в аваданах же — кто-то из учеников или последователей Будды, причём в *нынешнем* своем рождении, которое, однако, является следствием его поступков в прошлых рождениях.

Десятый тип дидактических текстов — так называемые «обширные сочинения» (*vaiṇulya*), которые в АС определяются как «то, что сказано в Каноне бодхисаттв. То, что называется „обширным“, называется также „всепобеждающим“ (*vaidalya*), а также „горой несравненной [высоты]“ (*vaitulya*). Почему [оно] называется „обширным“? Потому что [оно] — основа блага и счастья всех живых существ и потому что [оно] дает высшее и глубокое учение. Почему [оно] называется всепобеждающим? Потому что [оно] разрывает все препятствия. Почему [оно] называется горой несравненной

[высоты]? Потому что [оно] не может быть уподоблено ни одной вещи, которые могут быть сравнены между собой» (AS 1950: 79). Согласно АСБ, обширность или, точнее, величие (*mahattva*) этих сутр понимается как имеющее семь аспектов. 1. Величие их предмета — пути бодхисаттв — детально разъясняется в «Шатасахасрика-праджняпарамита-сутре» и других сутрах махаяны, а поскольку эти сутры отличаются пространностью, предмет же их составляет высший идеал махаяны — идеал бодхисаттвы, давшего клятву спасти все живые существа из колеса перерождений, то и произведения эти называются «пространными» или «обширными». 2. Величие достижений, которые дарует изучение обширных наставлений, — в постижении смысла и самих этих наставлений, и всех остальных трудов, излагающих Учение Будды. 3. Величие знания, обретаемого посредством изучения этих наставлений, — благодаря пониманию отсутствия собственной сущности дхарм и несуществования неизменного Я в эмпирической личности. 4. Величие энергии (*vīrya*), даруемой обширными наставлениями, — благодаря готовности адепта практиковать Учение Будды в течение неисчислимых кальп. 5. Величие искусства в средствах, ведущих к просветлению, — благодаря неразличению нирваны и сансары. 6. Величие обретения — благодаря возвращению в себе неисчислимых благих качеств, даруемых знанием Учения Будды. 7. Наконец, величие действия обретается благодаря исполнению долга Будды (*buddhakārya*) в течение всего того времени, что живое существо пребывает в сансаре (ASB 1976: 96).

В махаяне к произведениям типа *vaiṣṭya* относятся «Нирвана-сутра», «Аватамсак-сутра», «Лотосовая сутра», «Ланкаватара-сутра», «Суварнапрахаса-сутра», «Лалитавистара», «Аштасахасрика-праджняпарамита-сутра» и ряд других (Varat 1956: 141; Нестеркин 2013: 556). «Лотосовая сутра» — один из наиболее обширных текстов этой группы сутр и при этом один из важнейших для понимания сути учения махаяны. Она была составлена в Индии, скорее всего, в I–II вв., а в III в. был выполнен ее первый китайский перевод (Игнатович 2011: 578–579). Как и в других раннемахаянских текстах, в ней проводится мысль об относительности и конвенциональности всех понятий и учений, и в этом изложенные в ней взгляды принципиально расходятся с учением хинаянской школы сарвастивады, в которой все дхармы понимаются как субстанциальные. Однако другим важным моментом воззрений, изложенных в этой сутре, является представление — хотя еще и не вполне ясно выраженное — о Будде как высшей личности, в каком-то смысле составляющей истинную природу и личностей всех живых существ, и вообще всего сущего (Kalupahana 1992: 173–174).

Другой авторитетный текст категории *vaiṣṭya* — это «Аштасахасрика-праджняпарамита-сутра», в которой идеал бодхисаттвы, сознательно отказывающегося от погружения в нирвану ради спасения из сансары всех живых существ, противопоставляется идеалам архата и пратьекабудды, обретающих нирвану только для себя. Идея религиозных и нравственных совершенств (*pāramitā*) бодхисаттвы ставится в ней выше нравственных качеств архата (Conze 1978: 7), так как бодхисаттва применяет их для спасения других живых существ, и уже из этого видно, что, согласно *вайтульясутрам*, проявление милосердия и сострадания — качеств, в высшей степени свойственных бодхисаттвам, — есть одно из основных условий достижения просветления. Логика этих сутр такова: если аффекты ослепляют сознание, мешая ему видеть истинную реальность, то — поскольку любой аффект имеет своим центром некоторое я человека, действующего ради своего блага и привязанного к образу своего я, — устра-

нение аффектов предполагает преодоление идеи *я* (и тем более — какой бы то ни было идеи вечного и неизменного божественного *Я*, как, например, в монистической веданте), что требует прежде всего преодоления аффективной привязанности к ней. Привязанность же эта преодолевается переориентацией деятельности человека с себя на других, когда благо других живых существ становится более важным, чем свое собственное.

Текст АС гласит, что «обширные наставления» называются так потому, что служат основой блага всех живых существ, — но очевидно, что это благо и есть высшая цель бодхисаттвы. Милосердие ставится в этих сутрах выше исследования дхарм, так как именно оно составляет суть идеала бодхисаттвы, недостижимого только посредством медитации и анализа собственной психики через призму учения Абхидхармы. Более того, сами понятия дхармы, нирваны, сансары — всего лишь слова, и они вовсе не обязательно обозначают какую-то объективную реальность. Когда в «Аштасахасрике» говорится, что человек должен стремиться стать бодхисаттвой и в то же время — что нет ничего такого, что можно было бы назвать «бодхисаттвой», или совершенством мудрости, или бытием вообще, — речь идет, собственно, об относительности слов, идей, концепций: все они, если испытывать к ним эмоциональную привязанность, становятся «аффективными препятствиями» (*kleśa-āvāraṇa*) на пути к просветлению, а если воспринимать их как точное отражение реальности или частей ее, а не как инструменты, нужные лишь для того, чтобы подвести адепта к состоянию, которое само по себе не может быть выражено человеческим языком, — превращаются в «эпистемологические препятствия» (*jñeya-āvāraṇa*), дезориентирующие человека и служащие почвой, на которой прорастают аффекты. Принятие идеала бодхисаттвы как своего религиозного ориентира и в то же время понимание, что на самом деле бодхисаттв не существует, и будет достижением религиозного совершенства (Conze 1978: 7–8).

Одиннадцатый тип дидактических текстов — *adbhuta-dharma*, рассказы о чудесах или, как определяет это Асанга, «повествование о высших и сверхъестественных деяниях шраваков, бодхисаттв и татхагат» (AS 1950: 79). В АСБ этот фрагмент не комментируется. Известен небольшой текст «Адбхутадхарма-парьяя» (*Adbhutadharmaparyāya*), в котором Будда рассказывает своему ученику Ананде, что сооружение глиняной ступы размером с плод миробалана (2–3 см) с изваянием Будды величиной с зернышко ячменя или мощами — с горчичное зерно составляет религиозную заслугу, большую, чем приношение груды драгоценностей величиной с весь континент Джамбудвипа тем, кто достиг других ступеней просветления (Anālayo 2010: 45). Чудеса, сверхъестественные деяния, совершавшиеся буддами и бодхисаттвами прошлого, сами по себе выступают средством проповеди — подобно тому, как это имеет место, например, в христианстве, где повествования о чудесах, сотворенных Христом или святыми, способствуют убеждению тех, кто еще не принял христианскую веру, и укреплению в вере тех, кто уже стал христианином. Однако суть рассказов о чудесах этим не исчерпывается. Природа буддийской общины характеризуется в буддийских текстах «восемью чудесными качествами», в которых сангха сравнивается с океаном: как океан становится со временем все глубже, так же углубляется и знание, коим обладает община; как воды океана никогда не переходят своих пределов, так и община не нарушает установленных предписаний; как океан выбрасывает на берег мертвые тела, так и сангха выбрасывает из себя тех, кто преступил предписания; как реки, впа-

дая в океан, сливаются вместе и теряют свои имена, так и человек, вступая в сангху, оставляет свое имя и называется после этого только «учеником Будды»; как все воды океана имеют один и тот же вкус соли, так и община имеет один и тот же вкус — освобождения; как океан не увеличивается и не уменьшается, сколько бы рек ни впадало в него, так и община не меняется, сколько бы учеников ни обрело нирвану; как океан скрывает в себе множество сокровищ, так и община содержит множество учений и предписаний; как в океане живут большие рыбы, так и в общине — великие ученики Будды (Hirakawa 1990: 61). Когда Асанга говорит о чудесах, сотворенных буддами и бодхисаттвами прошлого, следует иметь в виду, что эти чудеса были сотворены представителями буддийской общины, носителями учения, которое в далеком прошлом провозглашали будды Кашьяпа, Канакамунни и другие, а в наше время провозгласил Шакьямуни. Совершенно закономерно, что в буддизме речь всегда идет о трех драгоценностях — Будде, его Учении и его общине — как о ценностях равных, однако равными они оказываются не только аксиологически, но и онтологически: ни одна драгоценность не может существовать вне и помимо двух прочих.

Наконец, разъяснения (*upadeśa*) включаются, в отличие от предыдущих типов, в Абхидхарма-питаку и определяются в АС как «безошибочное истолкование всех признаков глубокого и тайного учения» (AS 1950: 79), в АСБ же сказано, что эти признаки составляют смысл сутр и других дидактических текстов (ASB 1976: 96). Сангхабхадра, учитель Васубандху и представитель хиньянской школы вайбхашика, определяет этот тип как подробное изложение одиннадцати предыдущих типов текстов, включающее ответы на все возможные возражения и разъяснение всего, что в других типах выражено недостаточно четко, и отождествляет его с матриками (*mātrkā*) — перечнями дхарм, составляющими содержание Абхидхармы; собственно, и сам термин *abhidharma* интерпретируется им как то, что направлено на (*abhi*) характеристики элементарных психофизических состояний (*dharma*) (Dhammajoti 2009: 5). В этом отношении воззрения, высказываемые Асангой, не расходятся с учением хиньяны. Основой этого типа текстов выступают, таким образом, сутры — точнее, Сутта-питака, в которой изложены поучения, проповеданные Буддой ученикам. Однако к *upadeśa* могут относиться, как отмечает Сангхабхадра, не только *buddha-vacana* («слова Будды»), но и любые авторитетные комментарии учеников и последователей Так Приходящего (Dhammajoti 2009: 6).

Анализируя типологию дидактических текстов, мы видим, что в этой классификации речь идет об «искусных средствах» (*upāya*) проповеди, и тот, кто достиг мастерства в них (*upāya-kauśalya*), становится способен распространять Дхарму среди любых разумных существ, каковы бы ни были их изначальные мыслительные установки, и спасти живых существ из круговорота рождений и смертей, так что овладение искусством проповеди оказывается с этой точки зрения необходимым условием осуществления идеала бодхисаттвы. Милосердие бодхисаттвы проявляется, среди прочего, именно в проповеди, позволяющей слушателям увидеть истину и ступить на путь к просветлению. Разумеется, проповедь — не единственное средство, которым располагает бодхисаттва для исполнения своего обета: он также способен исцелять недуги, творить чудеса во всех трех мирах, спасать живых существ от рождений в неблагих сферах (среди животных, голодных духов и обитателей ада) (ASB 1976: 123–124), но все же уничтожение ложных воззрений и помощь в обретении нирваны невозможны без проповеди. Сам же идеал бодхисаттвы осуществляется только в особом состоя-

нии «нирваны без опоры» (*apratīṣṭhita-nirvāṇa*), которое позволяет бодхисаттве, пребывая в нирване, сохранять, тем не менее, активность в сансарическом мире, спасая из него других. При этом характер буддийского наставления таков, что в нем проповедник обращается в первую очередь к разуму слушателей. Песнопения, стихи и повествования о чудесах тоже, несомненно, важны как средство проповеди, но следует заметить, что даже *adbhūta-dharma* — это только *рассказы* о чудесах, но не сами чудеса. Даже если бодхисаттва творит нечто чудесное, оно имеет смысл только как вспомогательное средство, основным же остаются изложение Учения и рациональные разъяснения его положений.

Эта особенность буддийской проповеди ярко проявляется при сравнении ее с индуистской стотрой. Стотра — гимн, обращенный к тому или иному богу, — должна вызвать в сознании участников ритуала целостный образ божества, включающий в себя все приписываемые этому божеству эпитеты, отсылки ко всем мифологическим событиям, в которых божество участвовало, и ко всем другим божествам, связанным с данным (подробнее см.: Бурмистров 2019). Рецитация имен и эпитетов бога сама по себе есть форма его почитания и, несомненно, играет роль религиозного наставления (Столярова 2014: 217), но это наставление совершенно иного характера. Как говорил А.Н. Веселовский о народной поэзии, «древний поэт не творит, собственно говоря, ничего такого, что бы не существовало в представлении его современников как знание или чаяние. Оттого он поет не *для* них, потому что он не в состоянии передать им ничего, что бы они в известной мере уже не знали; но он поет от лица всех, *за* всех» (Веселовский 2006: 122; курсив автора. — С.Б.). Стотра ближе именно к этой форме поэзии — как раз потому, что ничего нового слушателю не сообщает, но лишь сосредоточивает в одном кратком гимне все, что имеет отношение к восхваляемому божеству, или, точнее говоря, все, что знают о божестве слушатели, участники ритуала. В отличие от стотры, буддийские наставления дают слушателям нечто принципиально новое, еще не известное. И если поэзия есть продолжение мифа (Веселовский 2006: 121) — и в индуистской стотре это видно вполне ясно, — то буддийская проповедь направлена, наоборот, против мифологической картины мира. Повторяющиеся из текста в текст требования Будды не примысливать к непосредственно наблюдаемому ничего такого, чего в нем нет, — это, по существу, требование отказа от мифологического видения мира.

Литература

- Бурмистров 2019 — *Бурмистров С.Л.* Стотра как форма религиозной практики в индуизме // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции «Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение», 01–03 ноября 2018 года, Екатеринбург / Под ред. Е.В. Мельниковой. Екатеринбург: Деловая книга, 2019. С. 332–335.
- Веселовский 2006 — *Веселовский А.Н.* Избранное: Историческая поэтика. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
- Волкова 2000 — *Волкова О.Ф.* Предисловие // *Арья Шура*. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / Пер. с санскр. А.П. Баранникова и О.Ф. Волковой. Предисл. и примеч. О.Ф. Волковой. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2000 (Памятники литературы народов Востока. Переводы. VII). С. 5–24.

- Воробьева-Десятовская, Шомахмадов 2010 — *Воробьева-Десятовская М.И., Шомахмадов С.Х.* Проблема исследования неатрибутированной аваданы из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2010. № 2 (13). С. 64–72.
- Галлямов 2012 — *Галлямов М.М.* Мусульмане — лицо ислама (методика проведения проповедей с базовыми образцами). Уфа: Изд-во БГПУ, 2012.
- Жак-Далькроз 2001 — *Жак-Далькроз Э.* Ритм / Пер. с нем., англ. М.: Классика-XXI, 2001.
- Игнатович 2011 — *Игнатович А.Н.* Саддхармапундарики-сутра // *Философия буддизма: Энциклопедия* / Под ред. М.Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2011. С. 578–584.
- Ланге 2013 — *Ланге Т.* Искусство церковной проповеди: Учебно-методическое пособие по гомилетике. Смоленск: Смоленская православная духовная семинария, 2013.
- Лысенко 2009 — *Лысенко В.Г.* Спхота // *Индийская философия: Энциклопедия* / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит.; Академический проект; Гаудеамус, 2009. С. 755–760.
- Нестеркин 2013 — *Нестеркин С.П.* Праджняпарамита и Абхидхарма в китайском буддизме // *Философия религии: Альманах.* № 2012–2013. М.: Институт философии РАН, 2013. С. 545–562.
- Овсянкина 2007 — *Овсянкина Г.П.* Музыкальная психология. СПб.: Союз художников, 2007.
- Парибок 2011 — *Парибок А.В.* Джатаки // *Философия буддизма: Энциклопедия* / Под ред. М.Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2011.
- Столярова 2014 — *Столярова Е.В.* Титулы эпического Вишну (анализ имен и практики их речитации) // *Розенберговский сборник: Востоковедные исследования и материалы* / Под ред. Т.В. Ермаковой. СПб.: Изд-во А. Голода, 2014. С. 211–218.
- Шомахмадов 2011 — *Шомахмадов С.Х.* Некоторые наблюдения над текстом неатрибутированной аваданы из коллекции Н.Ф. Петровского // *Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга: Доклады, статьи, публикации документов* / Сост. М.И. Воробьева-Десятовская и Е.П. Островская, под ред. Т.В. Ермаковой. СПб.: Институт восточных рукописей РАН, 2011. С. 82–85.
- Anālayo 2010 — *Anālayo.* The Genesis of the Bodhisattva Ideal. Hamburg: Hamburg University Press, 2010.
- AS 1950 — *Asanga.* Abhidharma samuccaya / Critically edited and studied by P. Pradhan. Santiniketan: Visva Bharati, 1950.
- ASB 1976 — *Abhidharmasamuccayabhāṣyam* / Ed. by N. Tatia. Patna: Kāśīprasāda Jāyasavāla Anuśīlana Saṁsthā, 1976.
- Bapat 1956 — *Bapat P.V.* Buddhist Literature: General // 2500 Years of Buddhism / Ed. by P.V. Bapat. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, Government of India, 1956. P. 139–142.
- Biardeau 1964 — *Biardeau M.* Théorie de la connaissance et philosophie de la parole dans le brahmanisme classique. Paris: Mouton & Co., 1964.
- Bilimoria 1988 — *Bilimoria P.* Śabdapramāṇa: Word and Knowledge. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1988.
- Conze 1978 — *Conze E.* The Prajñāpāramitā Literature. Tokyo: Reiyukai, 1978.
- Dhammajoti 2009 — *Dhammajoti Bhikkhu.* Sarvāstivāda Abhidharma. Hong Kong: Centre of Buddhist Studies, the University of Hong Kong, 2009.
- Griffiths 2003 — *Griffiths P.* Sthiramati, Bhāṣya on Asanga's Abhidharmasamuccaya // *Potter K.H.* (ed.). Encyclopedia of Indian Philosophies. Vol. IX: Buddhist Philosophy from 350 to 600 A.D. Delhi: Motilal Banarsidass, 2003. P. 495–510.
- Hirakawa 1990 — *Hirakawa A.* A History of Indian Buddhism: From Śākyamuni to Early Mahāyāna / Transl. by P. Groner. Honolulu: University of Hawaii Press, 1990.
- Kalupahana 1992 — *Kalupahana D.J.* A History of Buddhist Philosophy: Continuities and Discontinuities. Delhi: Motilal Banarsidass, 1992.
- Khuddakapāṭha 2008 — *Khuddakapāṭha Dhammapada Udāna Itivuttaka Suttanipāṭapāli.* Yangon: Ministry of Religious Affairs, 2008.

- Pradhan 1950 — *Pradhan P. Introduction // Asanga. Abhidharma samuccaya / Critically edited and studied by P. Pradhan. Santiniketan: Visva Bharati, 1950. P. 5–31.*
- Vimānavatthu 2008 — *Vimānavatthu Petavatthu Theragāthā Therīgāthāpāli. Yangon: Ministry of Religious Affairs, 2008.*

References

- Abhidharmasamuccayabhāṣyam*. Ed. by N. Tatia. Patna: Kāśīprasāda Jāyasavāla Anuśīlana Saṁsthā, 1976 (in Sanskrit).
- Anālayo. *The Genesis of the Bodhisattva Ideal*. Hamburg: Hamburg University Press, 2010 (in English).
- Asanga. *Abhidharma samuccaya*. Critically edited and studied by P. Pradhan. Santiniketan: Visva Bharati, 1950 (in Sanskrit).
- Bapat P.V. “Buddhist Literature: General”. In: *2500 Years of Buddhism*. Ed. by P.V. Bapat. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, Government of India, 1956, pp. 139–142 (in English).
- Biardeau M. *Théorie de la connaissance et philosophie de la parole dans le brahmanisme classique*. Paris: Mouton & Co., 1964 (in French).
- Bilimoria P. *Śabdapramāṇa: Word and Knowledge*. Dordrecht–Boston–London: Kluwer Academic Publishers, 1988 (in English).
- Burmistrov S.L. “Stotra kak forma religioznoi praktiki v induizme” [Stotra as a Form of Religious Practice in Hinduism]. In: *Pivovarovskie chteniia. Sinteticheskaia paradigma: nauka, filosofii, religiovedenie: sbornik materialov konferentsii “Sinteticheskaia paradigma: nauka, filosofii, religiovedenie”, 01–03 noiabria 2018 goda, Ekaterinburg* [Pivovarov Readings. Synthetical Paradigm: Science, Philosophy, Religious Studies. Proceedings of the Conference “Science, Philosophy, Religious Studies”, November 01–03, 2018, Ekaterinburg]. Ed. by E.V. Mel’nikova. Ekaterinburg: Delovaia kniga, 2019, pp. 332–335 (in Russian).
- Conze E. *The Prajñāpāramitā Literature*. Tokyo: Reiyukai, 1978 (in English).
- Dhammajoti Bhikkhu. *Sarvāstivāda Abhidharma*. Hong Kong: Centre of Buddhist Studies, the University of Hong Kong, 2009 (in English).
- Galliamov M.M. *Musul’mane — litso islama (metodika provedeniia propovedei s bazovymi obraztsami)* [Muslims are the Face of Islam (Methods of Sermons with Basic Examples)]. Ufa: BGPU Publ., 2012 (in Russian).
- Griffiths P. “Sthiramati, Bhāṣya on Asanga’s Abhidharmasamuccaya”. In: *Potter K.H. (ed.). Encyclopedia of Indian Philosophies. Vol. IX: Buddhist Philosophy from 350 to 600 A.D.* Delhi: Motilal Banarsidass, 2003, pp. 495–510 (in English).
- Hirakawa A. *A History of Indian Buddhism: From Śākyamuni to Early Mahāyāna*. Transl. by P. Groner. Honolulu: University of Hawaii Press, 1990 (in English).
- Ignatovich A.N. “Saddharmapuṇḍarika-sūtra”. In: *Filosofiiia buddizma: Entsiklopediia* [Buddhist Philosophy: An Encyclopedia]. Ed. by M. T. Stepaniants. Moscow: Vostochnaia literatura, 2011, pp. 578–584 (in Russian).
- Jacques-Dalcroze E. *Ritm* [Rythm]. Moscow: Klassika-XXI, 2001 (in Russian).
- Kalupahana D.J. *A History of Buddhist Philosophy: Continuities and Discontinuities*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1992 (in English).
- Khuddakapāṭha Dhammapada Udāna Itivuttaka Suttanipāṭapāli*. Yangon: Ministry of Religious Affairs, 2008 (in Pāli).
- Lange T. *Iskusstvo tserkovnoi propovedi: Uchebno-metodicheskoe posobie po gomiletike* [The Art of Ecclesiastical Sermon: Educational Guide to Homiletics]. Smolensk: Smolenskaia pravoslavnaia dukhovnaia seminariia, 2013 (in Russian).
- Lysenko V.G. “Sphoṭa”. In: *Indiiskaia filosofiiia: Entsiklopediia* [Indian Philosophy: An Encyclopedia]. Ed. by M.T. Stepaniants. Moscow: Vostochnaia literatura; Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2009, pp. 755–760 (in Russian).

- Nesterkin S.P. “Prajñāpāramitā i Abhidharma v kitaiskom buddizme” [Prajñāpāramitā and Abhidharma in Chinese Buddhism]. *Filosofīia religii: Al'manakh* [Philosophy of Religion: An Almanac], no. 2012–2013. Moscow: Institut filosofii RAN, 2013, pp. 545–562 (in Russian).
- Ovsiankina G.P. Muzykal'naia psikhologīia [Musical Psychology]. St. Petersburg: Soiuz khudozhnikov, 2007 (in Russian).
- Paribok A.V. “Jātaki” [Jātakas]. In: *Filosofīia buddizma: Entsiklopedīia* [Buddhist Philosophy: An Encyclopedia]. Ed. by M.T. Stepaniants. Moscow: Vostochnaia literatura, 2011, p. 273 (in Russian).
- Pradhan P. “Introduction”. In: Asanga. *Abhidharma samuccaya*. Critically edited and studied by P. Pradhan. Santiniketan: Visva Bharati, 1950, pp. 5–31 (in English).
- Shomakhmadov S.Kh. “Nekotorye nabliudeniia nad tekstem neatribirovannoi avadany iz kollektcii N.F. Petrovskogo” [Some Observations Concerning the Text of an Unattributed *avadāna* from N.F. Petrovsky's Collection]. In: *Chetvertye vostoovednye chteniia pamiati O.O. Rozenberga: Doklady, stat'i, publikatsii dokumentov* [The Fourth Oriental Readings in Memory of O.O. Rozenberg]. Ed. by M.I. Vorob'eva-Desiatovskaia, E.P. Ostrovskaiia, and T.V. Ermakova. St. Petersburg: Institut vostochnykh rukopisei RAN, 2011, pp. 82–85 (in Russian).
- Stoliarova E.V. “Tituly epicheskogo Vishnu (analiz imen i praktiki ikh retsitsatsii)” [Titles of the Epic Viṣṇu (An Analysis of Names and the Practices of Its Recitation)]. In: *Rozenbergovskii sbornik: Vostoovednye issledovaniia i materialy* [Rozenberg Miscellany: Orientalist Studies and Materials]. Ed. by T.V. Ermakova. St. Petersburg: A. Golod's Publ., 2014, pp. 211–218 (in Russian).
- Veselovskii A.N. *Izbrannoe: Istoricheskaia poetika* [Selected Works on Historical Poetics]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopedīia, 2006 (in Russian).
- Vimānavatthu Petavatthu Theragāthā Therīgāthāpāli*. Yangon: Ministry of Religious Affairs, 2008 (in Pāli).
- Volkova O.F. “Predislovie” [Preface]. In: Arya Shura. *Girlianda dzhatak, ili Skazaniia o podvigakh Bodhisattvy* [A Garland of jātakas, or Legends about the Feats of the Bodhisattva]. Transl. from Sanskrit by A.P. Barannikov and O.F. Volkova. 2nd ed. Moscow: Vostochnaia literatura, 2000, pp. 5–24 (in Russian).
- Vorob'eva-Desiatovskaia M.I., Shomakhmadov S.Kh. “Problema issledovaniia neatribirovannoi avadany iz kollektcii IVR RAN” [The Problem of the Investigation of an Unattributed *avadāna* from the IOM RAS Collection]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2010, no. 2 (issue 13), pp. 64–72 (in Russian).

The Typology of Buddhist Didactic Texts in Asanga's *Compendium of Abhidharma*

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 67–82)
Received 02.02.2020.

Sergey L. Burmistrov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Asanga's treatise *Compendium of Abhidharma* (*Abhidharma-samuccaya*, 4th century) presents twelve types of Buddhist didactic instructions, viz. *sūtras*, verse narration (*geya*), exposition (*vyākaraṇa*), stanza (*gāthā*), solemn utterance (*udāna*), circumstance (*nidāna*), exploits (*avadāna*), “thus it was said” (*itivṛttaka*), birth-stories (*jātaka*), development (*vaipulya*), marvels (*adbhūta-dharma*), instruction (*upadeśa*). These are different means of propagation of the Buddhist doctrine, and the aim of this

propagation is the salvation of all sentient beings from the wheel of *saṃsāra*. The propagation of Buddhist Dharma is therefore one of essential aspects of the way of bodhisattva, and the topic of the respective part of the treatise is the “skilful means” (*upāya-kausalya*) as one of the form of bodhisattva’s compassion and charity. In contrast to the Hindu *stotra* (religious hymn), a Buddhist didactic text appeals primarily to the rational side of the mind, presenting to the hearers entirely new religious knowledge, while the *stotra* presents concisely that which they already know about the god who is the subject of this hymn.

Key words: didactic text, *sūtra*, religious sermon, bodhisattva ideal, Mahāyāna.

About the author:

Sergey L. Burmistrov, Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Section of South Asian Studies of the Department of Central and South Asian Studies, IOM RAS (SLBurmistrov@yandex.ru).

«Изготовить множество книг...».**Ремарка к характеристике работы еврейских писцов и первопечатников**

С.М. Якерсон

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербургский государственный университет

DOI: 10.7868/S1811806220010069

Колофоны еврейских рукописей и инкунабулов помимо библиографической информации содержат, как правило, различные благословения или благопожелания, связанные с завершением работы или надеждой на ее дальнейшее продолжение. Основным источником подобного рода текстов является, естественно, Еврейская Библия. Анализу одного из таких благопожеланий, смысл которого в контексте колофонов диаметрально противоположен его смыслу в библейском тексте, посвящена данная статья.

Ключевые слова: Еврейская Библия, Екклесиаст, колофоны, благословения, рукописи, инкунабулы, писцы, первопечатники, сефарды.

Статья поступила в редакцию 13.01.2020.

Якерсон Семен Мордухович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186 г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная 18; Восточный факультет СПбГУ, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9 (shiakerson@yandex.ru).

© Якерсон С.М., 2020

Развернутые колофоны еврейских рукописей и инкунабулов помимо различной библиографической информации (где, кем, когда и с какой целью была переписана или напечатана данная книга) содержат, как правило, благопожелания, являющиеся в основном прямыми цитатами или парафразами библейского текста. Колофон представлял собой основной «след» переписчика или первопечатника в книге¹, а для про-

¹ Помимо колофона индивидуальность переписчика могла проявляться и в способах заполнения строки, и в эвлогиях, и в приемах графической записи замены тетраграмматона в неканоническом тексте и т.д. См. об этом подробно (Якерсон 2003: 65–75, 87–96).

фессионального писца — еще и его «знак качества» или «визитную карточку». В колофонах часто встречались благопожелания, связанные с изучением книг (в первую очередь Святого Писания, но не только), их приобретением или их изготовлением.

В контексте таких благопожеланий наиболее интересной библейской цитатой представляется текст из книги Екклесиаста, которому и посвящены данные заметки.

Как известно, книга Екклесиаста, включенная в третий раздел Еврейской Библии «Агиографы»², содержит большое количество скептических сентенций, подчеркивающих тщету и мимолетность жизни, бессмысленность многих общепринятых человеческих действий. В частности, в двенадцатом стихе последней (12-й) главы мы читаем следующую сентенцию Проповедника:

וְיִתֵּר מִהֶמְהָה בְּנֵי הַהֵהָרָה עֲשׂוֹת סִפְרִים הַרְבֵּה אִין קִץ וְלֹהֵג הַרְבֵּה יִגְעַת בְּשָׂר׃

Смысл этого стиха достаточно ясен. В масоретском тексте после слова «הַהֵהָרָה» («остерегайся») стоит знак паузы — этнахта (арам. אַתְנַחְתָּא), который разбивает стих на две части, и тогда он переводится следующим образом: «И того, что помимо этого, сын мой, остерегайся. **Изготавливать множество книг — конца не будет** (здесь и далее выделено мной. — С.Я.). А много учиться — изнурительно для плоти»³.

Данный пассаж совершенно недвусмысленно призывает «умерить свой пыл» и поменьше засорять землю писаным или печатным словом, так как в книгах и учебе, как, впрочем, и в труде особой пользы нет⁴. Однако прямой смысл этого стиха, диаметрально противоположный задаче их ремесла, совершенно не смущал переписчиков и первопечатников, и они, выдергивая из контекста лишь нужные им слова — «עֲשׂוֹת סִפְרִים הַרְבֵּה אִין קִץ», интерпретировали их как наказ Святого Писания «делать книг бесконечное множество»⁵.

Интересно, что данное благопожелание могло быть использовано как по отношению к изготовителю книги, так и по отношению к заказчику/покупателю, поскольку инфинитив (Infinitivus Absolutus) «עֲשׂוֹת» интерпретировался как со значением «делать/ изготавливать/переписывать», так и со значением «приобретать». Например,

² В Синодальном переводе — Книга Екклесиаста, или Проповедника, является 24-й книгой Ветхого Завета.

³ Ср. различные варианты перевода данного стиха: «А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг — конца не будет, и много читать — утомительно для тела» (Синодальный перевод); «Сверх всего этого, сын мой, прими наставление: составлять много книг — конца не будет, и много читать утомительно для тела» (Священные книги Ветхого Завета в переводе с еврейского текста для употребления евреями. Т. П. Берлин, 1913. С. 1187); «А кроме них, мой сын, остерегись: Много книг составлять — конца не будет, И много читать — утомительно для плоти» (Дьяконов 1973: 652); «А еще, мой сын, будь осторожен: Много книг составлять — конца не будет, И много учиться — утомительно для плоти» (Дьяконов, Коган 1998: 66).

Я благодарю библииста К.А. Битнера, с которым я обсуждал различные варианты перевода этого стиха.

⁴ Ср. такие знаменитые стихи, как: «Какова польза человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?» (1:3) или: «И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая [их]: и вот, все — суета и томление духа, и нет [от них] пользы под солнцем!» (2:11) и т.д.

⁵ В виде глоссы можно отметить, что в мусульманском богословии такой прием использования священного текста называется «тахриф» (араб. تحريف — искажение слов; перестановка букв в слове), одним из признаков которого является намеренная интерпретация текста в манере, полностью противоположной цели автора.

именно так его толкует Авраам Ибн Эзра⁶ — наиболее авторитетный комментатор для сефардского еврейства того времени. В комментарии к этому стиху он пишет: «עוֹנֵן עֲשׂוֹת קְנוֹת אוֹ כְּתִיב» («а значение „делать“ (עֲשׂוֹת) — приобретать или переписывать»). Использование выражения «עֲשׂוֹת סְפָרִים הַרְבֵּה אֵין קֶץ» («делать книг бесконечное множество») было характерно именно для колофонов сефардских рукописей. Можно отметить, что в базе данных Еврейского палеографического проекта (Hebrew Palaeography Project; HPP) при Национальной академии естественных и гуманитарных наук Израиля⁷ Sfar-Data (ивр. ספּר-דאָטא), которая содержит, в частности, тексты колофонов, учтены четыре⁹ примера использования этого выражения в период XIII–XV вв., и все они относятся к геокультурной зоне «Сефарад»¹⁰. Среди еврейских первопечатников парафразы данного стиха использовали только сефардские типографы.

Рукописи

1. (Biblia Hebraica). Пятикнижие с отрывками из книг Пророков (хафтарот)¹¹ и пятью свитками¹². Берланга (Berlanga, ивр. בּירלנגה): Али бен Иосеф Миджи (ивр. עלי בן יוסף מידזי), 1455. Лист 225 recto: «הָאֵל לְמַעַן שְׂמוֹ הַגְּדוֹל יִזְכְּנִי לַעֲשׂוֹת סְפָרִים הַרְבֵּה אֵין קֶץ» («Господь ради имени Своего великого да сподобит меня изготавливать бесконечное множество книг»)¹³.

⁶ Авраам Ибн Эзра (1089, Толедо — 1167, акроним: א"ר אב"ר) — выдающийся поэт, грамматист, философ, эзегет, ученый и врач. В 1140 г. Авраам Ибн Эзра покидает Испанию и ведет жизнь странника, поселяясь на различные промежутки времени во Франции, Провансе и Англии. Авраам Ибн Эзра был первым крупным представителем сефардской интеллектуальной элиты, он переехал в христианскую Европу и познакомил не знавших арабского языка евреев с достижениями еврейско-арабской культуры и сефардской квантитативной поэзии. Считается, что ибн Эзра написал комментарий ко всем книгам Библии. Его комментарий отличается ясностью языка и основан на филологическом анализе текста.

⁷ HPP был начат в 1965 г. Целью этого проекта было многоаспектное кодикологическое описание датированных и косвенно датированных (например, по имени известного писца или заказчика) еврейских (т.е. переписанных в еврейской графике) рукописей до 1540 г. и на основе этого корпуса информации — создание исторической типологии еврейской рукописной книги. В рамках развития HPP была разработана и введена в научный оборот совершенно уникальная компьютерная база данных Sfar-Data (ивр. ספּר-דאָטא), которая на сегодняшний день содержит финансируемую кодикологическую информацию о 6601 кодексе и фрагментах.

⁸ Само название проекта остроумно заимствовано из обращения «царя царей» Артаксеркса к священнику Ездre, учителю закона (Ездра 7:12). «Учитель закона» на библейском арамейском — сафар дата' [דאָטא' ספּר].

⁹ Еще четыре использования зафиксированы в рукописях, переписанных в начале XVI в., которые по понятным причинам не могли быть изготовлены на Пиренейском полуострове.

¹⁰ В рамках еврейской кодикологии выделяются пять геокультурных зон (Восток, Сефарад, Ашкеназ, Италия, Византия). Сефарад (ивр. ספּרד) включает в себя Испанию, Португалию, Прованс и Нижний Лангедок, Марокко, Алжир и Тунис. Данная регионально-культурно-географическая классификация была сформулирована выдающимся израильским кодикологом проф. М. Бейт-Арие (Beit-Arié 1981: 17).

¹¹ Хафтарот (ивр. חַפְּטָרוֹת) — отрывки из книг Пророков, читаемые в синагогах по субботам после чтения недельного раздела Торы.

¹² Текст Пятикнижия, разбитый на разделы, читается в течение всего года, а пять книг из раздела Агиографы читаются в определенные праздники и посты: Песнь Песней — в субботу, выпадающую на дни празднования Пасхи (15–21/22 нисана); Руфь — в Шавуот (6–7 сивана); Плач Иеремии — в пост 9-го ава; Екклесиаст — в субботу, выпадающую на дни праздника Суккот (15–21 тишре), и Есфирь — в праздник Пурим (14 адара). Тексты этих книг, предназначенные для публичного чтения, переписывались в виде отдельных свитков. Отсюда происходит их традиционное название — «пять свитков».

¹³ Хранение: UK Oxford Bodleian Lib. MS. Can. Or. 77 (Neubauer 1886–1906: no. 51).

2. Комментарий на комментарий Авраама Ибн Эзры на Пятикнижие. Пенафиел (Penafiel, ивр. פינאי פנאי): Шеломо Хайит (ивр. שלמה חייט), 1449. Лист 251 verso: «השם הקץ יזכני לעשות ספרים אחרים כמאמר שמי ועשות ספרים הרבה אין קץ (Господь да сподобит меня изготовлять другие книги, как сказано от имени тезки моего¹⁴, и изготовлять бесконечное множество книг)¹⁵».

3. [Кенникоттская Библия¹⁶] Biblia Hebraica с большой и малой масорой¹⁷, вокализацией и акцентами и сочинением Давида Кимхи (ивр. דוד קמחי) «Сефер михлол»¹⁸ («Книга совершенства», ивр. ספר מכלול). Ла Корунья (La Coruña, ивр. לה קרוניא), переписчик: Моше бен Яаков Ибн Забара (ивр. משה ב"ר יעקב ו' זברה), иллюминатор: Иосеф Ибн Хайим (ивр. יוסף ו' חיים), заказчик: Дон Шеломо ди Брага (ивр. דון שלמה די בראגה), 1476. Лист 438 recto:

«ויגיעהו לעשות ספרים הרבה כדי לקים ויותר מהמה בני הזהר עשות ספרים הרבה אין קץ»

(«И доведет его [до возможности] приобретать множество книг, дабы осуществить [сказанное в Писании]: „И того, что помимо этого, сын мой, остерегайся. Изготавливать множество книг — конца не будет“»¹⁹).

4. Biblia Hebraica. Алмазан(?) (ивр. אלמקסם), тот же переписчик, заказчик: Дон Барзилай ибн [...] (ивр. דון ברזילי ו'), 1477. Лист 354 recto:

«ויגיעהו לעשות ספרים הרבה כדי לקים ויותר מהמה בני הזהר עשות ספרים הרבה אין קץ. אמן, כן יעשה יי'»

(«И доведет его [до возможности] приобретать множество книг, дабы осуществить [сказанное в Писании]: „И того, что помимо этого, сын мой, остерегайся. Изготавливать множество книг — конца не будет“. Аминь. „И да сотворит Господь“»²⁰)²¹.

¹⁴ Имя переписчика и имя автора цитируемой библейской книги совпадают. В соответствии с иудейской традицией автором книги Екклесиаст является мудрейший царь Соломон (Шеломо).

¹⁵ Хранение: UK Oxford Bodleian Lib. MS. Mich. Add. 27 (Neubauer 1886–1906: no. 238).

¹⁶ Так называемая Кенникоттская Библия, или Библия Кенникотта. Названа в честь Бенджамина Кенникотта (Benjamin Kennicott; 1718–1783), английского гебраиста, каноника Церкви Христа в Оксфорде и библиеиста, который продолжил христианскую традицию изучения Еврейской Библии. Кенникотт приобрел этот манускрипт для Библиотеки Рэдклиффа (The Radcliffe Library), из которой он был передан в Бодлианскую библиотеку (The Bodleian Library) в 1872 г.

¹⁷ Масора (ивр. מסורה) — справочный аппарат к библейскому тексту, разработанный школами масоретов. В самых общих чертах его можно охарактеризовать как систему диакритических знаков вокализации текста и акцентов, объединяющих знаки препинания, ударения и кантилляции, а также как комплекс уточняющих примечаний к правильной фиксации библейского текста. Масора подразделяется на малую и большую.

¹⁸ Давид бен Иосеф Кимхи (1160?, Нарбонна — 1235?, там же; акроним: רד"ק, Радак) — грамматик и комментатор Библии. «Сефер михлол» — систематическое изложение грамматики иврита, основанное на работах предшественников. «Сефер михлол» и лексикон «Сефер ха-шорашим» («Книга корней» ивр. ספר שורשים), который неоднократно издавался в инкунабульный период, пользовались исключительной популярностью у еврейского читателя и в среде христианских гебраистов эпохи Ренессанса.

¹⁹ Хранение: Oxford Bodleian Lib. MS. Kennicott 1 (Neubauer 1886–1906: no. 2322).

²⁰ Втор. 3:21.

²¹ Хранение: Частная коллекция Джесельсона: MS Zurich, Jeselsohn 5.

Инкунабулы

5. Моше бен Нахман Геронди²². Перуш ха-Тора («Комментарий к Пятикнижию», ивр. פירוש על התורה). Лиссабон: Элиезер Толедано, 1489. Л. 298 recto: «... וצוה עשות וצוה ספירה» («И повелел он [печатник] изготовить бесчисленное множество книг»)²³.

6. Давид Абудархам²⁴. Перуш ха-берахот ве-ха-тефиллот (Комментарий к благословениям и молитвам, ивр. פירוש הברכות והתפלות). Лиссабон: Элиезер Толедано, 1490. Л. 170 recto: «ותאוהו להרבות בספרים אשר אין קץ למספרם» («И страстное желание его [печатника] бесконечно увеличивать [количество] книг в числе их»)²⁵.

7. (Biblia Hebraica). Ранние Пророки с переводом на араб. яз. и комментариями Давида Кимхи и Леви бен Гершома²⁶. Лейрия: Шемуэль Дорташ, 1494. Л. 260 verso, прямая цитата: «עשות ספרים הרבה אין קץ»²⁷.

Из всех приведенных выше примеров наиболее интересными являются примеры употребления данного стиха в колофонах выдающегося переписчика-каллиграфа Моше Ибн Забары (№ 3, 4). Сначала он просит у Всевышнего возможности для своих патронов (заказчиков рукописей) приобретать побольше книг. Эту просьбу Ибн Забара выражает своими словами с частичным использованием общего для всех переписчиков приема извлечения нужных слов из данного стиха, но дальше он как бы закрепляет свое обращение к ним цитированием полного текста этого полустушища: «И того, что помимо этого, сын мой, остерегайся. Изготавливать множество книг — конца не будет».

Моше Ибн Забара является одним из очень немногих средневековых переписчиков рукописей, биография которых хоть в какой-то степени известна. Нам понятно, что он был профессиональным писцом, и сегодня сохранились по крайней мере четыре рукописи, переписанные им в период с 1473 по 1477 г.²⁸. Три библейских рукописи переписаны Ибн Забарой с особой тщательностью и в наиболее полном объеме (т.е. с текстами масоры, вокализацией и акцентами). Он выступает не только в

²² Моше бен Нахман Геронди (1194, Жирона — 1270, Акко, акроним: רמב"ן, Рамбан) — комментатор Библии, философ, поэт и врач из Испании. Играл важную роль в общественной жизни еврейской общины. Прославился участием в диспуте об основах веры с супостатом Пабло Кристиани в 1263 г. в Барселоне. Был первым крупным раввинским авторитетом, переселившимся в Святую землю (1267). Его комментарий к Пятикнижию пользовался исключительной популярностью в Средние века.

²³ Колофон написан в виде квантитативного стихотворения с одной сквозной рифмой, ради которой было заменено последнее слово цитируемого текста (цит. по: Iakerson 2004–2005: 476).

²⁴ Давид Абудархам (XIV в., Севилья; ивр. דוד בן יוסף אבודרהם) — сефардский галахист, комментатор литургии. В своем комментарии к молитвам и благословениям Абудархам опирался как на кодифицированные иудейские источники, так и на местные обычаи и региональные литургические традиции.

²⁵ Цит. по (Iakerson 2004–2005: 482).

²⁶ Леви бен Гершом (1288, Баньоль-сюр-Сез, Франция — 1344, Перпиньян?, акроним: רלב"ג, Ралбаг) — философ, астроном, математик и экзегет. Философский комментарий Леви бен Гершома к различным книгам Еврейской Библии был очень популярен в среде еврейских гуманистов Италии и Франции и вызывал строгое осуждение в ортодоксальных кругах.

²⁷ Цит. по (Iakerson 2004–2005: 510).

²⁸ № 3, 4 в нашем списке; Пятикнижие с отрывками из книг пророков, sine loco et anno (хранение, шифр: MS London, British Library, Or. 2286 (Margoliouth 1899–1915: no. 87)); Сборник различных сочинений. Ла Корунья, 1473 (хранение, шифр: MS Zurich, Braginsky 226 (Penkower 2014: 18, no. 4)).

качестве копииста библейского текста, но и в качестве масорета (т.е. редактора), и это, безусловно, свидетельствует об исключительно высоком уровне его образованности. Уровень профессиональной ответственности Ибн Забары подтверждается, в частности, и тем, что он указывает, какая рукопись и какого писца служила ему образцом для копирования²⁹. Информация такого рода чрезвычайно редка в рукописях и всего один раз зафиксирована в инкунабулах. Говоря о писце Моше Ибн Забаре, следует отметить, что с большой долей вероятности его можно отождествить с его полным тезкой, выдающимся марокканским переписчиком священных свитков (софер, ивр. סופר) последней трети XV столетия, автором трактата о правилах переписки свитков «Меле'хет ха-софер» («Ремесло писца», ивр. מלאכת הסופר). Эту гипотезу подробно разбирает Биньямин Ричлер в своей статье (Richler 1992)³⁰.

В любом случае, нет сомнения в том, что Моше Ибн Забара прекрасно понимал библейские стихи, которые он использовал в колофоне. Но как он их интерпретировал? Возможно, Ибн Забара в своем толковании этого стиха отталкивался от характеристики ремесла писца (с использованием того же корня «זהר» — быть осторожным, остерегаться), которая дважды встречается в Вавилонском Талмуде:

... אמר לי, בני מה מלאכתך? אמרתי לו, לבלר אני. אמר לי, בני הוי זהיר במלאכתך, שמלאכתך מלאכת שמים היא, שמא אתה מחסר אות אחת או מיותר אות אחת נמצאת אתה מחריב את כל העולם כולו.

...он спросил меня: «Сын мой, каково твое ремесло?» Я ответил ему: «Писец я». Он сказал мне: «Сын мой, будь осторожен в ремесле своем, ибо ремесло твое божественное. Ведь если ты пропустишь одну букву или добавишь одну букву, то может оказаться, что этим ты разрушишь все мироздание»³¹.

В таком случае он мог посчитать, что Писание лишь предостерегает его от ошибок в переписке Священного текста. Не исключено, что Ибн Забара рассматривал этот стих в более широком контексте и объединял его с предшествующим в его колофонах библейским пассажем из книги Иисуса Навина (1:8):

ככתוב לא ימוש ספר התורה הזה מפיד והגית בו יומם ולילה למען תשמר לעשות ככל הכתוב בו וגו'

Перевод: «Ибо сказано: „Да не отдалится эта книга Закона от уст твоих, и будешь изучать ты ее денно и ночью, дабы исполнить все, что написано в ней, и так далее“». Исследователь масоры данных рукописей Ицхак Пенковер также обратил внимание на несоответствие прямого смысла цитируемого стиха и его использования Ибн Забарой и предположил, что интерпретация этого текста опиралась на экзегезу современника Ибн Забары Дона Ицхака Авраванеля³². Авраванель во введении к комментарию книги Пророка Иеремии писал: « יותר מהמה בני הזהר עשות ספרים הרבה וגומר, ואין הכוונה שיוהר

²⁹ В колофоне к рукописи 1477 г. (№ 4 в нашем списке) он указывает, что образцом для нее являлась Библия, переписанная знаменитым писцом XIII в. Исраэлем бен Ицхаком из Толедо, см. об этом подробно (Penkower 2014: 23).

³⁰ О Моше Ибн Забаре см. подробно (Roth 1952; Narkiss & Cohen-Mushlin 1985).

³¹ Вавилонский Талмуд. Трактат «'Эрувин» («Предел», ивр. עירובין) 13а и трактат «Сота» («Неверная жена», ивр. סוטה) 20а.

³² Дон Ицхак бен Иехуда Авраванель (1437, Лиссабон — 1508, Венеция) — государственный деятель, финансист, философ и экзегет. Его комментарии к книгам Больших Пророков отличались учетом особенностей исторического контекста пророчеств и характеристикой самих пророков как исторических личностей.

ממעשות אותם אלא שיזהר וישתדל לעשותם» («И того, что помимо этого, сын мой, остерегайся. Изготавливать множество книг и т.д. И смысл [этого] не в том, чтобы остерегаться изготавливать их, а в том, чтобы остерегаться [в значении, быть осторожным] и быть тщательным в их изготовлении»)³³.

Таким образом, можно отметить, что в колофонах, в контексте общего использования переписчиками и первопечатниками благопожеланий в виде библейских цитат или парафразов, обращает на себя внимание необычный прием, характерный именно для сефардских книжников, — частичное цитирование текста 12-го стиха 12-й главы книги Екклесиаста и сознательное придание ему противоположного значения. Первоначальный смысл этого стиха состоит в предупреждении о тщете попытки увеличить количество уже существующих книг и корректно переводится следующим образом: «И того, что помимо этого, сын мой, остерегайся. Изготавливать множество книг — конца не будет». В контексте дошедших до нас колофонов фрагменты этого стиха, вырванные из контекста, превращались в напутствие изготовителям книг или книгочехам «изготавливать/приобретать множество книг». В связи с использованием этого пассажа особый интерес представляют два колофона выдающегося каллиграфа Моше Ибн Забары, который, сохраняя целостность текста, тем не менее интерпретирует его в позитивном ключе, противоречащем библейскому оригиналу, но отвечающему его профессиональным нуждам.

Литература

- Дьяконов 1973 — Книга Екклесиаст (предание, перевод И. Дьяконова) // Поэзия и проза Древнего Востока. Т. 1 / Составители: М. Коростовцев, В. Афанасьева, И. Дьяконов, Вяч.Вс. Иванов, Б. Рифтин, П. Гринцер, И. Брагинский. М.: Художественная литература, 1973 (Библиотека всемирной литературы. Серия первая: Литература до XVIII века). С. 638–652.
- Дьяконов, Коган 1998 — *Ветхий Завет. Плач Иеремии. Екклесиаст. Песнь песней*. Перевод и комментарии И.М. Дьяконова, Л.Е. Когана при участии Л.В. Маневича. М.: РГГУ, 1998.
- Якерсон 2003 — *Якерсон С.М.* Еврейская средневековая книга. Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты. М.: РГГУ, 2003.
- Beit-Arié 1981 — *Beit-Arié Malachi*. Hebrew Codicology: Tentative Typology of Technical Practices Employed in Hebrew Dated Medieval Manuscripts. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1981.
- Iakerson 2004–2005 — *Iakerson Shimon*. Catalogue of Hebrew Incunabula from the Collection of the Library of the Jewish Theological Seminary of America. Vol. 2. New York; Jerusalem, 2004–2005.
- Margoliouth 1899–1915 — *Margoliouth G.* Catalogue of the Hebrew and Samaritan Manuscripts in the British Museum. Part I–III. London, 1899–1915. Reprint: London, 1965.
- Narkiss & Cohen-Mushlin 1985 — *The Kennicott Bible. A Facsimile with an Introduction by Bezalel Narkiss and Aliza Cohen-Mushlin*. London, 1985.
- Neubauer 1886–1906 — *Neubauer A.* Catalogue of the Hebrew Manuscripts in the Bodleian Library and in the College Libraries of Oxford. Vol. [I]–[II]. Oxford, 1886–1906.
- Penkower 2014 — *Penkower J.* Masorah and Text Criticism in the Early Modern Mediterranean. Moses Ibn Zabara and Menahem De Lonzano. Jerusalem, 2014.

³³ Цит. по (Penkower 2014: 22, note 16).

- Richler 1992 — *Richler B.* The Scribe Moses ben Jacob Ibn Zabara of Spain: A Moroccan Saint? // *Jewish Art*. Vol. 18. Sepharad. Jerusalem, 1992. P. 141–147.
- Roth 1952 — *Roth C.* A Masterpiece of Medieval Spanish Jewish Art: The Kennicott Bible // *Sefarad*. Vol. 12. (1952). P. 351–368.

References

- Beit-Arié Malachi. *Hebrew Codicology: Tentative Typology of Technical Practices Employed in Hebrew Dated Medieval Manuscripts*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1981 (in English).
- “Kniga Ekklesiast (predaniye, perevod I. D’iakonova)” [The Book of Ecclesiastes (Tradition, Translation by I. Diakonoff)]. In: *Poeziia i proza Drevnego Vostoka*. T. 1 [Poetry and Prose of the Ancient East. Vol. 1]. Compilers: M. Korostovtsev, V. Afanasyeva, I. Diakonoff, Vyach. Vs. Ivanov, B. Riftin, P. Grintser, I. Braginsky. Moscow, 1973 (Library of World Literature. Series 1: Literature before the 18th Century), pp. 638–652 (in Russian).
- Iakerson Shimon. *Catalogue of Hebrew Incunabula from the Collection of the Library of the Jewish Theological Seminary of America*. Vol. 2. New York–Jerusalem, 2004–2005 (in English).
- Iakerson S.M. *Evreiskaia srednevekovaia kniga: kodikologicheskie, paleographicheskie i knigovedcheskie aspekty* [The Hebrew Book in the Middle Ages: Codicological, Palaeographical and Bibliographical Aspects]. Moscow, 2003 (in Russian).
- Margoliouth G. *Catalogue of the Hebrew and Samaritan Manuscripts in the British Museum*. Part I–III. London, 1899–1915. Reprint: London, 1965 (in English).
- Neubauer A. *Catalogue of the Hebrew Manuscripts in the Bodleian Library and in the College Libraries of Oxford*. Vol. [I]–II. Oxford, 1886–1906 (in English).
- Penkower J. *Masorah and Text Criticism in the Early Modern Mediterranean. Moses Ibn Zabara and Menahem De Lonzano*. Jerusalem, 2014 (in English).
- Richler B. “The Scribe Moses ben Jacob Ibn Zabara of Spain: A Moroccan Saint?”. *Jewish Art*. Sepharad, vol. 18. Jerusalem, 1992, pp. 141–147 (in English).
- Roth C. “A Masterpiece of Medieval Spanish Jewish Art: The Kennicott Bible”. *Sefarad*, vol. 12, 1952, pp. 351–368 (in English).
- The Kennicott Bible. A Facsimile with an Introduction by Bezalel Narkiss and Aliza Cohen-Mushlin*. London, 1985 (in English).
- Vethii Zavet. *Plach Ieremii. Ekklesiast. Pesn pesnei. Perevod i kommentarii I.M. D’iakonova, L.E. Kogana pri uchastii L.V. Manevicha* [Old Testament. Lamentations. Ecclesiastes. Song of Songs. Translation and Commentary by I.M. Diakonoff, L.E. Kogan with participation of L.V. Manevich]. Moscow, 1998 (in Russian).

“Making Many Books...”

A Remark on the Characterization of Hebrew Scribes’ and Earliest Printers’ Practices

(Pis’mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 83–91)
Received 13.01.2020.

Shimon M. Iakerson

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation;
St. Petersburg State University; Universitetskaia naberezhnaia 7–9, St. Petersburg, 199034 Russian Federation.

Colophons of Hebrew manuscripts and incunabula, in addition to bibliographical information, contain, as a rule, various blessings or good wishes associated with the completion of work or the hope of its further continuation. The main source of these texts is, of course, the Hebrew Bible. This article is dedicated to the analysis of one of such good wishes, whose meaning in the context of colophons is diametrically opposite to its meaning in the original biblical text.

Key words: Hebrew Bible, Ecclesiastes, colophons, benedictions, manuscripts, incunabula, scribes, earliest printers, Sephardim.

About the author:

Shimon M. Iakerson, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS; Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University (shiakerson@yandex.ru).

Танские законы, ограничивавшие самоуправство в сфере военной деятельности

В.М. Рыбаков

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806220010070

Военная сфера деятельности является критически важной для государственного строительства во все времена. Самодеятельность средних и низших звеньев администрации в этой сфере всегда считалась опасной для государства и поэтому абсолютно недопустимой. В то же время государству неизбежно приходилось предоставлять этим звеньям какие-то возможности для немедленного реагирования в ситуациях, когда внешняя агрессия или внутренние мятежи начинали представлять угрозу для страны. Уголовное право традиционного Китая весьма умело и изощренно пыталось решить эту двудеиную задачу: пресечь неоправданное самоуправство и одновременно сделать ненаказуемой и даже обязательной оправданную инициативу. В данной статье на материале источников времен правления китайской династии Тан описан и проанализирован результат таких попыток.

Ключевые слова: традиционный Китай, государство и право, династия Тан, военное строительство, самоуправство местной администрации.

Статья поступила в редакцию 13.01.2020.

Рыбаков Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ouyangtsev@mail.ru).

© Рыбаков В.М., 2020

Неправомерные перемещения войск

Понятно, что самоуправство в военной сфере всегда и везде считается абсолютно недопустимым. Скажем, несанкционированная, предпринятая по инициативе и произволу местных гражданских властей или локального военного командования переброска войск неизбежно представляет собой по меньшей мере вызов государству, а то и чревата прямой угрозой для него. В любом цивилизационном ареале, при любом общественном строе законы любого государства стараются сделать всё, чтобы блокировать малейшую возможность подобных инцидентов.

В Китае времени правления династии Тан (618–907) приведение в движение сколько-нибудь крупных подразделений считалось вполне легитимным исключительно после получения соответствующих предписаний с самого верха центральной государственной администрации, если только не возникало каких-то форс-мажорных обстоятельств. Мобилизовать воинское подразделение численностью от 10 бойцов и более можно было лишь по предъявлении специальной верительной бирки на приведение войск в движение (*фабин фу* 發兵符).

Соответствующее общеобязательное установление (*лин* 令) гласит:

Всякий раз, когда отправляют (*чай* 差) войска от 10 бойцов и более, необходимы документ с Высочайшим распоряжением и медная [состоящая из двух частей бирка в форме] рыбы, при сверке составляемая воедино (*туньюй чиюу каньтун* 銅魚敕書勘同). [Только если части ее] сошлись, [войска] приводятся в движение (*чайфа* 差發). Если срочно потребовалось применение войск и по времени невозможно направить докладную записку (*чжунь чэн будэ цзоувэнь* 準程不得奏聞), разрешается приводить в движение [войска смотря по] ситуации (Ниида Нобору 1964: 371)¹.

В «Тан лю дянь» описывается процесс издания соответствующего документа. Когда возникала необходимость выдать для использования бирку в форме рыбы (*юйфу* 魚符), в Правительствующем надзоре (*шаньшуйшэн* 尚書省) составляли проект соответствующего Высочайшего распоряжения, затем Привратный надзор (*мэньсяшиэн* 門下省) отправлял его наверх докладом с просьбой вынести по нему решение (*цзоуцин* 奏請). Император же отвергал или утверждал проект. Во втором случае в один футляр с утвержденным мобилизационным распоряжением и соответствующей биркой помещалась некая «сводная запись» (*ляньсе* 連寫). В ней, вероятно, были обозначены причины и задачи мероприятия, а также база комплектования, откуда должен был взять потребные войска тот, кому вручались затем бирка и распоряжение, и численность отряжаемого контингента (Тан лю дянь. Цз. 8, разд. *фубаолан*).

Собственно, по закону даже произвольное перемещение менее чем десяти мобилизованных бойцов тоже было недопустимо, но каралось оно всего лишь как тяжелое неположенное действие (*бу ин дэ вэй* 不應得為)², т.е. — 80 ударами тяжелыми палками³. Закон, по сути, напоминал, что так поступать нельзя, и потому за подобную ини-

¹ Выражение *чжунь чэн будэ цзоувэнь* надо понимать в том смысле, что, согласно нормативам движения, исходя из времени, обычно отводящегося на путь (*чэн* 程), в том числе и особым нормативом, регулировавшим темп движения гонцов, докладная записка никак не поспевала бы достичь адресата ко времени, когда войска уже необходимо было вводить в действие. «Время, отведенное на путь, — согласно общеобязательным установлениям, при езде на лошади [полагается преодолевать] 70 *ли* в день, при езде на осле или при ходьбе пешком — 50 *ли*, при езде на повозке — 30 *ли*. Время, [отведенное на путь] по воде, [при движении] по Янцзы, или Хуанхэ, или другим рекам, вниз или вверх по течению, во всех случаях не одинаково. Кроме того, поскольку скорость при езде на повозке, на лошади и при ходьбе человека пешком не одинакова, [в ситуациях] совместного движения всегда [определяют] срок [прибытия], исходя из [скорости самого] медленного [средства передвижения]» (Тан люй шу и. Ст. 25 / Уголовные установления Тан 1999: 164). См. также (Ниида Нобору 1964: 602–603). Курьерам в зависимости от срочности дела предписывалось проезжать 4 почтовые станции в день (т.е. норматив суточного движения составлял 120 *ли*, или чуть более 67 км), а то и по 6 (т.е. по 180 *ли*, или несколько более 100 км) (Синь Тан шу 1975: 1196). Подробнее о курьерах см. (Рыбаков 2018: 380).

² Подробнее о неположенных действиях см. (Рыбаков 2018: 446).

³ Шкала наказаний в танском праве насчитывала пять качественных градаций строгости: битье легкими палками, битье тяжелыми палками, каторга, ссылка и смертная казнь. Те, в свою очередь, подразделялись

циативу полагалась острастка, но не более. Однако с момента, когда приведение войск в движение начинало требовать императорского приказа и соответствующей бирки⁴, самоуправство местных властей в этой сфере начинало считаться куда более тяжким преступлением.

Термином *фабин* 發兵 обозначались, надо полагать, постановка «под ружье» и отправка с места постоянной дислокации. Виновными в таком происшествии могли оказаться, как правило, два начальника: гражданский администратор того или иного уровня, который отдал письменный приказ о мобилизации и тем самым инициировал тревогу и переброску войск, и военный администратор той или иной воинской группировки, который по получении этого приказа действительно сформировал из вверенных ему сил тот или иной отряд, вооружил и снабдил его и отправил в поход. Во всяком случае, соответствующая статья уголовного кодекса династии Тан «Тан люй шу и» исходит именно из такой структуры подчинения и такой последовательности действий. Первые начальники вообще никак конкретно не обозначены, но, очевидно, к ним относились прежде всего полномочные местные руководители, главы тех или иных административных единиц, скажем, начальники уездов, округов, губернаторы, а возможно, и высший комсостав. Военные начальники описательно названы *чэжибин чжэ* 執兵者, т.е. «те, кто непосредственно руководит войсками», «держит их в руках». Именно к первым из этой пары, к тем, кто отдал изначальный приказ, и относится, собственно, термин *фабин*. О военном же начальстве говорится *цзюй* 給與, т.е. «предоставил», «выделил», «отрядил». Первые ставили задачу, вторые обеспечивали силы и средства для ее выполнения.

Конечно, танские законодатели вполне отдавали себе отчет в том, что потребность в применении войск может возникнуть не только по воле столичных органов военного планирования и не только с Высочайшего дозволения. Инициатива начала военных действий вполне могла принадлежать тому или иному реальному и опасному противнику, и тогда откладывать ответные действия до получения каких-то приказов из столицы было бы недопустимо и даже преступно. Стало быть, законодателям приходилось пытаться как-то решить разом две, в общем-то, не очень совмещающиеся, а порой и взаимоисключающие задачи: ограничить инициативу местного начальства и в то же время дать ему возможность своевременно реагировать на внезапные угрозы. Поэтому однозначный запрет на самоуправное *фабин* снабжен в уголовном кодексе многочисленными, многоступенчатыми оговорками. Из них, собственно, только и можно представить себе в деталях сложную процедуру надлежащего начальственного поведения, зажатого в узкую щель между преступным самоуправством и преступным бездействием.

Во-первых, даже если войска действительно требовались и их отправка была закономерной реакцией на какие-то грозные события или обоснованные опасения, начальник, имевший намерение привести их в движение, должен был сначала запросить центр и дожидаться получения оттуда соответствующего разрешения.

Во-вторых, тот командир, которому был направлен приказ о выделении войск, по его получении тоже должен был запросить центр и дожидаться разрешения.

на 20 степеней: 10, 20, 30, 40 и 50 ударов легкими палками; 60, 70, 80, 90 и 100 ударов тяжелыми палками; 1, 1,5, 2, 2,5 и 3 года каторжных работ; пожизненная ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, удушение и обезглавливание.

⁴ О бирках на приведение войск в движение (*фабин фу* 發兵符) и прочих см. (Рыбаков 2018: 233).

В-третьих, только если возникшая угроза была очевидной, бесспорной и требовала срочного реагирования, можно было сначала поднять войска, а уж потом уведомить о происходящем центр.

Поэтому в соответствующей уголовной статье «Тан луй шу и» об инициаторе операции говорится:

Имеется в виду, что самоуправно привел войска в движение (*чжэ фабин* 輒發兵), когда не было ни тревоги, ни срочной необходимости (*цзинци* 警急), и к тому же не сообщив сначала наверх (*бу сянь яньшан* 不先言上). Если хотя бы и сообщил наверх, но не дождался ответа (*бу дай бао* 不待報), [действия] также рассматриваются как самовластные (Тан луй шу и. Ст. 224 / Уголовные установления Тан 2001: 241).

И о получившем от этого инициатора приказ армейском офицере:

Хотя бы и имел место официальный документ о приведении войск в движение (*фабин вэньшу* 發兵文書), тот, кто распоряжается войсками (*чжибин чжэ* 執兵者), не должен их выделять (*ци* 給). Ему также необходимо сначала сообщить наверх, дождаться ответа, и только после этого выделять [войска] (Тан луй шу и. Ст. 224 / Уголовные установления Тан 2001: 242).

А о разрешении нарушить закономерную очередность действий и сначала принять надлежащие меры, а уж потом уведомить центр говорится следующее:

Если разбойники, неожиданно появившись, вошли в пределы [страны] и хотят штурмовать [какой-либо укрепленный населенный пункт] либо нанести внезапный удар [по какому-либо объектам], или внутри страны в укрепленном городе либо военном поселении, где собраны пехота и конница, произошли Восстание против либо Измена (*фань пань* 反叛)⁵, или же внешние злодеи, подстрекая, рыщут [вблизи границ] (*цзысян фаньдун* 自相翻动), а им [кто-либо] откликается изнутри государства, при делах, подобных этим, срочно требуются войска. Тогда можно отправлять [войска] сообразно обстоятельствам (*дабянь* 得便). Имеется в виду, что сообразно обстоятельствам разрешается отправлять войска, не сообщая наверх сначала и не дожидаясь ответа... Во всех случаях сразу затем сообщают наверх. Всегда имеется в виду, что там, где возникла срочная необходимость во вмешательстве войск, не обязательно сообщать наверх сначала (Тан луй шу и. Ст. 224 / Уголовные установления Тан 2001: 243).

Таким образом, чтобы приведение войск в движение без иницирующего это мероприятие приказа центра могло быть квалифицировано как самоуправное и, следовательно, преступное, ставились следующие условия: во-первых, немедленного экстренного силового реагирования обстановка не требовала; во-вторых, если у местной администрации имелись оправданные опасения и войска могли вот-вот и впрямь понадобиться, разрешение на их мобилизацию и применение не было вовремя испрошено у центра; в-третьих, если обстановка требовала срочного применения войск и надлежащие действия и впрямь были оправданно предприняты, центр не был поставлен об этом в известность хотя бы задним числом.

⁵ Здесь, очевидно, имеются в виду действия, квалифицируемые как первое или третье из перечня самых страшных, прямо антигосударственных либо вопиюще аморальных преступлений, так называемых Десяти зол: Умысел Восстания против (*моу фань* 謀反) и Умысел Измены (*моу пань* 謀叛). Подробнее см. (Рыбаков 2013: 103).

Кроме того, вводилось еще одно условие.

[В ситуациях с] беглыми, ворами или злодеями, когда соразмерно [их числу] посылают достаточное количество людей для их поимки (*цюаньчай жэньфу цзу и чжуйбу* 權差人夫足以追捕), данное уголовное установление не применяется... Имеется в виду, что, если это не военизированные разбойники (*бинкоу* 兵寇), а всего лишь беглые, либо воры или злодеи, местным официальным учреждениям (*соцзай гуаньфу* 所在官府) можно соразмерно [их числу] посылать достаточное количество людей для их поимки. Это не подпадает под [действие] нормы о самовластном приведении войск в движение (Тан люй шу и. Ст. 224 / Уголовные установления Тан 2001: 244).

Стало быть, противник, требующий реакции со стороны именно регулярной армии, должен был являться непременно *бинкоу*, т.е., если понимать буквально — «солдатами-разбойниками». Под это определение однозначно попадают иностранные неприятельские войска, а также, насколько я понимаю, свои же взбунтовавшиеся армейские части либо, так сказать, организованные бандформирования. В данном же случае, судя еще и по тому, что применительно к своим силам не употреблен термин *бин* 兵, а сказано просто *жэньфу* 人夫, т.е. «совершеннолетние тяглые мужчины из местного населения», явно имеется в виду, что для поимки обычных уголовников, пусть и сколь угодно многочисленных, применялись не регулярные части, а лишь местные мужчины призывного возраста, наверняка военнообязанные⁶, возможно, состоящие в местных дружинах ополчения (*чжэчунфу* 折衝府), но в настоящий момент в армии не служащие. По организации и вооружению они, конечно, принципиально уступали кадровым войскам. Поэтому и санкции центра на их мобилизацию и применение не требовалось, и наказания за их применение по инициативе местной администрации не предусматривалось.

Итак, если в ситуации, когда не было ни тревоги, ни срочной необходимости, и к тому же не запросив сначала разрешения центра и не дождавшись его положительного решения, некий местный начальник отдал письменный приказ о приведении войска в движение, он был однозначно виновен в военном самоуправстве. Тяжесть полагавшегося ему наказания целиком зависела от того, насколько крупный воинский контингент он попытался задействовать. Как уже упоминалось, если не было полного десятка бойцов, наказание равнялось лишь 80 ударам тяжелыми палками. За мобилизацию 10 бойцов и более (вплоть до 99) администратору грозил 1 год каторги. За полную сотню — 1,5 года каторги. И затем за каждые последующие 100 бойцов наказание следовало увеличивать на 1 степень. Таким образом, если в приказе фигурировал отряд численностью в 700 бойцов и более, наказание достигало ссылки на 3000 *ли*. Если же преступный администратор попытался поднять 1000 бойцов и более, его карали удушением.

Виновным администратор считался с того момента, как отдал письменный приказ. Совершенно не обязательно было, чтобы этот приказ уже начал осуществляться.

Достаточно того только, чтобы письменному документу был дан ход — и [виновный] уже подлежит ответственности (*вэньшу шисин цзи цзо* 文書施行即坐). Не обязательно, чтобы [документ уже] был получен в войсках (*дэ бин* 得兵) (Тан люй шу и. Ст. 224 / Уголовные установления Тан 2001: 241).

⁶ «Все люди с 20 лет становятся военнообязанными (*вэй бин* 為兵), а в 60 лет избавляются [от воинской повинности]» (Синь Тан шу 1975: 1325).

Армейский начальник, который, вместо того чтобы запросить руководство и дожидаться его ответа, сразу подчинился приказу администратора и велел поднимать вверенные ему части, должен был быть наказан соответственно численности отряженных им войск на 1 степень легче, чем инициатор самоуправства. Таким образом, он как бы квалифицировался в качестве соучастника преступления, тогда как его инициатор, согласно обычным принципам танского права, фактически получал статус главаря⁷. То есть предельным наказанием для военного в этой ситуации была ссылка на 3000 *ли*, а смертная казнь ему, как всего лишь исполнившему приказ начальства, не грозила.

Ответственность военного наступала опять-таки с момента отдания приказа. Вовсе не обязательно было, чтобы приказ успел возыметь какое-то действие.

Если же обстановка объективно потребовала срочного применения военной силы, закон разрешал сделать это без уведомления центра, но он же требовал немедленно уведомить центр о происходящем и о предпринятых действиях сразу после того, как эти действия были осуществлены. Если этого не делалось, т.е. если тревога была оправданной, отправка войск — необходимой, но центр не был проинформирован об этом хотя бы задним числом, и администратор, и военный командир считались всего лишь на 1 степень менее виновными, чем если бы совершили неоправданное самоуправство.

Следовательно, виновному в нарушении порядка служебного информационного обмена администратору наказание уменьшалось на 1 степень от полагавшегося бы ему за реальное самоуправство. То есть если им был отдан правомерный приказ о переброске 10 человек — не 1 год каторги, а 100 ударов тяжелыми палками, и так далее, вплоть до ссылки на 3000 *ли* за отправку на перехват противника 1000 бойцов и более.

Военному начальнику в той же ситуации, если он отрядил войска согласно правомерному приказу, но не сообщил об этом центральному руководству, наказание уменьшалось на 1 степень относительно того, что полагалось бы ему за исполнение преступного, неоправданного приказа. То есть при численности отправленных бойцов от 10 до 99 — 90 ударов тяжелыми палками, и далее вплоть до 3 лет каторги⁸ при численности в 1000 бойцов и более.

И всё это — лишь за то, что центр не был задним числом поставлен в известность о том, что в силу необходимости пришлось поднять то или иное количество войск.

Как это часто бывало в танских законах, предусматривались и зеркальные коллизии.

Ведь злокозненность гражданских администраторов и военных начальников могла проявиться не только в несанкционированном применении военной силы или в ее применении вразрез с требованиями устава, но и наоборот — в неприменении, когда ситуация этого требовала.

Если вдруг происходило вражеское вторжение или становилась взрывоопасной обстановка внутри, тот руководитель оказавшейся в угрожаемом положении административной единицы, кто не отдал немедленно, не дожидаясь никаких распоряжений

⁷ «Всякий раз, когда преступление совершается совместно, тот, кто подал мысль, рассматривается как главарь (*шюу* 首). Последовавшим за ним соучастникам (*суйцун чжэ* 隨從者) наказание уменьшается на 1 степень» (Тан луй шу и. Ст. 42 / Уголовные установления Тан 1999: 237–238).

⁸ «...Наказание смертью, [подразделенное] на 2 [разновидности], и наказание ссылкой, [подразделенное] на 3 [разновидности], при уменьшении сводятся в 1 степень каждое» (Тан луй шу и. Ст. 56 / Уголовные установления Тан 1999: 284).

сверху, приказа о приведении войск в движение, подлежал такому же наказанию, как если бы отдал такой приказ, когда обстановка этого не требовала. А строгость наказания находилась ровно в той же зависимости от численности бойцов, потребных для противодействия возникшей опасности, но не отправленных вовремя. Надо было срочно мобилизовать 10 бойцов для противодействия реально уже появившемуся внешнему или внутреннему врагу, но их не мобилизовали — виновному администратору 1 год каторги, и так далее вплоть до удушения.

То есть наказания администратору за «не надо было посылать, но послал» и за «надо было послать, но не послал» высчитывались совершенно одинаково.

Определение же виновности военного начальника в ситуации «надо было послать, но не послал» несколько видоизменялось.

Юридическая гипотеза о несанкционированной попытке применения войск исходила из того, что инициатива принадлежит администратору, а военный командир лишь бездумно выполнил приказ. Ситуация, когда администратор был, как говорится, «не при делах», а инициатива принадлежала непосредственно военному начальнику, просто не рассматривалась. Нам трудно судить сейчас, насколько она была вообще вероятна. Надо полагать, что, если такое случилось бы и войска попытался поднять непосредственно войсковой офицер, он отвечал бы по всей строгости как главарь, т.е. вплоть до удушения (если поднятый «в ружье» контингент составил бы 1000 бойцов и более), а начальник данной административной единицы оказался бы исключен из цепочки виновных или, на крайний случай, был бы привлечен лишь по общеслужебной ответственности за недогляд, за плохой контроль⁹.

Однако в ситуации, когда применение военной силы было оправданно, дополнительная опасность заключалась в том, что прохождение своевременного отданного надлежащего приказа могло быть прервано на любом из уровней, в любой из инстанций.

Если в экстренной ситуации гражданский администратор отдал правильный приказ и военный начальник его выполнил, а при этом оба затем своевременно отработали о своих действиях наверх, тут и говорить было не о чем, ибо служба шла, как надлежало.

Если ситуация потребовала применения военной силы, а начальник административной единицы не отдал надлежащего приказа, то он был виноват так же, как если бы отдал приказ «в ружье», когда ситуация этого не требовала. Но военный начальник, если администратор не отдал нужного приказа, не мог быть привлечен как соучастник; он ни в чем не соучаствовал, ему вообще нечего было инкриминировать. Собственной положительной инициативой он как бы не обладал. Поэтому он выпадал из рассмотрения.

Однако вероятность отрицательной инициативы за ним признавалась. Ведь могло случиться так, что администратор отдал своевременный приказ, а военный начальник этот приказ не выполнил. Тогда уже администратор ни в чем не был повинен и, соответственно, выпадал из рассмотрения, а вот военный командир считался главарем, виновником срыва необходимых действий. И отвечал как главарь. Если приказ администратора предписывал выделить для срочного противодействия врагу 10 бойцов, а военный начальник этого не сделал, он подлежал наказанию 1 годом каторги. Если в приказе, полученном и не выполненном военным начальником, говорилось о 100 бойцах, этот военный подлежал наказанию 1,5 годами каторги. И так далее

⁹ Относительно общеслужебной ответственности см. (Рыбаков 2013: 180).

вплоть до удушения, если численность необходимого, вовремя затребованного, но не отправленного контингента достигала или превышала 1000 человек.

В «Тан люй шу и» об этих коллизиях говорится так:

Если только вдруг возникает возможность броситься на врага и срочно требуется пехота и конница, тот, кто сразу не отправил [войска], или, хотя бы [администратор и] отправил, тот, кто сразу не выделил их, в соответствии с потребным количеством людей в обоих этих случаях наказываются так же, как за самовластное приведение войск в движение. Имеется в виду, что если требовалось 10 бойцов или более, тот, кто сразу их не отправил или сразу не выделил, тот ли, другой ли (各 各) наказываются 1 годом каторги. При 100 бойцах тот ли, другой ли наказываются 1,5 годами каторги. За каждые последующие 100 бойцов наказание увеличивается на 1 степень. При 1000 бойцов тот ли, этот ли наказываются удушением. Тот же, кто сразу затем не сообщил наверх, — имеется в виду, что в случаях тревоги или срочной необходимости в военных делах разрешается сначала отправлять и выделять [войска], но и в том и в другом случае сразу затем сообщать наверх. Тот же, кто сразу затем не сообщил наверх, получает наказание соответственно количеству приведенных в движение бойцов с уменьшением на 1 степень (Тан люй шу и. Ст. 224 / Уголовные установления Тан 2001: 244).

Отчетливо видно, как тщательно и скрупулезно старались танские законодатели пройти «срединным путем» между объективно оправданной необходимостью ограничить военное самоуправство местных администраторов и командиров, с одной стороны, и, с другой — столь же объективно оправданной необходимостью предоставить им максимально возможную инициативу на случаи, когда экстренное применение военной силы действительно требовалось для защиты территории и населения. Подобные задачи сродни квадратуре круга, и успешность их решения зависит, конечно, от проработанности уголовных законов, но не в первую очередь. В конечном счете именно здесь определяющую роль играют добросовестность и положительная мотивированность членов начальствующей иерархии. Впрочем, как и всегда. Просто, когда речь начинает идти о жизнях людей и безопасности страны, это становится особенно наглядно.

Неправомерные реквизиции

Аналогичные задачи приходилось решать и в сфере ограничения возможности самоуправствовать не над личным составом, а над армейским имуществом, и тем более — над имуществом частным, с помощью которого в случаях экстренной необходимости полагалось восполнять казенные недостатки.

Казенное имущество — здесь имеется в виду, конечно, в первую очередь вооружение и амуниция — хранилось на складах и распределялось в войсках централизованным порядком на основании соответствующих регламентов. В частности, если обстановка требовала, его можно было брать со складов и распределять в войсках без уведомления вышестоящей инстанции.

Однако порой для армейских нужд необходимы были некие реквизиции у местного гражданского населения. О том, что за имущество имеется в виду и как именно оно взималось и затем распределялось в войсках, никаких уточнений в танском уголовном кодексе нет — видимо, для должностных лиц это были реалии очевидные, понятные сразу. Указано лишь, что речь идет именно о реквизициях из частных хозяйств:

...Это... относится к предоставлению для армейских надобностей (*цзи цзюньюн* 給軍用) из частных рук (*цун сы чу* 從私出)... Если полагается использовать казенные вещи, на это есть обычные внутриведомственные установления (*чанши* 常式)¹⁰. Здесь рассматривается то, что исходит из частных хозяйств (*чу сыцзя* 出私家) (Тан люй шу и. Ст. 225 / Уголовные установления Тан 2001: 245).

В принципе можно себе представить, что речь в первую очередь идет о продовольствии, фураже, стройматериалах, каких-то простых припасах, возможно — о рабочей скотине.

На пути неправомерных реквизиций у гражданского населения исполненное конфуцианской «заботы о народе» танское право ставило куда более серьезные процедурные преграды, нежели на пути неправомерных раздач военного имущества с казенных складов. Причем, как и применительно к мобилизации, закон предусматривал здесь три возможных варианта развития событий.

Когда возникала необходимость что-либо реквизировать (*дяофа* 調發) у частных владельцев для армии и затем распределить (*цзюй* 給與) реквизированное в войсках, тот, кто отдавал приказ о реквизиции, должен был сначала запросить разрешения центра и дожидаться положительного ответа. Если запрос не был отправлен или если положительного ответа на него не дождался, действия администратора признавались самоуправством и подлежали наказанию. Инициатор реквизиции должен был быть наказан 1 годом каторги вне зависимости от объема реквизиции и стоимости реквизируемых предметов.

Тот военный чиновник, который затем распределил полученное имущество среди личного состава, если он знал о том, что реквизиция была проведена без запроса и разрешения свыше, опять-таки фактически считался как бы сообщником инициатора преступления и должен был быть наказан на 1 степень легче инициатора (главаря), т.е. 100 ударами тяжелыми палками. Относительно ситуации, когда такой служащий не знал бы о незаконности реквизиции, упоминаний нет. Возможно, творцы танского уголовного кодекса полагали такое положение невозможным — или, скорее наоборот, решение очевидным: тот, кто не знал о незаконности того или иного действия, наказанию обычно не подлежал.

Если обстановка требовала экстренных мер и запросить вышестоящие инстанции не оставалось времени, то можно и даже должно было провести реквизицию и распределение полученного имущества без заблаговременного уведомления начальства. А если этого не делалось, виновных надлежало наказать ровно так же, как если бы экстренной необходимости не было, а они провели реквизицию и распределение самоуправно. То есть и тот администратор, который должен был инициировать реквизицию, но не сделал этого, и тот чиновник, который должен был распределить в войсках уже полученное в результате проведенной реквизиции имущество, но не сделал этого, подлежали наказанию 1 годом каторги.

Но даже в чрезвычайной ситуации по завершении разрешенного законом изъятия частного имущества и его распределения в войсках все же следовало незамедлитель-

¹⁰ Упоминание о внутриведомственных установлениях означает, помимо прочего, и то, что в случаях неправомерных действий в отношении этого казенного имущества, в ходе которых хотя и были нарушены те или иные предписания *ши* 式, но уголовным правом за такие нарушения карательных мер не предусматривалось, виновным полагалось наказание, назначенное законом за нарушения *ши* как таковые, т.е. 40 ударов легкими палками (Тан люй шу и. Ст. 449 / Уголовные установления Тан 2008: 112).

но уведомить о проведенном мероприятии вышестоящую инстанцию. Если такого донесения не отправляли, нарушители должны были быть наказаны на 1 степень легче, чем за самоуправство. То есть и инициатор реквизиции, и тот, кто распределял реквизированное среди бойцов, должны были быть наказаны 100 ударами тяжелыми палками.

Относительно обязанности того, кто распределял имущество, запрашивать или уведомлять вышестоящие инстанции, остается неясность.

Применительно к переброске войск предписания однозначны — и инициатор ее должен был либо сначала, либо хотя бы задним числом уведомить центр, и военный чиновник, отрядивший войска для акции, должен был делать то же самое. Однако здесь о наказании чиновника, распределявшего имущество без отправления запроса наверх, говорится лишь применительно к ситуации, когда обстановка была чрезвычайной, реквизиция была проведена без разрешения свыше, но задним числом рапорт не был отправлен.

Относительно ситуации, когда реквизиция проводилась не экстренным порядком, говорится:

Здесь рассматривается то, что исходит из частных хозяйств. Поэтому необходимо сначала сообщить наверх и дожидаться ответа. Нарушивший это наказывается 1 годом каторги. Тот, кто распределил, зная, что сначала не сообщили наверх или хотя бы и сообщили, но не дождались ответа (*жо чжи бу сянь янь шан суй янь шан бу дай бао цзи цзюй чжэ* 若知不先言上雖言上不待報即給與者), получает наказание, уменьшенное на 1 степень. Должно наказать его 100 ударами тяжелыми палками (Тан люй шу и. Ст. 225 / Уголовные установления Тан 2001: 245).

То есть преступление того, кто распределял, состоит в том, что он сделал это, зная, что его начальник, который отдал приказ о реквизиции, не получил на это разрешения свыше. Самому распределявшему имущество чиновнику такое разрешение получать, судя по этой фразе, было не нужно.

А вот относительно ситуации, когда реквизиция и распределение были проведены экстренно и, следовательно, правомерно, однако задним числом не был послан рапорт вышестоящему начальству, сказано:

Тот, кто сразу не отправил или сразу не распределил (*бу дяофа цзи бу цзюй чжэ* 不調發及不給與者), также наказывается 1 годом каторги. Тот, кто сразу затем не сообщил наверх, и в том и в другом случае получает наказание, уменьшенное на 1 степень (*бу цзи янь шан чжэ гэ цзянь и дэн* 不即言上者各減一等)... Если сразу затем не сообщили наверх, и в том и в другом случае наказание уменьшается на 1 степень. Всех [виновных в этом] должно наказать 100 ударами тяжелыми палками (*цзюй хэ чжан и бай* 俱合杖一百) (Тан люй шу и. Ст. 225 / Уголовные установления Тан 2001: 245–246).

Здесь дело выглядит так, что и инициатор экстренной реквизиции, и тот, кто затем распределял реквизированное среди личного состава, оба должны были задним числом рапортовать наверх о срочно проведенной под давлением непреодолимых обстоятельств акции, причем каждый в свой черёд: инициатор — после того как реквизиция была проведена, распределяющий — после того как реквизированное было роздано.

Притом что в ситуациях с передвижением войск рапортовать наверх в любом случае должны были оба члена цепочки подчинения, а ситуации с реквизициями выглядят вполне изоморфными ситуациям с мобилизациями, можно предположить, что и распределявший реквизированное чиновник должен был то ли перед раздачей, то ли, если ситуация была чрезвычайной, после нее уведомлять начальство. Но вместе с тем раздача реквизированного имущества в войска по сравнению с перемещением самих войск является столь безобидным мероприятием, что вполне вероятным выглядит и предположение, согласно которому распределяющий чиновник и впрямь обязан был информировать начальство об уже произведенных им действиях только в экстренной ситуации и, значит, только задним числом. А если он распределял реквизированное в ситуации обыденной, то не обязан был перед раздачей имущества уведомлять центр и получать на такую раздачу разрешение. У начальства, вероятно, и без того хватало дел, чтобы каждую раздачу уже реквизированного разрешать отдельно. Поэтому при отсутствии чрезвычайных обстоятельств некая виновность распределяющего возникала, лишь если он знал, что разрешение на самой реквизицию не было получено, и тем не менее распределение все же осуществил. В этом и состояла криминальность его действий, и тут он и впрямь был просто соучастником инициатора, не получившего разрешения начальства на реквизицию.

Неправомерная выдача вооружения

Боевое оружие и военное снаряжение хранились в соответствующих арсеналах. В «Синь Тан шу» говорится:

Доспехи и вооружение хранились на казенных складах. При отправке в поход их выдавали тем, кто выступает. Тем, кто заступал в дежурную смену гвардейской стражи, выдавали только лук, стрелы и боевые поясные мечи (Синь Тан шу 1975: 1325)¹¹.

Это же относилось и к оружию церемониальному, которое использовалось либо лишь во время проведения ритуалов, либо постоянно, но в качестве декоративных предметов.

Подобные вещи выдавались из хранилищ только в строго определенных обстоятельствах и только тем, кому было предписано в ближайшее время участвовать в боевых действиях либо в осуществлении церемоний. Сама же выдача производилась лишь по предъявлению тем чиновником, кто затребовал тот или иной предмет, разрешающего и удостоверяющего его полномочия документа. Самовольная выдача или выдача без достаточных оснований каралась. Это было вполне логично — ни церемониальные предметы, ни тем более боевое оружие не должны были попасть в руки тех, кто мог использовать их не по назначению, не в государственных интересах.

За самоуправную выдачу боевого оружия и военного снаряжения (*жунчжан бинци* 戎仗兵器) без получения общественного документа (*фэй дэ гунвэнь* 非得公文) непосредственно ответственные лица (*чжусы* 主司) наказываются 2 годами каторги. Непосредственно ответственные лица — имеются в виду те, кто принимает решение и под-

¹¹ Подробнее см. (Рыбаков 2009: 229, 392, 411).

писывает [документ] (*паньшу* 判署) (Тан люй шу и. Ст. 238 / Уголовные установления Тан 2001: 270).

Если затребовавший боевое оружие чиновник предъявил верительный документ и соответствующую составную бирку, но выдающий оружие служащий удовлетворился их наличием и не проверил бирку, т.е. не удостоверился, что части бирки при составлении подходят одна к другой, за выдачу боевого оружия его наказывали 100 ударами тяжелыми палками.

Церемониальное оружие (*ичжан* 儀仗) выдавалось, например, почетному эскорту крупных сановников по случаям радости (скажем, бракосочетания) или горя (скажем, траура), а также, например, алебардистам почетного караула (*чжицзи* 執戟), на постоянной основе посменно дежурящим у ворот дворцов, административных зданий или личных апартаментов высокопоставленных лиц.

Его несанкционированное применение не несло в себе таких угроз и опасностей, как несанкционированное применение боевого. Поэтому за его незаконную выдачу наказывали легче. За самоуправство полагалось наказание, уменьшенное на 3 степени относительно самоуправления в отношении оружия боевого. То есть за выдачу церемониального оружия без документа полагалось 100 ударов тяжелыми палками. За выдачу при наличии документа, но без проверки бирки надлежало наказывать 70 ударами тяжелыми палками.

Литература

- Рыбаков 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура. СПб., 2009.
- Рыбаков 2013 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.
- Рыбаков 2018 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Т. 3. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018.
- Уголовные установления Тан 1999 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
- Уголовные установления Тан 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
- Ниида Нобору 1964 — *Ниида Нобору* 仁井田陞. То ре сю и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.
- Синь Тан шу 1975 — Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин, 1975.
- Тан лю дян — Тан лю дян 唐六典 (Шесть уложений Тан). [Электронный ресурс]. URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm.
- Тан люй шу и — Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Шанхай, 1936–1939 (Цуншу цзичэн 叢書集成 (Библиотека-серия). Т. 775–780).

References

- Niida Noboru 仁井田陞. *To re siu i* 唐令拾遺 [A Collection of the T'ang Dynasty Regulations]. Tokio, 1964 (in Japanese, Chinese).
- Rybakov V.M. *Tanskaia biurokратиia. Chast' 1: Genezis i struktura* [The T'ang Bureaucracy. Part 1: Genesis and Structure]. St. Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2009 (in Russian).

- Rybakov V.M. *Tanskaia biurokratiia. Chast' 2: Genezis i struktura* [The T'ang Bureaucracy. Part 2: Genesis and Structure]. Vol. 1. St. Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2009 (in Russian).
- Rybakov V.M. *Tanskaia biurokratiia. Chast' 2: Pravovoye samoregulirovaniye* [The T'ang Bureaucracy. Part 2: Legal Self-regulation.]. Vol. 2. St. Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2018 (in Russian).
- Sin' Tan shu* 新唐書 [A New History of the Tang Dynasty], t. 1–20. Pekin, 1975 (in Chinese).
- Tan liu dian'* 唐六典 [Six Codes of the Tang Dynasty]. URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm (in Chinese).
- Tan liui shu i* 唐律疏議 [Tang Dynasty Criminal Code with Explanations]. C'ongshu jicheng 叢書集成, t. 775–780. Shankhai, 1936–1939 (in Chinese).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami* (Tan liui shu i) [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 1–8. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami* (Tan liui shu i) [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 9–16. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001 (in Russian).

T'ang Criminal Laws Restricting Arbitrary Actions in the Area of Military Activities

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 92–104)
Received 13.01.2020.

Viacheslav M. Rybakov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Military activities are critical to state-building at all times. Arbitrary actions of the middle and lower ranks of the administration in this area have always been considered dangerous for the state and therefore absolutely unacceptable. At the same time, the state inevitably had to provide these ranks with some means of immediate response to situations where external aggression or internal rebellions began to pose a threat to the country. The criminal law of traditional China very skillfully and subtly tried to solve this twofold problem: to stop unjustified initiative and at the same time to make justified initiative non-punishable and even mandatory. In this article, the result of such attempts is described and analyzed on the basis of written records of the T'ang dynasty.

Key words: traditional China, state and law, the T'ang dynasty, military activities, unauthorized actions of local administration.

About the author:

Viacheslav M. Rybakov, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ouyangtsev@mail.ru).

Изучение раннего суфизма в отечественном исламоведении: история и перспективы

П.В. Башарин

Российский государственный гуманитарный университет

DOI: 10.7868/S1811806220010082

Статья посвящена изучению раннего суфизма в России. Это направление никогда не было традиционным для отечественного исламоведения. Книга А.Е. Крымского (1896) «Очерк развития суфизма до конца III в. хиджры» написана в русле европейской позитивистской науки конца XIX — начала XX в. Ярким примером влияния европейского взгляда на мусульманскую мистику сквозь призму психологии стала работа К.К. Казанского (1905). Общий взгляд на суфизм в академическом сообществе Советского Союза сформировали труды Е.Э. Бертельса и И.П. Петрушевского. В некоторых случаях суфии становились объектами исследований как представители «свободомыслия». Важной вехой для отечественного исламоведения стало появление изданий «Ислам: энциклопедический словарь» (1991) и «Хрестоматия по исламу» (1994). В постсоветский период с начала 1990-х годов наблюдается рост интереса к суфизму. Однако основная информация о раннем суфизме предоставляется читателю, как правило, из переводной литературы. Переводы и исследования оригинальных суфийских текстов редки. Раннему суфизму на данный момент посвящена единственная монография И.Р. Насырова «Основания исламского мистицизма (Генезис и эволюция)» (2009).

Ключевые слова: российское исламоведение, А.Е. Крымский, К.К. Казанский, Е.Э. Бертельс, И.П. Петрушевский, «свободомыслие», постсоветский период, А.Д. Кныш, С.М. Прозоров, И.Р. Насыров.

Статья поступила в редакцию 15.01.2020.

Башарин Павел Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права, директор Центра иранистики РГГУ, РФ; 125993, Москва, ГСП-3, Миусская пл., 6 (pbasharin@yandex.ru).

© Башарин П.В., 2020

Изучение раннего суфизма не составляет традиционное направление отечественного исламоведения. В основном его знания были необходимы только для адекватного представления о более позднем суфизме, особенно суфизме тарикатов, распространенных на территории бывшей Российской империи (Knysh 2006: 216–217).

Необходимо разделять два принципиально важных явления: исторические фигуры ранних суфиев и их оригинальные идеи и образ тех же суфиев, созданный традицией *'илм ат-тасаввуф* («науки о суфизме»), осуществившей ревизию раннего суфизма, «очищение» его от «ереси» (*зандака*). Это было сделано для демонстрации того, что суфизм — не ересь, а одна из форм мусульманского благочестия, изучение которой не возбраняется. Большинство представителей традиции *'илм ат-тасаввуф* являлись не суфиями, а богословами. Суфии из их числа демонстрировали в своих сочинениях умеренность и лояльность. Это выражалось в опущении неудобных фактов суфийской истории или коренной их переоценке, как в истории осуждения Абу-л-Хусайном ан-Нури Гуламом Халилем, отборе цитат, избегании крайних идей, отсутствии ссылок на такие скандализованные фигуры, как ал-Халладж (например, у ал-Калабази или Абу Талиба ал-Макки).

В работах отечественных ученых конца XIX — начала XX в. ранний суфизм упоминается в рамках позитивистской концепции, под влиянием работ Сильвестра де Саси, Й. Хаммера-Пургшталя, А. Шпренгера, Г. Вейля, У. Мьюира, А. Мюллера, А. фон Кремера, Р. Доци, а позже — гиперкритицизма Ю. Вельхаузена и И. Гольдциера. В результате в раннем суфизме стали разделять собственно ранний суфизм и раннее подвижничество — *зухд*. Считалось, что первый возник под инокультурным влиянием, между тем как второй был чисто автохтонным феноменом.

Как справедливо отметил А.Д. Кныш, все основные «истории ислама», выходящие в Европе во второй половине XIX в., содержат сведения о суфизме. На протяжении всего XIX и начала XX в. в исламоведении бытовало убеждение о чуждости суфизма ригористичному «духу» ислама и, следовательно, о возникновении мистицизма под инокультурным влиянием: христианства, неоплатонизма, индуизма, буддизма. Часто исследователь пытался взглянуть на суфизм со стороны той религии, на изучении которой специализировался параллельно с исламоведением (Knysh 2006: 214, 222).

На протяжении всего существования российского исламоведения западные исследования оказывали на него глубокое влияние. Именно европейские позитивистские разработки в полной мере отразились в одном из первых научных отечественных трудов по суфизму «Очерк развития суфизма до конца III в. хиджры», написанном А.Е. Крымским. Следуя уже установившейся схеме, ученый разбирает аскетизм в доисламской Аравии, «людей скамьи» как предшественников суфиев, Абу Зарра ал-Гифари, Увайса ал-Карани, ал-Хасана ал-Басри, Раби'у ал-'Адавиййу, Ибрахима б. Адхама, Шакика ал-Балхи, Зу-н-Нун ал-Мисри, ал-Хариса ал-Мухасиби, Сахля ат-Тустари, Бишра ал-Хафи, Сари ас-Сакати, Абу Йазида ал-Бистами, Абу Са'ида ал-Харраза, Абу-л-Хусайна ан-Нури, Рувайма, Сумнуна, ал-Халладжа, ал-Джунайда, аш-Шибли. Следуя современной науке, Крымский разбирает религиозные течения, под влиянием которых мог зародиться суфизм (христианство, гностицизм, неоплатонизм, зороастризм, буддизм). Согласно Крымскому, эти разнородные элементы соединились в то, что стало называться суфизмом. Одна из двух линий его — мусульманская, усиленная христианством, проповедовала исключительно подвижничество и в итоге стала опорой мусульманского правоверия в лице ал-Джунайда. Вторая, восточная, коренившаяся в «индо-персидской» традиции, выдвинула на первый план теософию и, придерживаясь еретических взглядов, в конце концов полностью склонилась к пантеизму. Это вылилось в постепенное расхождение понятий «суфий» и «захид», выра-

зившее разрыв между простым подвижничеством и подлинной мистикой. Опирающаяся на поздние источники монография содержит ряд фактологических искажений. Например, говорится о казни Абу Йазида ал-Бистами (Крымский 1896).

В это время на волне растущей популярности психиатрии появляется точка зрения на экстатическое религиозное состояние как на форму клинического расстройства. Болезни способствуют уединенный образ жизни, постоянное душевное напряжение и физическая истощенность постом. Применительно к исламу эта позиция оформилась в написанном в позитивистском духе трехтомной биографии Мухаммада, составленной А. Шпренгером, изучавшим в Венском университете медицину (Sprenger 1861–1865). В русле этой традиции в 1905 г. в Самарканде выходит в свет книга доктора медицины К.К. Казанского «Суфизм с точки зрения современной психопатологии» (Казанский 1905; Дроздов 2015). Написанная неспециалистом на основе вторичных источников, она упоминает ряд персоналий: ал-Хасана ал-Басри, Раби'у ал-'Адавиййу, Зу-н-Нуна ал-Мисри, Сари ас-Сапати, Абу Са'ида ал-Харраза, Абу Йазида ал-Бистами, ал-Халладж, ал-Джунайд. Однако в научном плане этот труд уступает исследованию Крымского.

Поскольку подавляющий интерес исламоведов касался территориально близких к России регионов, основное внимание в это время уделяется персидскому суфизму, но уже более позднего периода, начиная с XI в., когда суфийская багдадская школа постепенно сошла на нет, а экстатические мистические идеи в Багдаде были искоренены. Яркий пример — исследования В.А. Жуковского, посвященные творчеству Баба Тахира 'Урйана, 'Абд Аллаха Ансари, Абу Са'ида Майхани.

В 1910–1920-е годы появились ключевые для этого периода исследования Р.А. Никольсона, стоявшего у истоков современного подхода в изучении суфизма и продемонстрировавшего, что безусловное инокультурное влияние не отрицает самобытности суфизма и его автохтонного происхождения в рамках раннеисламской традиции (Nicholson 1914; 1923).

Отдельные темы, связанные с ранним арабским суфизмом, затрагивались в некоторых публикациях. Отметим статью В.В. Бартольда «Мистицизм в исламе», увидевшую свет в 1922 г. Данная публикация избегает субъективных крайностей, присущих предыдущим отечественным исследованиям. Несмотря на всю объективность, в статье имеются утверждения, продиктованные предшествующей традицией, которые будут пересмотрены в науке спустя некоторое время. Например, Бартольд считал александрийскую группу, именовавшую себя *суфиййа* (по лакабу их лидера 'Абд ар-Рахмана ас-Суфи) и преследовавшую на деле сугубо политические цели, самыми первыми суфиями, упоминаемыми в источниках (Бартольд 1966). О чисто политическом характере этого движения одним из первых написал А. Мец (Мец 1973: 235).

Важным событием в отечественных исследованиях суфизма стало появление в 1965 г. тома из посмертного собрания избранных трудов Е.Э. Бертельса, озаглавленного «Суфизм и суфийская литература». Том состоял из работ, опубликованных ученым при жизни, в 1920-е годы, а также из ранее не публиковавшихся трудов, как, например, открывающий книгу очерк «Происхождение суфизма и зарождение суфийской литературы», работу над которым автор завершил в 1945 г. Широкое признание, которое приобрела книга, вышло за пределы Советского Союза. Например, ее персидский перевод, выполненный Сирусом Изади и выдержавший несколько переизданий, пользуется в Иране непререкаемым авторитетом (Bertels 1356/1971). До сих

пор многочисленные ссылки на эту работу повсеместно встречаются в специальных отечественных исследованиях.

На момент составления работ Бертельса прежним авторитетом еще пользовались труды М. Хортена, особенно его «Лексикон». Этот автор настаивал на тотальном индийском влиянии на суфизм, хотя такое заключение было сделано им с очевидными натяжками (Horten 1927; 1928). Одним из самых основательных и признанных авторов был Л. Массиньон, известный двухтомным трудом об ал-Халладже и книгой о суфийской лексике, где призвал рассматривать ранний суфизм через тексты самих суфиев, а не позднейшие спекуляции, и попытался показать развитие суфийского аппарата непосредственно из Корана, в котором уже наличествуют те влияния, которые неправомерно относились некоторыми исследователями исключительно к суфизму (Massignon 1922a; Massignon 1922b). Уже появились книги М. Смит по раннему суфизму, начиная с самой первой, посвященной Раби'и ал-'Адавийи, которые на тот момент были последним словом исследований в этой области. Будучи, кроме того, специалистом по монашескому движению на доисламском Ближнем Востоке, М. Смит подвергла критике старую теорию о непосредственном влиянии на суфизм неоплатонизма (Smith 1928; 1931; 1935). Наконец, в 1940-е годы вышло знаменитое «Введение в историю суфизма» А. Арберри (Arberry 1942). Однако его исследование по Абу Йазиду ал-Бистами, в котором убедительно будет показана полная несостоятельность попыток связать учение суфия с индийской философией, появится только в 1960-е годы (Arberry 1962).

Бертельс взглянул на суфизм с точки зрения поэзии, созданной его представителями. В его очерке мы встречаем упоминание и отдельные образцы стихов Раби'и ал-'Адавийи, Ибрахима ал-Хавасса, ал-Джунайда, Йахйи б. Му'аза, аш-Шибли, ал-Халладжа.

Ранний суфизм продолжал рассматриваться сквозь призму поздних источников. Основателями суфийского движения считались ригористы из среды мухаддисов, на фоне роскоши умайядского двора проповедовавшие аскетизм и воздержание, являясь живым напоминанием о Судном Дне (*йаум ад-дин*) и о Боге как грозном судье. Был использован образ, созданный аббасидской пропагандой, который с полным доверием приняли позитивисты. Знаком времени является исходящее от работ Б. Карры де Во утверждение об исключительном влиянии неоплатонизма на учение ряда суфиев, подвергнутое критике еще Массиньоном.

Бертельс уделяет основное внимание рассмотрению упования на Бога (*таваккул*) и деления на дозволенное и запретное (*халал ва харам*) как определяющих моментов проповеди захидов. Весьма содержателен раздел об идеях Раби'и ал-'Адавийи.

Движение захидов начинает выстраивать теоретический базис, который сосредотачивается на описании психических состояний мистика. Этот процесс нашел полное отражение в учении ал-Хариса ал-Мухасибии. Бертельс делает особый акцент на феномене *рийа'* (лицемерия) и отношении к нему суфиев, особенно на возникновении и идеологии движения *маламатиййа*. Он рассматривает феномен багдадской школы под углом восприятия ее представителями лицемерия как греха не столько перед людьми (как в нишапурской *маламатиййа*), сколько в первую очередь перед самим собой. Такая позиция наиболее отчетливо предстает у ал-Джунайда, который делал главный упор на осмысление таухида. В этом отношении самая опасная ловушка для мистика — формирование у него убежденности в собственной святости.

Альтернативную позицию — признание растворения в Боге (*фана'*) конечной целью на пути продвижения к нему — представили Абу Йазид ал-Бистами и ал-Халладж. У Бертельса мы находим очень удачный обзор идей ал-Халладжа, составленный на основании фундаментального двухтомного исследования Л. Массиньона. Вслед за Арберри ученый критикует утверждение ряда ученых начала XX в. об основополагающем влиянии на концепцию *фана'* ал-Бистами учения о буддийской нирване. С другой стороны, он отрицает также и влияние неоплатонизма. Столь взвешенная позиция появляется в отечественной науке впервые. Бертельс признавал многочисленные инородные элементы в суфизме, но ставил акцент не на их перечислении, а на описании картины, благодаря которой подобного рода влияние стало возможным (Бертельс 1965: 32, 38, 66, 183, 406, 416–417).

В 1966 г. И.П. Петрушевский в своем известном курсе лекций «Ислам в Иране в VII–XIV веках», до сих пор используемом как незаменимое пособие по исламоведению, подвел итог исследованиям по суфизму. Ученый опирался главным образом на позицию Массиньона по проблеме автохтонности суфизма и наличия в нем инокультурных элементов. Петрушевский связал развитие суфизма с социально-экономическими процессами в халифате. Прекращение завоеваний и притока военной добычи привело к обострению социальных (классовых) противоречий, что, по Петрушевскому, способствовало развитию мистических настроений (Петрушевский 1966: 310–329). Наряду с томом Бертельса курс Петрушевского стал основным источником по раннему суфизму.

На протяжении последующего периода раннему суфизму в лучшем случае посвящались только небольшие статьи, как правило, энциклопедического характера. В советской науке арабский суфизм рассматривался крайне редко. К соображениям, приведенным в начале данной статьи, добавлялась еще и непопулярность исследований мистики как реакционного явления, стоящего на антиматериалистических позициях. В отдельных случаях суфии последующих периодов становились объектами исследования как представители «свободомыслия» (термин, успешно применявшийся историками для легитимации изучения средневековых мыслителей) и вожди народного протеста. Так, например, легитимировался интерес к изучению ряда иранских суфиев или исмаилитов.

Интерес этнографов к суфийским практикам, укладывавшимся в традиционную область «изучения пережитков доисламских культов», также не мог стимулировать рост исследований по раннему суфизму. Только изредка, в рамках исследования прошлого советских народов Средней Азии, в связи с «таджикско-персидской» тематикой упоминались ранние суфии, на харизме которых основывали свои цепочки различные братства, когда-то распространенные на территории республик Советского Союза.

Переводы западной исламоведческой классики, издававшейся в СССР, часто упоминали ранних суфиев и их идеи. Среди них можно упомянуть монографии А. Меца «Мусульманский Ренессанс», Ф. Роузенталя «Торжество знания. Концепции знания в средневековом исламе», Дж. Тримингэма «Суфийские ордены в исламе» (Мец 1973; Роузентал 1978; Тримингэм 1989). Однако при отсутствии специальных исследований такой информации было недостаточно и основными источниками по-прежнему оставались «суфийский том» Бертельса и глава из курса лекций Петрушевского.

Можно сказать, что ранние суфии удостоивались еще меньшего внимания, чем Абу Хамид Мухаммад ал-Газали. Характерно, что именно с ростом популярности этой фигуры в 1980-е годы можно отчасти связать и пробудившийся интерес к ранней мистике. Перевод избранных частей «Ихйа' 'улум ад-дин» В.В. Наумкина, вышедший в свет в 1980 г., включал отдельные высказывания и идеи таких видных представителей раннего суфизма, как Ибрахим б. Адхам, Фудайл б. 'Ийад, Раби'а ал-'Адавиййа, Абу Сулайман ад-Дарани, Ахмад ал-Хавари, Зу-н-Нун ал-Мисри, ал-Харис ал-Мухасиби, Сахл ат-Тустари, ал-Хаким ат-Тирмизи, Ибрахим ал-Хаввас, Сари ас-Сакаати, Абу Са'ид ал-Харраз, ал-Джунайд, Абу-л-Хасан ан-Нури, аш-Шибли, ал-Халладж (ал-Газали 1980). Это был первый памятник, знакомивший читателей с такой богатой палитрой оригинальных речений. Тем самым он ценен не только как первый академический перевод самого памятника, но и как источник, в котором советские читатели могли ознакомиться с отдельными идеями предшественников ал-Газали. Неудивительно, что издание, которое вышло в период роста религиозного сознания различных народов СССР, вызвало огромный интерес проживающих в стране мусульман.

Во второй половине 1980-х годов появляются отдельные работы, затрагивающие ранний суфизм. Прежде всего необходимо отметить монографию М.Т. Степанянец «Философские аспекты суфизма» (Степанянец 1987), а также небольшое количество связанных с его изучением статей, среди которых публикация: (Кныш 1985).

Важной вехой для всего отечественного исламоведения стал выход издания «Ислам: энциклопедический словарь». Статьи по раннему суфизму были подготовлены О.А. Акимушкиным (ал-Бистами, ал-Джунайд, Маламатиййа), А.Д. Кнышом (Зу-н-Нун ал-Мисри, Лахут, Макамат, ал-Мухасиби, Насут, ат-Тасаввуф, ат-Тирмизи, ат-Тустари, ал-Халладж, Хал, Хулул, Шатх, аш-Шибли), А.Р. Петросяном (Раби'а ал-'Адавиййа, Зухд) (Ислам: Энциклопедический словарь 1991).

В получившую не меньшую известность «Хрестоматию по исламу» под редакцией С.М. Прозорова, увидевшую свет в 1994 г., вошел перевод глав о стоянках и состояниях из знаменитого сочинения яркого представителя течения *'илм ат-тасавуф* Абу Насра ас-Сарраджа «Китаб ал-лума' фи-т-тасаввуф» («Книга самого блистательного в суфизме»), выполненный А.Д. Кнышом. Там содержался ряд высказываний ранних суфиев, на которых был выстроен этот источник (ас-Саррадж 1994).

В том же году в Ташкенте вышла практически незамеченная статья В.М. Нирши «О некоторых аспектах суфийской концепции познания (ма'рифа)» (Нирша 1991). В ней впервые феномен божественного познания разбирался на примере речений ранних суфиев.

В постсоветский период, с начала 1990-х годов, наблюдается устойчивый рост интереса к суфизму. Однако основную информацию об этом явлении читатель получает из переводной литературы, где следует прежде всего выделить перевод всемирно известной монографии А.М. Шimmel «Мир исламского мистицизма», выдержавший уже два издания (Шimmel 1999). Книга написана в научно-популярном жанре и состоит из ряда самостоятельных эссе, охватывающих всю историю суфизма; вторая глава ее посвящена целиком раннему суфизму. Шimmel основывается на поздних источниках. Подчас эмоциональному повествованию не хватает научной методологии и строгого научного подхода. Ряд утверждений не выдерживает критики даже науки периода составления самой книги, например, причисление к суфиям ал-Хасана ал-Басри или Джа'фара ас-Садика. История раннего суфизма, которой посвящена

первая глава, предстает как история отдельных шайхов, контактировавших между собой на манер состоявших в переписке европейских ученых-энциклопедистов Нового времени. Эти фигуры кажутся одиночками в окружающей их среде. Однако книга Шиммель, не отягощенная научными теориями, оказалась более близка широкому кругу читателей, нежели сложные построения прочих ученых.

Вторая по популярности переводная монография А.Д. Кныша «Мусульманский мистицизм: краткая история» является одной из самых авторитетных общих работ по суфизму среди специалистов. На сегодняшний день это наиболее полное и добросовестное исследование, доступное русскоязычному читателю, снабженное содержательным научным аппаратом со ссылками на актуальные современные труды (на момент написания) (Кныш 2004).

Третьей по популярности переводной монографией является целиком посвященная раннему суфизму книга Тора Андре «Исламские мистики», написанная по тематическому принципу (Андре 2003). Несмотря на специфику исследования, книга, увидевшая свет в 1960 г., на данный момент устарела. Позиция ученого, состоящая в том, что аскетизм и мистика присущи исламу с самого его возникновения, выглядела неоднозначно уже при жизни автора.

Ранний суфизм стал объектом исследования специальных религиоведческих сравнительных трудов, посвященных феномену религиозного мистицизма. В рамках одного из наиболее популярных в этих работах подходов суфизм воспринимается как форма мистицизма, понимаемого в качестве специфического явления, присущего ряду культур. На протяжении XX в. на Западе было написано необозримое количество научных трудов о проблеме изучения мистицизма как феномена с точки зрения философии, психологии, форм религиозной практики (то, что принято называть *studies of mysticism*). В России эти идеи развивал Е.И. Торчинов. В рамках компаративистского подхода он привлек ранний суфизм, формирование экстатической и умеренной традиций на примере ал-Халладжа, ал-Бистами и ал-Джунайда (Торчинов 1997: 361–374).

Большая часть постсоветских суфиеведческих работ касается раннего суфизма только вскользь, так как эти исследования посвящены различным тарикатам. Следовательно, они рассматривают его отдельных представителей с той же степенью адекватности, с какой видел их определенный тарикат. Исходя из количества ссылок на раннюю мистическую традицию, хочется отметить перевод И.Р. Насыровым шазилийского трактата «Китаб ал-мавахиб ас-сармадиййа» («Книга вечных даров») Мухаммада Амина ал-Курди ал-Ирбили (особенно глава об ал-Бистами) и монографию о братстве чиштиа Л.З. Танеевой-Саломатшаевой, содержащую очерк о раннем суфизме (аль-Курди 2000; Танеева-Саломатшаева 2009).

С началом нового века возросло число отечественных научных публикаций в виде отдельных статей, касающихся проблем раннего суфизма. Однако планомерные исследования этого феномена, цели которых выходили бы за рамки подготовки отдельных диссертаций и продолжались бы после их защиты, носят единичный характер. Например, можно отметить кандидатскую диссертацию И.В. Ивановой «Философские идеи в суфийском учении ал-Джунайда ал-Багдади», защищенную в 2013 г.

Упомянем также ряд русскоязычных публикаций автора данного очерка, посвященных преимущественно ал-Халладжу, а также ряду проблем генезиса зухда и раннего суфизма (Башарин 2004; 2008а; 2008б; 2010).

Исследования и переводы источников по раннему суфизму носят единичный характер. И.Р. Насыровым опубликован комментированный перевод небольшого сочинения Шакика ал-Балхи «Адаб ал-‘ибадат» («Правила поклонения»), изданный в свое время П. Нвией в знаменитом сборнике 1973 г. «Trois œuvres inédites de Mystique musulmans: Shaqiq al-Balhi, Ibn Ata, Niffari». По этому тексту отчетливо прослеживается, как уже в ходе развития зухда не только создается концепция «стоянок» (привалов-*маназил*) на пути к Богу, но на первый план выходит любовь к Творцу (*махабба*), воплощенная в свете (*нур*), нисходящем в сердце человека и вытесняющем из него любовь к этому миру. Эта любовь противопоставлена ал-Балхи страху перед Богом и страстному желанию рая (*шаук*), которые после ее обретения предаются забвению (Шакик ал-Балхи 2016).

Новых источников в научный оборот практически не вводится. Исключение составляет находка и исследование С.М. Прозоровым рукописи суфийского сочинения X в. Абу-л-Ма‘али ал-Джили (Шайзала) (ум. 494/1100), последователя Абу Исхака аш-Ширази, «Лавами‘ анвар ал-кулуб» («Проблески света сердец») (Прозоров 2016а).

Единственной работой о раннем суфизме в формате полноценной монографии является книга И.Р. Насырова «Основания исламского мистицизма (Генезис и эволюция)». Центральная проблема этого исследования — соотношение зухда и суфизма и переход от первого ко второму. Автор использует непривычную сравнительно-историческую методологию, но методологию чисто философскую. Он ориентируется на подход, используемый в исследованиях А.В. Смирнова, — на метод парадигмального анализа, принятый при изучении последним идей Ибн ‘Араби, исследование «морфологии» культуры. Работа демонстрирует примат философского метода над текстологией, привычно применяемой большинством исследователей. И.Р. Насырова интересует главным образом гносеологический и онтологический аспекты суфийских доктринальных разработок. Например, Шакик ал-Балхи предстает основоположником представления об одновременной трансцендентности и имманентности Бога по отношению к миру. Фигурами переходного типа на пути к рационализации мистического опыта И.Р. Насыров считает Абу Са‘ида ал-Харраза, Сахля ат-Тустари, Абу Йазид ал-Бистами, ал-Халладжа (Насыров 2009).

В настоящее время в мировом исламоведении бурно развивается направление, связанное с сопряжением исследований духовных идей с предметами материальной культуры. Подобный подход создает как для исследователя, так и для заинтересованного читателя эффект погружения и формирует наиболее наглядную картину. К сожалению, материальная культура раннего суфизма полностью утрачена. Однако исследование С.М. Прозорова о надписях на личных вещах суфиев в уже упомянутом сочинении «Лавами‘ анвар ал-кулуб» позволило применить данный метод и к этой сфере (Прозоров 2016б).

В результате, в связи с единичностью современных качественных публикаций по раннему суфизму и отсутствием на данный момент не только научных коллективов, занятых указанной проблемой, но и полноценного русскоязычного научного сообщества, в рамках которого плодотворно обсуждались бы вопросы истории и идеологии этого самобытного феномена, данная тема в русскоязычном пространстве остается уделом отдельных энтузиастов. Несмотря на новые революционные возможности поиска научной информации, отечественными авторами не привлекаются современные исследования по раннему суфизму, начиная от фундаментальных работ Р. Грам-

лиха и оксфордской “The Heritage of Sufism” (Gramlich 1995–1996; 1997; 1998; The Heritage of Sufism 1999). Источниковедческая база исследований опирается на давно изданные источники и не учитывает публикации новых, таких как, например, «Китаб ал-байад ва-с-савад» («Книга белого и черного») Абу-л-Хасана ас-Сирджани (ум. ок. 1077) или «Салват ал-‘арифин ва унс ал-муштакин» («Утешение познавших [Бога] и дружество жаждущих») Абу Халафа ат-Табари (ум. 1077), которые содержат много неизвестных цитат ранних мистиков. В результате до сих пор бытуют уже давно отброшенные концепции — как, например, утверждение того, что ал-Хасан ал-Басри являлся суфием, хотя все исследования показывают, что реальные основания для предположений такого рода полностью отсутствуют. Настоящую ситуацию может разрешить только государственный интерес, целенаправленно развивающий программу академических исследований. В основу подобной программы необходимо положить создание качественных научных переводов первоисточников. Начать целесообразнее всего было бы с работы над сочинениями традиции. Это создало бы ключевые критерии переводов терминологии и осмысления специфических понятий, входивших в инструментарий ранних мистиков. Такая работа могла бы быть организована на основе модели переводов арабо- и персоязычных источников по истории народов СССР, осуществленных в советский период.

Литература

- Андре 2003 — *Андре Т.* Исламские мистики / Пер. с нем. В.Г. Ноткиной. СПб.: Евразия, 2003.
- Бартольд 1966 — *Бартольд В.В.* Мистицизм в исламе // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 6. М.: Наука; ГРВЛ, 1966. С. 114–120.
- Башарин 2004 — *Башарин П.В.* Демаркации дискурсивного и интуитивного знания в раннем экстагическом суфизме (на примере философии ал-Халладжа) // *Религиоведение.* 2004. № 4. С. 31–45.
- Башарин 2008а — *Башарин П.В.* Концепция ана-л-Хакк ал-Халладжа и ее отражение в последующей суфийской традиции // *Rah Islamica.* 2008. № 1. С. 47–65.
- Башарин 2008б — *Башарин П.В.* Зухд и ранний суфизм: проблема преемственности и антагонизма // *Восточные языки и культуры.* Материалы II Международной научной конференции. 20–21 ноября 2008 года. М.: РГГУ, 2008. С. 278–283.
- Башарин 2010 — *Башарин П.В.* Ранний суфизм и карматы на примере ал-Халладжа, или К вопросу о характере раннеисламского мистицизма // *Ежегодник Российского университета дружбы народов. Междисциплинарные исследования арабского Востока.* М.: РУДН, 2010. С. 31–57.
- Бертельс 1965 — *Бертельс Е.Э.* Избранные труды: Суфизм и суфийская литература. М.: Наука; ГРВЛ, 1965.
- ал-Газали 1980 — *ал-Газали Абу Хамид.* Воскрешение наук о вере (Ихйа’ ‘улум ад-дин). Избранные главы / Пер. с араб. В.В. Наумкина. М.: Наука; ГРВЛ, 1980.
- Дроздов 2015 — *Дроздов В.А.* Медико-психологический метод в исследовании иранского суфизма (о забытом труде доктора медицины К.К. Казанского) // «На пастбище Мысли Благой»: сборник статей к юбилею И.М. Стеблин-Каменского / Отв. ред. М.С. Пелевин. СПб.: Контраст, 2015. С. 283–298.
- Ислам: Энциклопедический словарь 1991 — *Ислам: Энциклопедический словарь* / Г.В. Милославский, Ю.А. Петросян, М.Б. Пиотровский, С.М. Прозоров. М.: Наука; ГРВЛ, 1991.
- Казанский 1905 — *Казанский К.К.* Суфизм с точки зрения современной психопатологии. Самарканд: Изд. Самаркандского областного Статистического Комитета, 1905.

- Кныш 1985 — *Кныш А.Д.* Ханбалитская критика суфизма (по материалам «Талбис Иблис» Ибн ал-Джаузи) // ПП и ПИКНВ. Годичные сессии. 1985. № 1. С. 175–176.
- Кныш 2004 — *Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история / Пер. с англ. М.Г. Романова. М.; СПб.: Диля, 2004.
- Крымский 1896 — *Крымский А.Е.* Очерк развития суфизма до конца III века хиджры // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества. 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 28–73.
- аль-Курди 2000 — *аль-Курди Мухаммад Амин аль-Эрбили.* Книга вечных даров: (О достоинствах и похвальных качествах суфийского братства Накшбандийа) / Пер. с араб., ред., коммент. и примеч. И.Р. Насырова. Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2000.
- Мец 1973 — *Мец А.* Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д.Е. Бертельса. 2-е изд. М.: Наука; ГРВЛ, 1973.
- Насыров 2009 — *Насыров И.Р.* Основания исламского мистицизма (Генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009 (Философская мысль исламского мира. Исследования. Т. 1).
- Нирша 1991 — *Нирша В.М.* О некоторых аспектах суфийской концепции познания (ма'рифат) // Проблемы истории и культуры народов Средней Азии и стран зарубежного Востока / Под ред. А.У. Урунбаева, А.Б. Вильданова, С.И. Тансыбаева. Ташкент: Фан, 1991. С. 50–62.
- Петрушевский 1966 — *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в 7–15 веках. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966.
- Прозоров 2016а — *Прозоров С.М.* Мистическая любовь (ал-махабба) как доминирующая идея суфийского Пути (ат-тарика) // Ислам как идеологическая система. Т. 2. М.: Наука; Вост. лит., 2016. С. 138–155.
- Прозоров 2016б — *Прозоров С.М.* Духовные ценности суфиев в надписях на личных вещах // Ислам как идеологическая система. Т. 2. М.: Наука; Вост. лит., 2016. С. 170–183.
- Роузентал 1978 — *Роузентал Ф.* Торжество знания. Концепции знания в средневековом исламе / Пер. с англ. С.А. Хомутова. Предисл. и примеч. А.В. Сагадеева. М.: Наука; ГРВЛ, 1978.
- ас-Саррадж 1994 — *ас-Саррадж Абу Наср ат-Туси.* Китаб ал-лума' фи-т-тасаввуф (Самое блистательное в суфизме) / Пер. А.Д. Кныша // Хрестоматия по исламу / Под ред. С.М. Прозорова. М.: Наука; ИФВЛ, 1994. С. 141–166.
- Степаняц 1987 — *Степаняц М.Т.* Философские аспекты суфизма. М.: Наука, ГРВЛ, 1987.
- Танеева-Саломатшаева 2009 — *Танеева-Саломатшаева Л.З.* Истоки суфизма в средневековой Индии. Братство Чиштийа. М.: Наука; ИФВЛ, 2009.
- Торчинов 1997 — *Торчинов Е.А.* Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997.
- Тримингэм 1989 — *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А.А. Ставиской под ред. и с предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука; ГРВЛ, 1989.
- Шакик ал-Балхи 2016 — *Шакик ал-Балхи.* Правила богопоклонения ('Адаб ал-'ибадат) / Ввод. статья, пер. и коммент. И.Р. Насырова // Ишрак. Ежегодник исламской философии. 2016. № 7. С. 237–247.
- Шиммель 1999 — *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. М.: Алетейа; Энигма, 1999.
- Arberry 1942 — *Arberry A.J.* An Introduction to the History of Sufism. [S. 1.], 1942.
- Arberry 1962 — *Arberry A.J.* Bistamiana // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. (1962). Vol. 25. No. 1/3. P. 28–37.
- Bertels 1356/1971 — *Bertels Y.* Ṭaṣawwuf wa ādābiyāt-e ṭaṣawwof / Transl. by S. Īzādī. Tehran: Amīr Kabīr, 1356/1971.
- Gramlich 1995–1996 — *Gramlich R.* Alte Vorbilder des Sufitums. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995 (Bd. 1), 1996 (Bd. 2).
- Gramlich 1997 — *Gramlich R.* Weltverzicht: Grundlagen und Weisen islamischer Askese. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997.

- Gramlich 1998 — *Gramlich R.* Der eine Gott: Grundzüge der Mystik des islamischen Monotheismus. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998.
- The Heritage of Sufism 1999 — *The Heritage of Sufism / Ed. by L. Lewisohn.* Vols 1–2. Oxford: Oneworld, 1999.
- Horten 1927 — *Horten M.* Indische Strömungen in der islamischen Mystik. Teil 1: Zur Geschichte und Kritik. Heidelberg: C. Winter, 1927 (Materialien zur Kunde des Buddhismus 12).
- Horten 1928 — *Horten M.* Indische Strömungen in der islamischen Mystik. Teil 2: Lexikon wichtigster Termini der islamischen Mystik: terminologische Untersuchungen zu grundlegenden Texten islamischer Frühmystik in Persien um 900. Heidelberg: C. Winter, 1928 (Materialien zur Kunde des Buddhismus 13).
- Кныш 2006 — *Кныш А.* Historiography of Sufi Studies in the West and in Russia // Письменные памятники Востока. 2006. 1(4).
- Massignon 1922a — *Massignon L.* La passion d'al-Hosayn ibn Mansour al-Hallaj, martyr mystique de l'Islam exécuté à Bagdad le 26 Mars 922. T. 1–2. Paris: Gallimard, 1922.
- Massignon 1922b — *Massignon L.* Essai sur les origines du lexique technique de la mystique musulmane. Paris: P. Geuthner, 1922.
- Nicholson 1914 — *Nicholson R.A.* The Mystics of Islam. London: George Bell & Sons Ltd, 1914.
- Nicholson 1923 — *Nicholson R.A.* The Idea of Personality in Sufism. Cambridge: Cambridge University Press, 1923.
- Smith 1928 — *Smith M.* Rabi'a the Mystic and Her Fellow-Saints in Islam. Cambridge: Cambridge University Press, 1928.
- Smith 1931 — *Smith M.* Studies in Early Mysticism in the Near and Middle East. London: Sheldon Press, 1931.
- Smith 1935 — *Smith M.* An Early Mystic of Bagdad: A Study of the Life and Teaching of Ḥārith b. Asad... al-Muḥāsibī... London: Sheldon Press, 1935.
- Sprenger 1861–1865 — *Sprenger A.* Das Leben und die Lehre des Mohammad... Bd. 1–3. Berlin: Nicolai'sche Verlagsbuchhandlung, 1861–1865.

References

- Andrae T. *Islamskie mistiki* [Islamic Mystics]. Transl. from German by V.G. Notkina. St. Petersburg: Eurasia, 2003 (in Russian).
- Arberry A.J. *An Introduction to the History of Sufism.* [S. 1.], 1942 (in English).
- Arberry A.J. “Bistamiana”. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, vol. 25, no. 1/3 (1962), pp. 28–37 (in English).
- Barthold W.W. “Mistitsizm v Islame” [Mysticism in Islam]. In: Barthold W.W. *Works.* Vol. 6. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1966, pp. 114–120 (in Russian).
- Basharin P.V. “Demarkatsiia diskursivnogo i intuitivnogo znaniia v rannem ekstatičeskom sufizme (na primere filosofii al-Hallaja)” [Demarcation of the Knowledge of Discourse and Intuition in Early Ecstatic Sufism (as Exemplified by al-Hallaj's Philosophy)]. *Religiovedenie* [Religious Studies], no. 1, 2004, pp. 31–45 (in Russian).
- Basharin P.V. “Konseptsii ana 'l-Haqq al-Hallaja i ieio otrazheniie v posleduiushei sufiiskoi traditsii” [Conception of ana 'l-Haqq by al-Hallaj and Its Reflection in Later Sufi Tradition]. *Pax Islamica*, no. 1, 2008, pp. 47–65 (in Russian).
- Basharin P.V. “Zuhd i rannii sufizm: problemy preiemptvennosti i antagonizma” [Zuhd and Early Sufism: The Problem of Continuity and Antagonism]. In: *Vostochniie iazyki i kul'tury: materialy vtoroi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 20–21 noiabria 2008 goda* [Oriental Languages and Cultures: Materials of the 2nd International Scientific Conference. November 20–21, 2008]. Moscow: RGGU, 2008, pp. 278–283 (in Russian).

- Basharin P.V. “Ranniy sufizm i karmaty na primere al-Hallaja ili k voprosu o kharaktere ranneislamskogo mistitsizma” [Early Sufism and Qarmatians as Exemplified by al-Hallaj, or on the Question of Early Islamic Mysticism]. *Iezhegodnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia arabskogo Vostoka* [Yearbook of the Peoples’ Friendship University of Russia. Interdisciplinary Studies of the Arab East]. Moscow: RUDN, 2010, pp. 31–57 (in Russian).
- Bertel’s Ye.E. *Izbrannye trudy: sufizm i sufiiskaia literatura* [Selected Works: Sufism and Sufi Literature]. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1965 (in Russian).
- Bertel’s Ye.E. *Ṭaṣawwuf wa ādābiyāt-e ṭaṣawwuf*. Transl. by S. Īzādī. Tehran: Amīr Kabīr, 1356/1971 (in Persian).
- Drozdo V.A. “Mediko-psikhologicheskii metod v issledovanii iranskogo sufizma (o zabytom trude doktora meditsiny K.K. Kazanskogo)” [On the Medico-Psychological Method in the Study of Iranian Sufism (a Survey of a Forgotten Work by K.K. Kazanskii, a Doctor of Medicine)]. In: “*Na pastbishe mysli blagoi*”: *sbornik statei k iubileiu I.M. Steblin-Kamenskogo* [“On the Pasture of Good Thought”: Studies in Honor of I.M. Steblin-Kamenski on the Occasion of His Anniversary]. Ed. by M.S. Pelevin. St. Petersburg: Kontrast, 2015, pp. 283–298 (in Russian).
- al-Ghazali, Abu Hamid. *Voskreshenie nauk o vere (Ihya’ ‘ulum ad-din). Izbrannye glavy* [The Revival of Religion Science (Ihya’ ‘ulum al-din). Selected Chapters]. Transl. from Arabic by V.V. Naumkin. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1980 (in Russian).
- Gramlich R. *Alte Vorbilder des Sufitums*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995 (Bd. 1), 1996 (Bd. 2) (in German).
- Gramlich R. *Weltverzicht: Grundlagen und Weisen islamischer Askese*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997 (in German).
- Gramlich R. *Der eine Gott: Grundzüge der Mystik des islamischen Monotheismus*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998 (in German).
- The Heritage of Sufism*. Ed. by L. Lewisohn. Vols 1–2. Oxford: Oneworld, 1999 (in English).
- Horten M. *Indische Strömungen in der islamischen Mystik. Teil 1: Zur Geschichte und Kritik*. Heidelberg: C. Winter, 1927 (Materialien zur Kunde des Buddhismus 12) (in German).
- Horten M. *Indische Strömungen in der islamischen Mystik. Teil 2: Lexikon wichtigster Termini der islamischen Mystik: terminologische Untersuchungen zu grundlegenden Texten islamischer Frühmystik in Persien um 900*. Heidelberg: C. Winter, 1928 (Materialien zur Kunde des Buddhismus 13) (in German).
- Islam: Entsiklopedicheskii slovar’* [Islam: An Encyclopedic Dictionary]. Ed. by S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1991 (in Russian).
- Kazanskii K.K. *Sufizm s tochki zreniia sovremennoi psikhopatologii* [Sufism from the Point of View of Modern Psychopathology]. Samarkand: Izdatel’stvo Samarkandskogo Oblastnogo Statisticheskogo Komiteta, 1905 (in Russian).
- Knysh A.D. “Khanbalitskaia kritika sufizma (po materialam “Talbis Iblis” Ibn al-Jauzi)” [The Hanbali Criticism of Sufism according to the “Talbis Iblis” by Ibn al-Jawzi] *Pis’mennye pamiatniki i problemy kul’tury narodov Vostoka. Godichnie sessii* [Written Monuments and the Problems of the Culture of Oriental Peoples. Annual Sessions], 1985, no. 1, pp. 175–176 (in Russian).
- Knysh A.D. *Musul’manskii mistitsizm: kratkaia istoriia* [Islamic Mysticism: A Short History]. Transl. from English by M.G. Romanov. Moscow–St. Petersburg: Dilia, 2004 (in Russian).
- Knysh A. “Historiography of Sufi Studies in the West and in Russia”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, no. 1(4), 2006 (in English).
- Krymskii A.E. “Ocherk razvitiia sufizma do kontsa III veka gidzhry” [An Essay on the Development of Sufism until the End of the 3rd Century of the Hegira]. In: *Drevnosti vostochnyie. Trudy Vostochnoi komissi Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Eastern Commission of the Imperial Moscow Archaeological Society], 1896, vol. 2 (issue 2), pp. 28–73 (in Russian).

- al-Kurdi, Muhammad Amin al-Irbili. *Kniga vechnykh darov (o dostoinstvakh i pokhval'nykh kachestvakh bratstva Nakshbandiya)* [Book of Eternal Gifts (On the Virtues and Qualities of the Naqshbandi Sufi Brotherhood)]. Transl. from Arabic, editing and comments by I.R. Nasyrov. Ufa: RIO RUNMTS Goskomnauki RB, 2000 (in Russian).
- Massignon L. *La passion d'al-Hosayn ibn Mansour al-Hallaj, martyr mystique de l'Islam exécuté à Bagdad le 26 Mars 922*. T. 1–2. Paris: Gallimard, 1922 (in French).
- Massignon L. *Essai sur les origines du lexique technique de la mystique musulmane*. Paris: P. Geuthner, 1922 (in French).
- Mez A. *Musul'manskii rennesans* [The Renaissance of Islam]. Transl. from German, Foreword, References and Index by D.E. Bertels. 2nd ed. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1973 (in Russian).
- Nasyrov I.R. *Osnovaniia islamskogo mistitsizma (genesis i evoliutsiia)* [The Foundations of Islamic Mysticism (Genesis and Evolution)]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2009. (Filosofskaia mysl' islamskogo mira. Issledovaniia. T. 1 [The Philosophical Thought of the Islamic World. Studies. Vol. 1]) (in Russian).
- Nicholson R.A. *The Mystics of Islam*. London: George Bell & Sons Ltd, 1914 (in English).
- Nicholson R.A. *The Idea of Personality in Sufism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1923 (in English).
- Nirsha V.M. “O nekotorykh aspektakh sufiiskoi kontseptsii poznaniia (ma'rifa)” [On Some Aspects of the Sufi Concept of Knowledge (*ma'rifa*)]. In: *Problemy istorii i kul'tury narodov Srednei Azii i stran zarubezhnogo Vostoka* [Problems of the History and Culture of the Peoples of Central Asia and the Countries of the Near East]. Ed. by A.U. Urunbaiev, A.B. Vildanov, S.I. Tabsybaiev. Tashkent: Fan, 1991, pp. 50–62 (in Russian).
- Petrushevskii I.P. *Islam v Irane v 7–15 vekakh* [Islam in Iran in the 7–15 Centuries]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1966 (in Russian).
- Prozorov S.M. “Misticheskaiia liubov' (al-mahabba) kak dominiruiushchaia ideia misticheskogo puti (at-tariqa)” [The Mystical Love (*al-mahabba*) as the Predominant Idea of the Sufi Path (*al-tariqa*)]. In: *Islam kak ideologicheskaiia sistema* [Islam as an Ideological System]. Vol. 2. Moscow: Nauka, Vostochnaia Literatura, 2016, pp. 138–155 (in Russian).
- Prozorov S.M. “Dukhovnye tsennosti sufiev v nadpisiakh na lichnykh veshchiakh” [The Sufi Spiritual Values in the Inscriptions on Personal Belongings]. In: *Islam kak ideologicheskaiia sistema* [Islam as an Ideological System]. Vol. 2. Moscow: Nauka, Vostochnaia Literatura, 2016, pp. 170–183 (in Russian).
- Rosenthal F. *Torzhestvo znaniia. Kontseptsii znaniia v srednevekovom islame* [Knowledge Triumphant. The Concept of Knowledge in Medieval Islam]. Transl. from English by S.A. Khomutov. Foreword and Preface of A.V. Sagadeiev. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1978 (in Russian).
- al-Sarraj, Abu Nasr at-Tusi. “Kitab al-luma' fi-t-tasawwuf (Samoie blistatel'noie v sufizme)” [Kitab al-luma' fi-l-tasawwuf (The Essentials of Sufism)]. Transl. by A.D. Knysh. In: *A Reader on Islam*. Ed. by S.M. Prozorov. Moscow: Izdatelskaia firma Vostochnaia Literatura, 1994, pp. 141–166 (in Russian).
- Schimmel A. *Mir islamskogo mistitsizma* [Mystical Dimensions of Islam]. Transl. from English by N.I. Prigarina and A.S. Rappoport. Moscow: Aleteia, Enigma, 1999.
- Shaqiq al-Balkhi. “Pravila bogopokloneniia ('Adab al-'ibadat)” [Rules of Conduct for Acts of Worship (*'Adab al-'ibadat*)]. Preface, Paper, Transl. and Comments by I.R. Nasyrov. *Ishraq. Iezhegodnik islamskoi filosofii* [Ishraq. Islamic Philosophy Yearbook], no 7, 2016, pp. 237–247 (in Russian).
- Smith M. *Rabi'a the Mystic and Her Fellow-Saints in Islam*. Cambridge: Cambridge University Press, 1928 (in English).
- Smith M. *Studies in Early Mysticism in the Near and Middle East*. London: Sheldon Press, 1931 (in English).

- Smith M. *An Early Mystic of Bagdad: A Study of the Life and Teaching of Hārith b. Asad... al-Muḥāsibī...* London: Sheldon Press, 1935 (in English).
- Sprenger A. *Das Leben und die Lehre des Mohammad...* Bd. 1–3. Berlin: Nicolai'sche Verlagsbuchhandlung, 1861–65 (in German).
- Stepaniants M.T. *Filosofskiiye aspekty sufizma* [Philosophical Aspects of Sufism]. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1987 (in Russian).
- Taneeva-Salamatshayeva L.Z. *Istoki sufizma v srednevekovoi Indii. Bratstvo Chishtiia* [The Origins of Sufism in Medieval India. The Chishtiyya Brotherhood]. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 2009 (in Russian).
- Torchinov Ye.A. *Religii mira: opyt zapredel'nogo. Psikhotehnika i transpersonal'nyie sostoianiia* [Religions of the World: Experience of the Transcendence. Transpersonal States and Psychotechnique]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1997 (in Russian).
- Trimingham J.S. *Sufiiskiiye ordeny v islame* [The Sufi Orders in Islam]. Transl. from English by A.A. Staviskaia, Ed. and Forward of O.F. Akimushkin. Moscow: Nauka, Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1989 (in Russian).

Early Sufism in Russian Islamic Studies: History and Prospects

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 105–118)

Received 15.01.2020.

Pavel V. Basharin

Russian State University for the Humanities; 125993 Moscow, GSP-3, Miuskaya Square 6, Russian Federation.

This paper concentrates on studies of early Sufism in Russia. Early Sufism has never been a traditional trend in Russian Islamic studies. A.Y. Krymskii's book (1896) shows the trend of the European positivist science of the late 19th — early 20th centuries. A vivid example of the psychology-centered European view of Islamic mysticism was K.K. Kazanski's work (1905). The books of Ye.E. Bertels and I.P. Petrushevski shaped the common view on Sufism accepted in the scholarly community of the Soviet Union. In some cases, Sufis became objects of studies as representatives of “free-thinking” tradition. A milestone for Russian Islamic study was the publication of the encyclopedic edition entitled *Islam: An Encyclopedic Dictionary* (1991) and *A Reader on Islam* (1994). In the post-Soviet period since the early 1990s, there has been an upsurge of interest in Sufism. However, the reader was provided with basic information about early Sufism by translated literature alone. Translations and researches of original early Sufi texts are rare. The only major book dealing with early Sufism is by I.R. Nasyrov — *The Foundations of Islamic Mysticism (Genesis and Evolution)*, 2009.

Key words: Russian Islamic studies, Krymski, Kazanski, Bertels, Petrushevski, “free thinking”, post-Soviet period, Knysh, Prozorov, Nasyrov.

About the author:

Pavel V. Basharin, Cand. Sci. (Philosophy), Assistant Professor of the Department of Modern East of the Faculty of History, Political Science and Law, Director of the Center of Iranian Studies in the Russian State University for the Humanities in Moscow (pbasharin@yandex.ru).

Российские монголоеды А.В. и Т.А. Бурдуковы (обзор фонда из Архива востоковедов ИВР РАН)

С.С. Сабрукова

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806220010094

Статья посвящена биографиям А.В. Бурдукова (1883–1943), его дочери Т.А. Бурдуковой (1912–1987) и описанию состава документов в их фонде (Ф. 165), хранящемся в Архиве востоковедов ИВР РАН (АВ ИВР РАН). В процессе работы над коллекцией документов были сформированы две описи: I. «А.В. Бурдуков, монголовед-филолог, коллекционер. Научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, труды других лиц, карты за 1909–1991 гг.»; II. «Т.А. Бурдукова, монголовед-филолог, доцент Восточного факультета ЛГУ. Научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, труды других лиц, коллекции печатных изданий за 1932–1987 гг.». Эти материалы могут быть интересны для исследователей как источники, отражающие историю развития монголоведной науки в России.

Ключевые слова: А.В. Бурдуков, Т.А. Бурдукова, изучение монгольских языков, литературы, фольклора, Архив востоковедов ИВР РАН.

Статья поступила в редакцию 10.02.2020.

Сабрукова Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ssabrukova@yandex.ru).

© Сабрукова С.С., 2020

На данный момент в России издано несколько работ, в которых описан жизненный путь и дана общая характеристика научного творчества А.В. Бурдукова (1883–1943), выборочно опубликована его переписка с российскими монголоведами. Так, в 1963 г. вышла из печати статья Е.М. Даревской «Алексей Васильевич Бурдуков (о роли русских поселенцев в изучении Монголии)» (Даревская 1963), в 1969 г. была издана монография «В старой и новой Монголии» (Бурдуков 1969), в 1971 г. — статья А.В. Бурдукова «Забытые страницы» (публикация и вступление Т.А. Бурдуковой) (Бурдуков 1971), позже появилось несколько статей Б.М. Нармаева «Т.А. Бурдукова: биографические материалы» (Нармаев 2013) и И.В. Кульганек «А.В. Бурдуков, монголовед трудной и интересной судьбы» (Кульганек 2013) с краткой характеристикой материалов в личном архиве А.В. и Т.А. Бурдуковых.

Алексей Васильевич Бурдуков — автор более 20 научных статей, отчетов о поездках к калмыкам, переводов художественных произведений, образцов монгольского фольклора (Бурдуков 1969: 415–416). Он собрал ценные коллекции предметов монгольского быта, рукописей, ксилографов, карт, образцов лингвистического и фольклорного материала.

Родился в 1883 г. в семье крестьянина-земледелца в деревне Боровая Туринского уезда Tobольской губернии. У его деда Андрея Яковлевича Бурдукова было трое детей: сын Василий и две дочери — Варвара и Наталья. У Василия от Елизаветы Сергеевны Чукреевой родился сын Алексей¹. Когда тому было всего два года, его отец скоропостижно скончался. В 1895 г., после окончания церковно-приходской школы, в 12 лет А.В. Бурдуков попал на службу к бийскому купцу Я.Е. Мокину, который занимался торговлей с Монголией. А.В. Бурдуков 19 лет (1895–1913) проработал в торговой компании Мокина на реке Хангельдик в Западной Монголии. В 1910 г. женился на дочери своего однофамильца и дальнего родственника (в четвертом колене) Аполлинару Ивановне, которая к тому времени окончила в Tobольске фельдшерско-акушерские курсы, и уехал вместе с ней в Монголию, через год у них родился сын, который умер в младенчестве (АВ ИВР РАН-1: 43). Позже у них родились три дочери — Таисия, Галина и Елизавета.

Во время работы он каждый день общался с монголами, принимал активное участие в их жизни, проявлял интерес к культуре, истории монгольского народа. Зимними вечерами монголы развлекались тем, что слушали былины и сказки, Алексей Васильевич стал их записывать и попутно собирать монгольские пословицы, поговорки и загадки (Там же: 44–45).

В 1908 г. А.В. Бурдуков встретился в г. Улясутае с секретарем российского консульства Э. Беренсом² и узнал, что историю Монголии изучают в Петербургском университете. В декабре 1909 г. он написал свое первое письмо В.Л. Котвичу (1872–1944), монголоведу, заведующему кафедрой монгольской филологии Санкт-Петербургского Императорского университета. С этого времени Алексей Васильевич занялся самообразованием — читал книги, журналы, газеты и теперь уже под руководством В.Л. Котвича стал собирать образцы устного народного творчества, литературные произведения, вести записи наблюдений жизни монголов, их быта и нравов. «Успеху собирательской деятельности Алексея Васильевича в большей степени способствовало дружеское расположение и доверие монголов. Встречая интересные и редкие рукописи, он получал их от владельцев на время, чтобы снять копии или прочесть с помощью писаря. За неимением времени он сам не делал этого, так как бегло читал и свободно писать по-монгольски научился значительно позже, когда перешел на преподавательскую работу» (Там же: 47). К 1910 г. А.В. Бурдуков за свою деятельность по собиранию монгольского фольклора был поощрен Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии денежным вознаграждением в размере

¹ В одной из биографий А.В. Бурдукова (с припиской «мой III экз.») его дочь Таисия Алексеевна пишет, что «цифровые данные и многие детали заимствованы мною из воспоминаний отца о своем детстве и школьных годах, а также рассказов моей матери А.И. Бурдуковой и тетки Т.Г. Чукреевой» (АВ ИВР РАН-1: 6–8). Здесь и далее в ссылках на архивные материалы указываются не страницы, а листы.

² Э.Л. Беренс окончил Восточный факультет Санкт-Петербургского университета; в 1908 г. исполнял обязанности секретаря консульства в Чугучаке, в 1909 г. — секретаря и драгомана консульства в Улясутае; в 1912–1915 гг. — секретарь консульства в Кашгаре, в августе 1915 г. причислен к отделу печати МИД (Бурдуков 1969: 400).

300 рублей на приобретение необходимых книг и рукописей для продолжения занятий по монгольской литературе и языку. В 1910 г. под редакцией В.Л. Котвича были изданы «Образцы байтских пословиц», которые Алексей Васильевич собрал, перевел на русский язык и снабдил комментариями.

В 1911 г. А.В. Бурдуков получил от совета Русского географического общества Малую серебряную медаль. В том же году состоялось знакомство А.В. Бурдукова с Б.Я. Владимирцовым (1884–1931), тогда учеником В.Л. Котвича, впоследствии известным исследователем-монголоведом, академиком АН СССР (1929). В 1912 г. Б.Я. Владимирцов заочно познакомил Алексея Васильевича с Г.Н. Потаниным (1835–1920), географом, этнографом, публицистом, ботаником. С февраля 1912 г. при поддержке Б.Я. Владимирцова и Г.Н. Потанина А.В. Бурдуков начал печатать свои наблюдения в виде заметок в журнале «Сибирская жизнь» под псевдонимом А. Чуец. Это сотрудничество продолжалось до 1917 г.

В первой четверти XX в. в собрание Азиатского Музея вошли небольшие коллекции монгольских рукописей и киелографов. Коллекция А.В. Бурдукова (32 ед. хр.) была создана в 1909–1912 гг. в Северо-Западной Монголии, где собиратель провел многие годы и пользовался большим доверием и расположением местного населения. К тому же, собирая рукописи, А.В. Бурдуков советовался с Б.Я. Владимирцовым, и эти два обстоятельства весьма положительно сказались на составе коллекции, в которой представлен целый ряд уникальных и ценных для науки письменных источников (Сазыкин 1988: 15). Помимо рукописей, киелографов, записей монгольского фольклора и различных документов, включающих письма монголов к нему, А.В. Бурдуков в 1910 г. отправил В.Л. Котвичу коллекцию дербетских³ вещей. В декабре 1912 г., находясь в г. Бийске, отправил фотографии видов Северо-Западной Монголии в количестве 125 штук с собственным описанием, они хранятся в АВ ИВР РАН (АВ ИВР РАН-2). В 1913–1916 гг. прислал для Зоологического института несколько коллекций. В начале 1914 г. он преподнес в дар Академии наук коллекцию икон и различных предметов буддийского культа из байтского⁴ монастыря, за что академик С.Ф. Ольденбург (1863–1934) по поручению Академии наук выразил А.В. Бурдукову искреннюю признательность. Осенью 1915 г. А.В. Бурдуков по просьбе известного этнографа Л.Я. Штернберга (1861–1927) доставил коллекцию шапок, которые носили представители народов, населявших Кобдоский округ Монголии. Различные коллекции были переданы им также в музеи Томска, Иркутска и Бийска.

Общение А.В. Бурдукова с учеными, знание им языка, истории, этнографии, географии Монголии способствовали тому, что он из коллекционера постепенно становится исследователем.

В 1914 г. А.В. Бурдуков совместно со своими бывшими сослуживцами из компании купца Я.Е. Мокина организовал товарищество — кооператив «Бурдуков и К^о», занимавшийся поставками промышленных товаров в Монголию и закупкой там сырья. В 1919 г. товарищество распалось, а сфера его деятельности перешла к Сибирскому отделению Центросоюза. В этом же году он познакомился с историком, публици-

³ Дербеты в начале XVII в. вместе с торгутами, хошутами и чоросами кочевали в степях Джунгарии и в верховьях Иртыша. Одна часть дербетов в 30-х годах XVII в. перекочевала в низовья Волги, другая во второй половине XVIII в. была переселена маньчжурами в западные области Монголии (Бурдуков 1969: 375).

⁴ Байты (баяты) живут в Убсунурском аймаке, по южную и северную стороны хребта Тогтохын-Шил. На севере их земли достигают берегов оз. Убсу-нур и р. Тэс, на востоке реки Хангельчик. До середины XVIII в. байты входили в состав Джунгарского ханства (Бурдуков 1969: 373)

стом, впоследствии дипломатом И.М. Майским (Яном Ляховецким, 1884–1975), общение с которым «помогло ему избавиться от идеалистических представлений о путях преобразования общества» (Бурдуков 1969: 16). Вплоть до самого переезда в Ленинград (1927) Алексей Васильевич работал в российско-монгольских торговых организациях: был представителем Иркутской конторы Центросоюза, заведующим Прикосокольской конторой в Монголии (1921), заместителем заведующего монгольской конторы Сибгосторга в Новосибирске (1925).

15 февраля 1927 г. А.В. Бурдуков был принят на работу в Ленинградский институт живых восточных языков⁵, а осенью его пригласили в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) на должность доцента тюрко-монгольской кафедры, где он преподавал монгольский разговорный язык. А.В. Бурдуков вел также занятия на курсах национальных меньшинств Советского Востока при Педагогическом институте им. Герцена.

За время работы в университете А.В. Бурдуков совершил ряд научных экспедиций, история которых подробно изложена И.В. Кульганек (Кульганек 2013: 7). В 1927 г. участвовал в экспедиции экономических изысканий Барнаул–Минусинск–Тувинская республика от Народного комитета путей сообщения. В 1929 г. по поручению Монгольской комиссии Академии наук СССР совершил этнолингвистическую поездку к каракольским калмыкам — малоизвестной группе калмыков, проживающих на территории современной Киргизии. В 1932 г. изучал колхозное строительство в Калмыцком районе Северокавказского края, одновременно посетил Калмыцкую автономную область, где познакомился с деятельностью местных научно-исследовательских организаций. В 1934 г. был командирован Ленинградским восточным институтом к волжско-донским калмыкам с целью собрать произведения устного народного творчества, а также изучить их хозяйство и быт. В 1935 г. в Приморском районе Калмыцкой АССР знакомился с работой рыбной промышленности, посетил также кочевые районы республики, собирая фольклорный и статистический материалы. В 1939 г. Институт литературы Академии наук СССР послал А.В. Бурдукова в Калмыцкую АССР и Калмыцкий район Ростовской области для записи местных песен.

Экспедиции позволили ученому собрать большой полевой материал, приобрести опыт в его обработке, анализе и написании научных трудов. Но деятельность А.В. Бурдукова прервалась, так как в 1941 г. его арестовали и осудили на 10 лет. 13 марта 1943 г. он умер в лагункте Тайгинского района СибЛага. Реабилитирован в 1956 г.

Документы А.В. Бурдукова и его дочери Т.А. Бурдуковой передала в АВ ИВР РАН 16 декабря 2013 г. Инна Георгиевна Бурдукова, вдова сына Т.А. Бурдуковой, в количестве пяти коробок и трех связок. Их зарегистрировали как личный фонд А.В. и Т.А. Бурдуковых под номером 165⁶. Часть материалов из личного архива Т.А. Бурдуковой была передана ее учеником Бадмой Морхаджиевичем Нармаевым.

⁵ В 1927 г. преобразован в Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе (ЛВИ). Основная задача института заключалась в подготовке специалистов для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком, а также научных работников для востоковедных вузов и научных учреждений. ЛВИ был закрыт в июне 1938 г. после многочисленных арестов его преподавателей и студентов (Кононов, Иорш 1977: 22–23, 89–91).

⁶ Большая часть документов А.В. Бурдукова, содержащая дневники экспедиций, полевые материалы, отражающие различные аспекты жизни общества до 1941 г., была приобретена Калмыцким институтом гуманитарных исследований (Научный архив КИГИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр.169).

В результате научно-технической обработки сформировано 429 дел, объединенных в две описи. В настоящее время их оглавление выглядит следующим образом (в скобках даны крайние даты документов в описях и разделах):

Опись I. А.В. Бурдуков, монголовед-филолог, коллекционер. Научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, труды других лиц, карты за 1909–1991 гг.

1. Научные труды и материалы к ним (1909 — не позднее 1943)
  - 1.1. Монографии, статьи, заметки и тезисы А.В. Бурдукова по калмыцкому языку и истории калмыков (1929 — не позднее 1941)
  - 1.2. Статьи и заметки по монгольскому языку и истории монголов (1921–1939)
  - 1.3. Историографические заметки (1921 — не позднее 1943)
  - 1.4. Подготовительные материалы А.В. Бурдукова ([1930]–1938)
2. Документы к биографии (1910–1991)
  - 2.1. Личные и бытовые документы (1910–1943)
  - 2.2. Документы об А.В. Бурдукове (1960–1991)
  - 2.3. Фотоматериалы (1911–1938)
    - 2.3.1. А.В. Бурдуков с женой и друзьями, его коллеги (1911–1938)
    - 2.3.2. Видовые фотографии (1910–1921)
3. Документы по деятельности (1909 — не позднее 1940)
  - 3.1. Документы и переписка по торговой и организационно-преподавательской деятельности (1913–1939)
  - 3.2. Переписка по научным вопросам (1909–1940)
4. Переписка Бурдукова А.В. (1913–1942)
  - 4.1. Письмо Бурдукова А.В. (1942)
  - 4.2. Письма к Бурдукову А.В. (1913–1939)
5. Материалы родственников А.В. Бурдукова и Т.А. Бурдуковой ([1910]–1989)
6. Материалы других лиц (1908–1940)
7. Карты (1884–[1930])

Опись II. Т.А. Бурдукова, монголовед-филолог, доцент Восточного факультета ЛГУ. Научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, труды других лиц, коллекции печатных изданий за 1932–1987 гг.

1. Научные труды и материалы к ним (1935 — не позднее 1987)
  - 1.1. Монографии, статьи, заметки по монгольскому фольклору, литературе, языку (1935 — не позднее 1987)
  - 1.2. Статьи по калмыцкой тематике (1940-е — не позднее 1987)
  - 1.3. Статьи по бурятской тематике (1944 — не позднее 1987)
  - 1.4. Разное (не позднее 1987)
  - 1.5. Курсы лекций и хрестоматии (1949 — не позднее 1976)
  - 1.6. Программы, методические пособия (1948 — не позднее 1976)
  - 1.7. Переводы (1946–1983)
  - 1.8. Подготовительные материалы к научным трудам и переводам (1941 — не позднее 1987)
  - 1.9. Отзывы, рецензии, замечания (1948–1973)
2. Документы к биографии (1932–1987)

- 2.1. Биографические документы (1932–1987)
- 2.2. Документы о Т.А. Бурдуковой (1944–1987)
- 2.3. Фотоматериалы (1930-е — не позднее 1987)
3. Документы по деятельности (1938–1981)
  - 3.1. Документы о научно-организационной деятельности (1938–1981)
  - 3.2. Документы о калмыцко-русском словаре (1957–1961)
  - 3.3. Документы о педагогической деятельности (1949–1976)
4. Переписка (1948–1983)
  - 4.1. Письма Т.А. Бурдуковой (1956–1973)
  - 4.2. Письма к Т.А. Бурдуковой (1948–1977)
5. Материалы других лиц (1935–1981)
6. Коллекция печатных статей и документов на старомонгольской и ойратской письменности, монгольском, бурятском и калмыцком языках А.В. и Т.А. Бурдуковых (1912–1975)

Опись I «А.В. Бурдуков, монголовед-филолог, коллекционер. Научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, труды других лиц, карты за 1909–1991 гг.» включает 118 дел и состоит из семи разделов.

Раздел 1 «Научные труды и материалы к ним (1909 — не позднее 1943)» содержит 30 дел и делится на четыре подраздела, которые сформированы по хронологическому принципу.

В подраздел 1.1 «Монографии, статьи, заметки и тезисы А.В. Бурдукова по калмыцкому языку и истории калмыков (1929 — не позднее 1941)» вошли работы по изучению ойратских этнических групп, их истории, языку и фольклору. Данный пласт материалов составляют: статьи «Следы родового строя у современных ойратов», «Ойратские и калмыцкие сказители»; очерк «Предыстория волжских калмыков»; «Калмыцко-русский словарь», подготовленный им совместно с Таисией Алексеевной в 1940 г., но который так и не был опубликован, хотя позже она предпринимала безуспешные усилия издать этот словарь (АВ ИВР РАН-3); справочная статья «Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика» с фотографиями г. Элисты, местных жителей и рисованной картой Автономной Калмыцкой области (1936), написанная для журнала «Колхозник»; совместная с Н.Н. Поппе статья, посвященная «Джангару⁷»; переводы торгутского варианта⁸ «Джангара»; курс лекций по калмыцкому языку; опись калмыцких песен, собранных во время фольклорной экспедиции. Из вышеперечисленных работ был издан только перевод торгутского варианта «Джангара» в журнале «Улан туг» («Красное знамя». 1940, № 7).

В подразделе 1.2 «Статьи и заметки по монгольскому языку и истории монголов (1921–1939)» представлены первые работы А.В. Бурдукова о жизни монголов: краткие заметки о монгольской прессе; статьи, опубликованные А.В. Бурдуковым в журналах «Алтай» и «Сибирская жизнь», в газете «Сибирские огни» под псевдонимом «Чуец»; перевод монгольской революционной пьесы «Банзарагчи» с монгольского языка на русский.

Следующий этап жизни А.В. Бурдукова начинается в 1927 г., после переезда в Ленинград, где он стал преподавать монгольский разговорный язык и столкнулся с не-

⁷ «Джангар» — калмыцкий народный эпос.

⁸ На торгутском диалекте калмыцкого языка.

достатком учебных пособий и словарей. Находясь на службе в Ленинградском восточном институте, он составил «Разговорник монгольского языка» — литографированное издание 1935 г. для внутриинститутского использования. Для журнала «Колхозник» написал справочную статью «Монгольская народная республика» в 1935 г. В 1937 г. вышел из печати «Русско-монгольский словарь».

Подраздел 1.3 «Историографические заметки (1921 — не позднее 1943)» содержит небольшие публикации о людях, с которыми А.В. Бурдукову доводилось работать или встречаться по долгу службы: напечатанные в иркутской газете «Власть труда» статьи о священнике Ургинской консульской церкви Федоре Александровиче Парнякове (1870–1921), художнике Григории Ивановиче Гуркине — основателе алтайской национальной живописи (Бурдуков 1969: 389, 393).

В подраздел 1.4 «Подготовительные материалы А.В. Бурдукова ([1930]–1938)» вошли краткие конспекты, выписки из различных справочных изданий и газет.

В большинстве своем научные труды А.В. Бурдукова посвящены изучению современных монгольских разговорных языков, народного творчества, исследованию полевых материалов, собранных фондообразователем.

Раздел 2 «Документы к биографии (1910–1991)» включает 28 дел и делится на три подраздела.

В подраздел 2.1 «Личные и бытовые документы (1910–1943)» вошли материалы о присуждении наград, избрании действительным членом Восточносибирского отдела РГО, автобиографии, списки трудов (1911–1932), записная книжка с заметками бытового и научного характера (1930–1934). Кроме того — копия письма от 9 июля 1943 г. заместителя прокурора Исправительно-трудового лагеря на имя А.И. Бурдуковой (супруги А.В. Бурдукова) о его смерти; копия справки от 8 января 1957 г. о его реабилитации.

В подраздел 2.2 «Документы об А.В. Бурдукове (1960–1991)» включены биографии А.В. Бурдукова, написанные его дочерью на основе архивных материалов, воспоминания и публикации о нем, краткий список документов, составленный его младшей дочерью Е.А. Бурдуковой (1991 г.).

Подраздел 2.3 «Фотоматериалы (1911–1938)» состоит из двух частей: первая — фотографии А.В. Бурдукова с женой, друзьями и коллегами (1911–1938), в которую вошли индивидуальные портреты, групповые семейные снимки, сделанные в Монголии и Ленинграде; вторая — видовые фотографии, тематические снимки видов местности Северо-Западной Монголии (1910–1921).

Раздел 3 «Документы по деятельности (1909 — не позднее 1940)» включает 22 дела и делится на два подраздела.

Подраздел 3.1 «Документы и переписка по торговой и организационно-преподавательской деятельности (1913–1939)» в основном составляют материалы, связанные с деятельностью А.В. Бурдукова как торгового агента в Северо-Западной Монголии. Среди них: два письма Непременного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга с признательностью за дары Академии коллекции буддийских икон, предметов по буддизму и Азиатскому Музею монгольских книг от 8 февраля 1913 г. и 11 января 1928 г.; контракт на перевозку почты, заключенный в г. Кобдо 20 июня 1917 г.; подлинные удостоверения, выданные А.В. Бурдукову на выезд и въезд в Монголию (1923–1924); переписка с общественным деятелем И.Г. Сафьяновым (1873–1953) о будущем торгово-экономических связей с Монголией (1922); план работы на 1937 г. в Ленинградском восточном институте.

В подраздел 3.2 «Переписка по научным вопросам (1909–1940)» вошли письма монголоведов В.Л. Котвича с 1909 по 1928 г. (подлинники и копии в двух тетрадах) и Б.Я. Владимирцова — с 1912 по 1924 г. (подлинники); путешественника Г.Н. Потанина с просьбой сообщать новости монгольской жизни, собирать и записывать монгольские сказки (1912–1918); письма из редакции газеты «Сибирская жизнь», Томского общества изучения Сибири о сотрудничестве в области исследования Монголии (1912–1913, 1916); письма историка, публициста, дипломата И.М. Майского по научным вопросам, общественно-политической ситуации в мире, в стране и др. с 1920 по 1924 г.

Раздел 4 «Переписка А.В. Бурдукова (1913–1942)» содержит 11 писем: копию письма фондообразователя дочерям Гале и Лизе от 15 октября 1942 г. и десять писем от коллег и друзей. Здесь же, но особняком, одно дело, обозначенное ***, так как это письма Борису Яковлевичу [Владимирцову] от [И.Г.] Боброва о передаче денег на библиотеку, с упоминанием [М.Ф.] Минина.

В подавляющем большинстве сохранилось одно-два письма от корреспондентов. Среди авторов — этнограф, путешественник А.В. Адрианов, академик, китаист В.М. Алексеев, калмыцкий писатель Б.Б. Басангов, путешественник Г.Е. Грум-Гржимайло, художник Г.И. Гуркин, монголовед Ц.Ж. Жамцарано. Исключением являются письма от писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1882–1964), который в 1910 г. был редактором газеты «Жизнь Алтая». В своих произведениях он изображал жизнь крестьян Западной Сибири и кочевников-киргизов (Бурдуков 1969: 388). Имеется 11 писем от него с 1913 по 1916 г.

Раздел 5 «Материалы родственников А.В. Бурдукова и Т.А. Бурдуковой ([1910]–1989)» состоит из 10 дел, в основном это документы, касающиеся А.И. Бурдуковой, супруги фондообразователя. Среди них объявление российского консульства в Улясутае о приезде жены Бурдукова — Аполлинарии Ивановны, которая имела медицинское образование и могла сделать прививку от оспы (1911); удостоверения о том, что предьявительница сего является супругой А.В. Бурдукова (1921–1923); благодарственное письмо А.И. Бурдуковой от Ботанического музея АН СССР в Ленинграде за передачу собранной ею в Монголии коллекции растений (1926); письма родственников из Свердловской области, Севастополя, Евпатории и других мест, адресованные А.И. Бурдуковой и членам семьи.

Раздел 6 «Материалы других лиц (1908–1940)» включает 10 единиц хранения. Дела систематизированы по фамилиям авторов в алфавитном порядке. Содержит в основном изданные труды И.А. Бодуэн де Куртене, С.А. Козина, Б.Э. Петри, А.М. Позднева, Н.Н. Поппе, Х. Чойбалсана. Здесь можно выделить «Оборванные строфы (лирические стихотворения Бо Цзюй-и, VIII в.)» Б.А. Васильева — перевод стихов с древнекитайского языка с предисловием автора, из них некоторые вошли в состав издания «Восток (первый сборник). Литература Китая и Японии» (Васильев 1935: 129–138), а также неполный перевод с японского на русский язык драматического сказа для кукольного театра первой четверти XVIII в. Тикамацу Мондзаэмона «Копьеносец Гонза, или Две летних одежды одна на другой», сделанный Н.А. Невским. Последняя работа, по-видимому, готовилась к публикации, так как на первом листе есть надпись от руки (неустановленного лица): «В сбор. „Мир[овая] лит[ература]“». В этом же разделе представлена подборка газетных статей разных авторов о калмыцком фольклоре (1935–1940).

Раздел 7 «Карты (1884–[1930])» состоит из семи дел, в большинстве своем эти материалы находились в личном пользовании фондообразователя как для научных, так и для практических целей. Расположены по хронологии: «Карта Азиатской России, с прилегающими к ней владениями», типографский экземпляр, 1884 г.; «Карта южной пограничной полосы азиатской России с городами Кобдо, Урга, Пекин, 1887 г.» с рабочими пометами А.В. Бурдукова; «Карта озера Косогол», составлена по съемкам 1905, 1907 и 1908 гг. В. Дорогостайским, действительным членом Восточносибирского отдела Императорского Русского географического общества; «Географический атлас МНР» А.Д. Симукова — географа, монголоведа и этнографа (1924); «Северо-Кавказский край», типографский экземпляр (1929); «Административная и схематические карты Калмыцкой АССР», рукописные копии (1930-е годы).

Таисия Алексеевна Бурдукова родилась 23 мая 1912 г. в Монголии в местности Хангельцик (АВ ИВР РАН-4: 2). В 1927 г. вместе с семьей переехала в Ленинград. В июне 1934 г. она окончила ЛИФЛИ⁹, а 15 января 1934 г., будучи студенткой последнего курса, по рекомендации Н.Н. Поппе¹⁰ была принята на работу в Институт востоковедения (ИВ) АН СССР в качестве младшего научного сотрудника Монгольского кабинета (Сабрукова 2018: 62). В общей сложности Т.А. Бурдукова проработала в ИВ около 14 лет (с небольшим перерывом в 1942 г.): с 1934 по 1948 г. Здесь она проявила себя как специалист, готовый выполнить и научно-технические задания, и исследования.

Во время работы в ИВ Т.А. Бурдукова всегда совмещала научную деятельность с преподавательской. Три года (1933–1936) работала на курсах нацменьшинств Советского Востока и одновременно — библиотекарем в ЛИФЛИ. В 1937 г. она в составе экспедиции совместно с МАЭ АН СССР с начала марта до середины апреля находилась в научной командировке в Калмыкии для сбора материалов по калмыцкому языку и фольклору. В этом же году произошли изменения в личной жизни Таисии Алексеевны: она вышла замуж и родила сына.

Т.А. Бурдукова составила полную библиографию книг на бурят-монгольском и калмыцком языках, описала коллекцию бурятских фольклорных текстов, хранящихся в ИВ, подготовила каталоги: архивных фольклорных материалов и всех монголоведных книг ИВ, а также книг на монгольском, бурятском и калмыцком языках. Принимала участие в плановой работе Монгольского кабинета по подготовке монгольско-русского словаря, занималась переводами монгольских сказок и исторических сочинений с ойратского языка на русский. С 1937 по 1942 г. преподавала монгольский, ойратский и калмыцкие языки на тюрко-монгольской кафедре Филологического факультета ЛГУ. В октябре 1939 г. ИВ заключил договор сроком на два года с А.В. Бур-

⁹ Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ) был создан в 1930–1931 гг. как Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ) в результате выделения Историко-лингвистического факультета ЛГУ; при организации в нем философского отделения (1933) переименован в ЛИФЛИ. Размещался на Университетской набережной, 11.

¹⁰ Поппе Николай Николаевич (27.07.1897, г. Чифу, Китай — 08.06.1991, г. Сиэтл, США) — монголист и тюрколог, один из основоположников научной алтаистики, профессор (1926), член-корреспондент АН СССР (1932–1946), Берлинской (1957), Финской (1977) и Британской (1978) академий. Окончил монгольское отделение Факультета общественных наук Петроградского университета (1921). Работал научным сотрудником (с 1931 г. зав. Монгольским кабинетом) в Азиатском Музее (с 1930 г. — Институт востоковедения АН СССР), одновременно преподавал в Петроградском (Ленинградском) университете (1921–1941) и Институте живых восточных языков (до 1938 г.).

дуковым (не состоявшим в штате института) и Т.А. Бурдуковой для составления «Калмыцко-русского словаря» объемом 40 п.л. Эту работу надлежало завершить к июню 1940 г., но закончить ее к назначенному сроку не удалось из-за недостаточного финансирования. Рукопись словаря объемом 40 п.л. была сдана в Монгольский кабинет 31 декабря 1940 г. (Сабрукова 2018: 64).

Во время блокады Т.А. Бурдукова жила и работала в Ленинграде, перенесла все тяготы войны, похоронила дочь, умершую от голода. В июне 1942 г. была уволена в связи с эвакуацией ИВ из Ленинграда. Почти два года она вместе со своей семьей переезжала из одного места в другое: сначала в село Коркино Туринского района Свердловской области (там она работала учителем в школе), затем к мужу в г. Алма-Ату, где устроилась библиотекарем в Казахском педагогическом институте. 23 ноября 1942 г. была восстановлена в монгольском секторе ИВ и прикомандирована по месту жительства к Институту языка и мышления им. Н.Я. Марра, находившемуся в то время в Алма-Ате. В сентябре 1943 г. переехала в Ташкент, куда эвакуировался ИВ.

Т.А. Бурдукова была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью участника трудового фронта «XXX лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медалью «В память 250-летия Ленинграда» (Нармаев 2013: 12).

19 января 1945 г. Т.А. Бурдукова, находясь в Ташкенте, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева». В мае 1945 г. вернулась в Ленинград и возобновила преподавательскую работу на Восточном факультете ЛГУ. Из ИВ АН СССР она была уволена 15 ноября 1948 г. ввиду отсутствия штатной единицы (АВ ИВР РАН-4: 46).

На кафедре монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ Т.А. Бурдукова проработала до 1976 г. Таисия Алексеевна всегда отдавала предпочтение научно-педагогической деятельности, поэтому, когда ее уволили, полностью посвятила себя преподаванию. На основе лекционных курсов по монгольской литературе (как современной, так и старой) она составила учебное пособие с приложением, где представлены тексты на монгольском языке. Среди неопубликованных работ есть учебник ойратского языка. Она занималась переводами сказок с монгольского языка, современной монгольской литературы. Большую часть ее архивных материалов составляют курсы лекций по истории монгольской литературы, по монгольскому фольклору, хрестоматии, проекты учебных пособий по ойратскому и калмыцкому языкам. Наряду с преподавательской деятельностью она много времени уделяла переводам произведений современных монгольских писателей — Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдинсүрэн, С. Дашдорова и др. В процессе работы над составлением описи архивных материалов нам удалось дополнить список опубликованных работ Т.А. Бурдуковой на пять единиц. Так, например, Б.М. Нармаев в своей статье, посвященной фондообразователю, пишет, что список ее трудов составляют 15 работ (Нармаев 2013: 14). Им не были учтены следующие опубликованные работы: 16. *Чойжилсүрэн Л.* Стук копыт / Пер. с монг. Т.А. Бурдуковой. М.: Прогресс, 1973; 17. *Хуушан Л.* Маленькая история / Пер. с монг. Т.А. Бурдуковой // Современная монгольская новелла. М.: Прогресс, 1974. С. 206–217; 18. *Дамдинсүрэн Ц.* Отвергнутая девушка, Ламский бальзам / Пер. с монг. Т.А. Бурдуковой // Повести монгольских писателей. Т. 1. М.: Художественная литература, 1982; 19. *Дашдоргов С.* Новый год среди звезд / Пер. с монг. Т.А. Бурдуковой // *Дашдоргов С.* Избранное. М.: Радуга, 1984. С. 432–440; 20. *Нацагдорж Д.* Сын

старого мира, Чудеса культуры, Слезы ламы, Мрачные скалы, Ветер на рассвете и удары шеста, Воскресный день весной, Шувун Сарал — Быстроногий буланый скакун / Пер. с монг. Т.А. Бурдуковой // Рассказы монгольских писателей. Т. 1. М.: Художественная литература, 1984.

За заслуги в воспитании квалифицированных специалистов, за свой вклад в развитие и популяризацию монгольской культуры Т.А. Бурдукова в 1967 г. была награждена медалью Монгольской Народной Республики «Найрамдал» («Дружба»). Через два года, в 1969 г., Союз писателей МНР удостоил ее Почетным дипломом за вклад в развитие монгольской художественной литературы. В 1972 г. президиум Верховного совета Бурятской АССР наградила Т.А. Бурдукову Почетной грамотой за заслуги в деле подготовки кадров востоковедов для республики.

Таисия Алексеевна достойно продолжила дело своего отца-востоковеда. Она была хорошим специалистом в области монгольского языка, литературы, устного народного творчества и талантливым педагогом.

Опись II «Т.А. Бурдукова, монголовед-филолог, доцент Восточного факультета ЛГУ. Научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, труды других лиц, коллекции печатных изданий за 1932–1987 гг.». В ходе научно-технической обработки было сформировано 311 дел. Опись состоит из шести разделов. В силу разных причин большую часть архива Т.А. Бурдуковой составляют неопубликованные материалы, поэтому, чтобы не писать в каждой графе «Не опубл.», эта позиция в описи была опущена. Изданные труды в описи отражены с указанием выходных данных.

Раздел 1 «Научные труды и материалы к ним (1935 — не позднее 1987)» содержит 156 дел и делится на девять подразделов. Внутри этих девяти подразделов дела систематизированы по хронологии. Первые три подраздела отражают основную тематику исследований Т.А. Бурдуковой.

Подраздел 1.1 «Монографии, статьи, заметки по монгольскому фольклору, литературе, языку (1935 — не позднее 1987)» включает 21 дело. Здесь находятся: неопубликованная монография «Современная монгольская литература», том 1 (конец XIX — начало XX в.); подготовительные материалы к переводу монгольской исторической хроники «Болор Толи» («Хрустальное зеркало»); ранние переводы произведений Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдинсурэна с редакторскими правками Б.И. Панкратова (1892–1979), специалиста в области китайского, маньчжурского и монгольского языков; неопубликованные статьи «Монгольская литература первых лет революции», «Монгольский язык и письменность», «Ойратский язык», «Творчество Дондогина Цэвэгмида»; небольшие заметки о периодической печати МНР, об описании монгольских рукописей и др.

Подраздел 1.2 «Статьи по калмыцкой тематике (1940-е — не позднее 1987)» составляют шесть дел. Четыре из них можно отнести к совместной деятельности с А.В. Бурдуковым: фрагменты предисловий к переводам баитской и сарт-калмыцкой версий «Джангара»; сарт-калмыцкий вариант «Джангара», перевод; карточки для калмыцко-русского словаря от «А» до «Я»; «Предисловие к калмыцко-русскому словарю», «О построении калмыцко-русского словаря. Условные сокращения», «Материалы по калмыцко-русскому словарю. Учет калмыцкого словаря. Вопросы по словарю», «Условные сокращения». Два других дела — материалы к «Калмыцко-русскому

словарю» с исправлениями и дополнениями и «Библиография литературы на калмыцком языке». К более поздним работам можно отнести «Учебник современного калмыцкого языка» и «Библиографию калмыцкого письма».

В подраздел 1.3 «Статьи по бурятской тематике (1944 — не позднее 1987)» включены три дела, которые связаны с диссертацией Т.А. Бурдуковой: собственно текст исследования «Летописи хоринских бурят. Хроники Шираб-Нимбо Хобитуева» и публикации по данной теме.

Подраздел 1.4 «Разное (не позднее 1987)» — это три дела: о легенде происхождения оз. Байкал, о рукописном фонде Восточной библиотеки ЛГУ и материалы о погребении «Бигармиджид хан».

Следующие два подраздела связаны с преподавательской деятельностью Т.А. Бурдуковой:

1.5 «Курсы лекций и хрестоматии (1949 — не позднее 1976)» — 23 дела. Сюда вошли: хрестоматии по современному монгольскому и ойратскому языкам, по калмыцкой литературе; курсы лекций по героическому эпосу монголов, истории современной монгольской литературы, монгольской феодальной литературе и фольклору; отдельные лекции по разговорному языку и по фонетике монгольского языка.

1.6 «Программы, методические пособия (1948 — не позднее 1976)» — 23 дела. Здесь представлены составленные фондообразователем планы преподавания по монгольскому, ойратскому, современному калмыцкому языкам; монгольской литературе, фольклору; различных спецкурсов по монгольской литературе и калмыцкому языку.

В подраздел 1.7 «Переводы (1946–1983)» вошли многочисленные переводы Т.А. Бурдуковой, большая часть из которых не была опубликована. Дела систематизированы не по хронологии, а по фамилиям авторов в алфавитном порядке, чтобы наглядно можно было увидеть, над какими произведениями/авторами работала Т.А. Бурдукова. Среди переводимых ею авторов были такие известные монгольские писатели, как Ц. Дамдинсурэн, Д. Нацагдорж, а также Ч. Ойдов, С. Удвал и др. При работе с документами фонда было выявлено, что есть опубликованные переводы, которые не вошли в список ее печатных работ. Об этом писал Б.М. Нармаев (Нармаев 2013: 14).

Подраздел 1.8 «Подготовительные материалы к научным трудам (1941 — не позднее 1987)» состоит из 24 дел, среди которых материалы о монгольской письменности, подборки газетных статей по теме ее исследований, выписки из работ разных авторов и многое другое.

В подразделе 1.9 «Отзывы, рецензии, замечания (1948–1973)» — отзывы на работы П.Ц. Биткеева, Л.К. Герасимович, Б.Н. Камешкова, Б.И. Кузнецова, И.В. Кульганек, Г.И. Михайлова, Ф. Намжилцэвэна, Л.С. Пучковского и др.

Раздел 2 «Документы к биографии (1932–1987)» включает 19 дел и делится на три подраздела:

2.1 «Биографические документы (1932–1987)» — характеристики, автобиографии, заявления, ходатайства, документы о присуждении наград (12 дел).

2.2 «Документы о Т.А. Бурдуковой (1944–1987)» — три дела, среди них отзыв о ее диссертации С.А. Козина, характеристики о ее работе, данные Д.А. Алексеевым, В.В. Струве, М.Н. Боголюбовым, некролог, написанный Б.М. Нармаевым (1987).

2.3 «Фотоматериалы (1930-е — не позднее 1987)» — четыре дела, но, к сожалению, в них представлены только фотографии коллег и знакомых Т.А. Бурдуковой: портрет Б.И. Панкратова с супругой Р.Г. Карлиной, Н.Н. Поппе, Ц. Дамдинсурэна

(индивидуальные и групповой с семьей) с дарственными надписями. Нет фотографий Таисии Алексеевны и в Описи I.

Раздел 3 «Документы о деятельности (1938–1981)» содержит 25 дел и делится на три подраздела:

3.1 «Документы о научно-организационной деятельности (1938–1981)» — 15 дел, из которых три связаны с работой фондообразователя в ИВ АН СССР; несколько писем Таисии Алексеевны в различные издательства о публикации ее переводов, а также коллегам о сотрудничестве в деле переводов произведений современных монгольских писателей; отчеты о научно-исследовательской работе.

3.2 «Документы о калмыцко-русском словаре (1957–1961)» — семь дел, которые относятся к борьбе Т.А. Бурдуковой за авторские права на словарь и представляют собой официальную переписку с издательством по поводу издания словаря и адвокатом, иски в суды, кассационные жалобы и др.

3.3 «Документы о педагогической деятельности (1949–1976)» отражают основные аспекты трудовой деятельности в ЛГУ (три дела). Здесь представлены документы о работе Т.А. Бурдуковой на кафедре монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ: помесечный список заседаний кафедры; табель рабочих часов; плановое распределение педагогических поручений; погодные рабочие записи по дисциплинам, памятка о задачах преподавания литературы на кафедре; извещение о заседании кафедры монгольской филологии по вопросу защиты дипломных работ студентов [?] Хазанкиной и А.Б. Соктоева (1931–1998); инструкция, адресованная заведующему кафедрой монгольской филологии, о подготовке к зимней экзаменационной сессии; заявление Т.А. Бурдуковой на имя заведующего кафедрой Д.А. Алексева о нежелании посещать занятия по методике преподавания разговорного языка и отказе с 1961 г. от преподавания разговорного монгольского языка; заявление декану Восточного факультета ЛГУ проф. А.Н. Кононову о переводе на полную ставку. Материалы в подразделе размещены в хронологическом порядке.

Раздел 4 «Переписка (1948–1977)» состоит из 63 дел и делится на два подраздела:

4.1 «Письма Т.А. Бурдуковой (1956–1973)» — 21 дело. Среди адресатов — исследователь П.Э. Алексева, историк Е.М. Даревская, фольклорист У. Загдарсурэн, Л.В. Зевина (супруга Ц. Дамдинсурэна), калмыцкий писатель С.К. Каляев, калмыцкий ученый, педагог У.У. Очиров, монголовед В.Э. Раднаев и др.

4.2 «Письма к Т.А. Бурдуковой (1948–1977)» — 43 дела. Среди корреспондентов — ученый, педагог Д.А. Алексеев; историк-монголовед П.Б. Балданжапов; востоковед-филолог, бывший ее студент П.Ц. Биткеев; фольклорист Т.М. Балдонова; коллега, индолог Д. Бондарева; специалист в области монгольской литературы, коллега Л.К. Герасимович; историк Е.М. Даревская; монгольский ученый У. Загдарсурэн; калмыцкий писатель С.К. Каляев; венгерский монголовед Д. Кара; монголовед, педагог З.К. Касьяненко; монголовед Г.И. Михайлов; специалист в области сравнительного языкознания, бывший ее студент В.И. Рассадин; калмыцкий ученый У.У. Очиров; историк-краевед С.Я. Пахаев; ученый Б.К. Пашков; советский монголовед Г.Д. Санжеев; бурятский ученый Б.Д. Цибилов; специалист в области монгольского фольклора Н.О. Шаракшинова; монголовед-историк Н.П. Шастина и др. Фондообразователь вела активную переписку с коллегами, друзьями, бывшими студентами и даже с их родителями.

Раздел 5 «Материалы других лиц (1935–1987)» содержит 30 дел. Единицы хранения расположены по фамилиям авторов в алфавитном порядке. В основном это кур-

совые, дипломные работы студентов, учебные программы коллег, отзывы, статьи, тезисы и письма. Среди авторов: Д.А. Алексеев, А.А. Аль, Г.Ц. Бельгаев, Л.К. Герасимович, Ц. Дамдинсурэн, Е.М. Даревская, Ж. Доржсурэнхорло, В.А. Казакевич, З.К. Касьяненко, А.П. Конаков, Б.И. Король, В.Л. Котвич, Д.Н. Кугультинов, В.М. Наделяев, Б.К. Пашков, Н.Н. Поппе, Р.Е. Пубаев, Л.С. Пучковский и др.

Раздел 6 «Коллекция печатных статей и документов на старомонгольской и ойратской письменности, монгольском, бурятском и калмыцком языках А.В. и Т.А. Бурдуковых (1912–1975)» состоит из 25 дел. В большинстве своем это печатные издания официальных документов монгольского правительства в виде указов, постановлений, предписаний на старомонгольской письменности, отдельных бурятских печатных изданий, калмыцких газет на русском и калмыцком языках, которые собирал А.В. Бурдуков для своих научных целей. Это дело продолжила Т.А. Бурдукова. Часть ее материалов составляют газеты на монгольском, калмыцком языках и ойратской письменности. Подборка изданий была помещена в Опись II, чтобы не разделять продолжающиеся тематические коллекции отца и дочери, нахождение их в этой описи обосновывается и крайними датами изданий, которые выходят далеко за рамки жизни А.В. Бурдукова.

Попытки разобрать личный фонд А.В. и Т.А. Бурдуковых были предприняты Н.Д. Путинцевой, которая сформировала более 100 ед. хр. Позже работа была продолжена на общественных началах сотрудниками сектора Центральной Азии ИВР РАН (И.В. Кульганек, Д.А. Носов, Н.В. Ямпольская, Т.Ю. Евдокимова). Полностью материалы были обработаны и описаны в 2017–2019 гг. м.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН, к.ф.н. С.С. Сабруковой. Систематизация документов осуществлялась при содействии с.н.с. Института истории материальной культуры РАН, к.и.н. М.В. Мандрик. Описи были утверждены на заседании Центральной экспертной комиссии Санкт-Петербургского филиала Архива РАН 19 ноября 2019 г.

Литература

- АВ ИВР РАН-1 — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 46.
- АВ ИВР РАН-2 — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Фото архив А–114.
- АВ ИВР РАН-3 — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН Ф. 165. Оп. 2. Д. 191–197 — Документы о калмыцко-русском словаре (1957–1961).
- АВ ИВР РАН-4 — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 105.
- Бурдуков 1969 — *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969.
- Бурдуков 1971 — *Бурдуков А.В.* Забытые страницы / Публикация и вступление Т.А. Бурдуковой // Страны и народы Востока. Вып. XI. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. География, этнография, история. М.: Наука; ГРВЛ, 1971. С. 316–325.
- Васильев 1935 — *Васильев Б.А.* Оборванные струны (лирические стихотворения Бо Цзюй-и, VIII в.) // Восток (первый сборник). Литература Китая и Японии. М.: Academia, 1935. С. 129–138.
- Даревская 1963 — *Даревская Е.М.* Алексей Васильевич Бурдуков (о роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. VI. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 187–217.

- Кононов, Иориш 1977 — *Кононов А.Н., Иориш И.И.* Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М.: Наука, 1977. С. 22–23, 89–91.
- Кульганек 2013 — *Кульганек И.В.* А.В. Бурдуков, монголовед трудной и интересной судьбы // *Mongolica-XI*. Сб. науч. статей по монголоведению. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 6–10.
- Нармаев 2013 — *Нармаев Б.М.* Т.А. Бурдукова: биографические материалы // *Mongolica-XI*. Сб. науч. статей по монголоведению. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 11–14.
- Сабрукова 2018 — *Сабрукова С.С.* Научная деятельность Т.А. Бурдуковой (1912–1987) (по материалам АВ ИВР РАН) // *Mongolica-XX*. Сб. науч. статей по монголоведению. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018. С. 62–66.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. 1. М.: Наука, 1988.

References

- Arkhiv vostokovedov IVR RAN. F. 165. Op. 1. Ed. khr. 46 [The Archives of the Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 165. Inv. 1. Un. 46] (in Russian).
- Arkhiv vostokovedov IVR RAN. Foto arkhiv A–114 [The Archives of the Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Photo archive A – 114] (in Russian).
- Arkhiv vostokovedov IVR RAN. F. 165. Op. 2. Un. 191–197 — The Documents of Kalmyk-Russian Dictionary (1957–1961) [The Archives of the Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 165. Inv. 2. Un. 191–197] (in Russian).
- Arkhiv vostokovedov IVR RAN. F. 152. Op. 3. Ed. khr. 105 [The Archives of the Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 152. Inv. 3. Un. 105] (in Russian).
- Burdukov A.V. *V staroi i novoi Mongolii. Vospominaniia. Pis'ma* [In Old and New Mongolia. Memoirs. Letters]. Moscow: Nauka, 1969 (in Russian).
- Burdukov A.V. “Zabytye strany” (publikatsiia i vstuplenie T.A. Burdukovoi) [Forgotten Pages (Publication and Introduction by T.A. Burdukova)]. In: *Strany i narody Vostoka*. Vyp. XI. Strany i narody Central'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii. Geografiia, etnografiia, istoriia [Countries and Peoples of the East. Issue XI. Countries and Peoples of Central, East and Southeast Asia. Geography, Ethnography, History]. Moscow: Nauka, 1971, pp. 316–325 (in Russian).
- Darevskaya E.M. “Aleksiej Vasil'evich Burdukov (o roli russkikh poselencev v izuchenii Mongolii)” [Alexey Vasilievich Burdukov (On the Role of Russian Settlers in the Study of Mongolia)]. In: *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniia*. VI [Essays on the History of Russian Oriental Studies. VI]. Moscow: Vostochnaya literatura publishers, 1963, pp. 187–217 (in Russian).
- Kononov A.N., Iorish I.I. *Leningradskii vostochnyi institut. Stranica istorii sovetskogo vostokovedeniia* [Leningrad Oriental Institute. A Page from the History of Soviet Oriental Studies]. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian).
- Kul'ganek I.V. “A.V. Burdukov, mongoloved trudnoi i interesnoi sud'by” [A.V. Burdukov — a Mongologist of Difficult and Interesting Destiny]. In: *Mongolica-XI. Sbornik nauchnykh statei po mongolovedeniiu* [Collection of Scholarly Articles on Mongol Studies]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013, pp. 6–10 (in Russian).
- Narmaev B.M. “T.A. Burdukova: biograficheskie materialy” [T.A. Burdukova: Biographical Materials]. In: *Mongolica-XI. Sbornik nauchnykh statei po mongolovedeniiu* [Collection of Scholarly Articles on Mongol Studies]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013, pp. 11–14 (in Russian).
- Sabrukova S.S. “Nauchnaya deyatel'nost' T.A. Burdukovoj (1912–1987) (po materialam AV IVR RAN)” [Scholarly Works of T.A. Burdukova (1912–1987) (From the Archives of Orientalists in

- IOM RAS)]. In: *Mongolica-XI. Sbornik nauchnykh statei po mongolovedeniiu* [Collection of Scholarly Articles on Mongol Studies]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2018, p. 62–66 (in Russian).
- Sazykin A.G. *Katalog mongol'skih rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniya Rossijskoi Akademii nauk. Tom 1* [A Catalog of Mongolian Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1988, p. 15 (in Russian).
- Vasil'ev B.A. “Oborvannye struny (liricheskie stihotvoreniya Bo Czyuj-i, VIII v.)” [Torn Strings (Lyrical Poems by Bo Ju-Yi, 8th Century)]. In: *Vostok (pervyi sbornik). Literatura Kitaia i Yaponii* [Orient (the First Collection). Literature of China and Japan]. Moscow: Academia, 1935, pp. 129–138 (in Russian).

Russian Scholars in Mongolian Studies A.V. Burdukov and T.A. Burdukova

(A Review of Their Collection at the Archives of the Orientalists, IOM RAS)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 119–134)

Received 10.02.2020.

Svtetlana S. Sabrukova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article describes the lives of A.V. Burdukov (1883–1943) and his daughter T.A. Burdukova (1912–1987) as well as the collection of documents (No. 165) housed at the archives of Orientalists in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The reviewed documents have been divided into two groups: (1) A.V. Burdukov — a collector and scholar in Mongolian language; his scholarly works and studies, biographical and work documents, personal letters, related studies by other scholars, maps between 1909 and 1991. (2) T.A. Burdukova — a scholar in Mongolian language, senior lecturer at the Faculty of Oriental Languages of Leningrad State University; her scholarly works and studies, biographical and work documents, personal letters, related works by other scholars, publications between 1932 and 1987. The present study could be of interest to researchers looking for original documents on the history of Mongolian studies in Russia.

Key words: A.V. Burdukov, T.A. Burdukova, study of Mongolian languages, literature, folklore, archives of Orientalists of the IOM RAS.

About the author:

Svetlana S. Sabrukova, Cand. Sci. (Philology), Junior Researcher, the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (ssabrukova@yandex.ru).

**Первая международная научная конференция
«Восточная рукописная книга:
вопросы кодикологии и реставрации»
(Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2019 г.)**

А.А. Туранская
Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806220010100

Ключевые слова: кодикология, рукописная книга Востока, ИВР РАН.

Статья поступила в редакцию 09.01.2020.

Туранская Анна Александровна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник подразделения Лаборатория Сериндика ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (turanskaya@mail.ru).

© Туранская А.А., 2020

4–6 декабря 2019 г. в Санкт-Петербурге состоялась Первая международная конференция «Восточная рукописная книга: вопросы кодикологии и реставрации». Организатором конференции выступил Институт восточных рукописей РАН. В оргкомитет вошли О.В. Лундышева и А.А. Туранская, в непосредственном проведении мероприятия принимали участие и другие сотрудники Института.

В конференции, приуроченной к 70-летию основания Реставрационной лаборатории ИВР РАН, приняли участие 30 ведущих специалистов по восточной книге из России, Германии, Японии, Македонии, Турции, Казахстана и Нидерландов. Рабочим языком конференции был английский.

Доклады (длительностью 20 минут) были посвящены анализу отдельных аспектов рукописных памятников народов Востока, а также новейшим методам их исследования с точки зрения кодикологии. Особое внимание было уделено вопросам реставрации, являющейся неотъемлемой частью изучения рукописей (в частности, материалам и методам, используемым в процессе реставрации восточных рукописей, и новым открытиям и подходам к изучению рукописей в связи с их консервацией).

Торжественное открытие конференции состоялось 4 декабря 2019 г. в Зеленом зале Института. На церемонии с приветственным словом выступила директор ИВР РАН, член-корреспондент РАН И.Ф. Попова. Она подчеркнула две основные цели конференции: во-первых, представить научному сообществу новейшие результаты и современные методы кодикологического исследования рукописной книги Востока, что позволит выделить типологически схожие черты рукописных памятников различных регионов, во-вторых, обсудить новейшие методы реставрации, позволяющие по-новому подойти к их изучению. И.Ф. Попова вручила памятную медаль имени Х.Д. Френа, первого директора Азиатского Музея (1818–1842), почетному профессору Свободного университета П. Циме за выдающиеся достижения в изучении культурного наследия тюркских народов и многолетнее сотрудничество с ИВР РАН.

В пленарном заседании приняли участие три ведущих специалиста из немецких центров исследований рукописных памятников Центральной Азии. Сотрудник Гёттингенской академии наук, доктор С.-К. Рашман выступила с докладом «Форма книги как подсказка для идентификации текста» (*Book format as a key for identification?*), в котором был представлен новый подход к исследованию и работе с рукописными фрагментами на древнеуйгурском языке. Доклад П. Циме был посвящен уникальному рукописному списку «Сутры золотого блеска» на древнеуйгурском языке из коллекции ИВР РАН (*Notes on a peculiar manuscript of the Old Uyghur Altun Yaruk sudur*), который был найден А.А. Дьяковым во время археологических раскопок в Астане (Турфан, 1913–1915). Профессор Института иранистики Свободного университета Берлина Д. Дуркин-Майстерэрнст в своем докладе познакомил коллег с результатами исследований манихейских рукописей, хранящихся в Турфанской коллекции в Берлине (*The Manichean texts and their formats in the Berlin Turfan Collection*).

Дальнейшая работа конференции проходила в формате различных заседаний и мастер-классов. Доклады утреннего заседания были посвящены рукописным и печатным памятникам различных восточных регионов. Профессор Токийского университета иностранных исследований С. Аракава сделал обзор коллекций тангутских книг в Японии и рассказал о свитке, части которого хранятся в Японии и США (*The Tangut scroll in Japan*). Затем прозвучали два доклада о не изученных ранее тюркских и некоторых других памятниках из отечественных коллекций: директор Государственного музея Востока И.В. Зайцев сообщил о работе по каталогизации арабских, персидских и турецких книг в Ивановском государственном историко-краеведческом музее им. Д.Г. Бурлыгина г. Иваново (*Cataloguing of Arabic, Persian and Turkish manuscripts, documents and old printed books at the Regional museum in Ivanovo*), а сотрудник Института востоковедения РАН Т.А. Аникеева — о турецких рукописях в Ялтинском историко-литературном музее (*On Turkic manuscripts at the Yalta museum of history and literature*).

Дневное заседание было посвящено вопросам реставрации рукописных книг. Ведущий реставратор ИВР РАН Л.И. Крякина рассказала об истории реставрационной лаборатории Института (*On the history of conservation laboratory of the IOM, RAS*). Доклад сотрудника отдела реставрации Национальной и университетской библиотеки Святого Климента Охридского в Скопье М. Кавчич был посвящен проблемам реставрации тонированной бумаги арабографических рукописей из коллекции Македонии (*The Curse of Beauty: the tinted Paper in the Oriental manuscripts of the National and*

university library "St. Kliment of Ohrid"). К. Колини из Гамбургского университета познакомила участников с результатами осуществленного ею исследования чернил доисламских рукописей Центральной Азии (*Fifty shades of black: typologies and terminology of black inks in the light of new discoveries*). Сотрудник негосударственной реставрационной лаборатории Милана «Open Care — Servizi per l'arte» М. Фалио сделал доклад о реставрации мамлюкской рукописи из частной коллекции (*Conservation of a Mamluk manuscript: approach and decision making for its original structure preservation*). Реставратор из Нидерландов А. Куврат-Десверне рассказала о традиционной технике декупажа, используемой для декорирования иранских рукописных книг (*Qāt'i or the Unseen: an insight into the technique of découpage of manuscripts from Iran*); исследовательница Университета Рюоку Чин Чао-цзун — о хлопковых волокнах в бумаге доисламских рукописей, фрагменты которых были обнаружены на территории Синьцзяна (*Cotton fibres within pre-Islamic paper fragments unearthed from Xinjiang, China*). Ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа А.Д. Притула представил доклад о подделках арабографических рукописей начала XX в. (*Manuscript conservation or fabrication of fakes? Alqosh, early 20th century*).

Второй день, 5 декабря, начался с посещения выставки эфиопских рукописей из коллекции ИВР РАН, специально организованной для участников конференции. За этим последовало утреннее заседание, на котором сотрудник ИВР РАН Е.В. Гусарова сделала доклад о современных кодикологических исследованиях эфиопских рукописей (*The state of modern Ethiopian codicology: an overview*), а сотрудники Российской национальной библиотеки О.М. Ястребова и О.В. Васильева — доклады о переплетах персидских рукописных книг (*Three stamped bindings from Berlin, St. Petersburg and London; Towards the classification of the 15th–16th centuries Persian artistic bindings: on the manuscripts from the National Library of Russia's collections*).

На дневном заседании выступил сотрудник Института востоковедения РАН Н.И. Сериков с сообщением о попытках каталогизации христианской арабографической литературы в позднем Средневековье (*Some late Medieval attempts to include Christian Arabic literature into the "Islamic virtual library catalogue"*). О некоторых проблемах изучения тохарских рукописей рассказал профессор Лейденского университета М. Пейро (*The Tocharian so-called "Fremdvokal" ä*). Древнеуйгурским документам и рукописям были посвящены выступления профессоров Гёттингенского университета М. Вера (*The Old Uyghur profane documents: their codicology and palaeography*) и Стамбульского университета М. Олмеза (*On Old Uyghur Xuanzang manuscript according to St. Petersburg, Paris and Beijing libraries*).

6 декабря участники конференции посетили выставку раннепечатных арабографических книг из коллекции Института. На утреннем заседании выступили сотрудники ИВР РАН А.А. Сизова и О.В. Лундышева с докладом о кодикологических особенностях рукописных подделок в Сериндийской коллекции Института (*The Codicology of the "Serindian" forgeries kept at the IOM, RAS*). Научный сотрудник Государственного Эрмитажа П.Б. Лурье и профессиональный каллиграф К. Тарханов (Усть-Каменогорск, Казахстан) рассказали об уникальных манихейских миниатюрах, которые хранятся в ИВР РАН (*Fragments of Manichean miniatures and calligraphy in the IOM RAS collection*). Корейским рукописным письменным памятникам эпохи Чосон был посвя-

шен доклад преподавателя Санкт-Петербургского университета А.А. Гурьевой (*Korean manuscripts of late-Joseon in relation to reading culture (based on Saint Petersburg collections)*).

На завершающем заседании сотрудник ИВР РАН Т.А. Пан рассказала о географическом атласе империи Цин, созданном иезуитом Маттео Рипой (*The Atlas of the Qing dynasty printed by Matteo Ripa*). Доклад аспирантки Кембриджского университета Цзин Фэн был посвящен рукописным книгам-кодексам из Дуньхуана и Турфана (*From Scroll to Codex: Some examples from Dunhuang and Turfan manuscripts*). Сотрудники ИВР РАН А.В. Зорин и А.А. Туранская в своих сообщениях рассказали о некоторых тибетских книгах из коллекции Института (*Some textological aspects of the study of two 18th century Kalmyk scrolls in Tibetan; Tibetan books from Khara-khoto in the collection of the IOM, RAS*).

Для участников конференции была подготовлена культурная программа, включавшая осмотр постоянной экспозиции рукописей из коллекции ИВР РАН, а также посещение Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Государственного Эрмитажа. Кроме того, в рамках конференции состоялись два мастер-класса, организованные ведущим реставратором ИВР РАН Л.И. Крякиной. На первом из них, проведенном 5 декабря, участники конференции попробовали себя в роли раннесредневековых книжников и собственными руками изготовили книги трех форматов, характерных для центральноазиатской и дальневосточной книжных традиций, таких как свиток, гармоника и книга-«бабочка». На втором, состоявшемся 6 декабря, Л.И. Крякина продемонстрировала новейшие методы исследования бумаги и шелка (традиционных материалов, используемых для изготовления рукописей) при помощи электронной сканирующей микроскопии. В рамках Конференции также состоялся уникальный мастер-класс, посвященный редчайшему манихейскому письму. Профессиональный каллиграф и исследователь древних текстов К. Тарханов помог всем присутствующим освоить технику писания каламом.

На заключительном заседании были подведены итоги конференции. И.Ф. Попова отметила широкий диапазон затронутых в рамках заседаний тем докладов, а также оживленность научных дискуссий, продемонстрировавшую заинтересованность участников в предложенных для обсуждения проблемах, актуальность поднимавшихся вопросов для понимания истории рукописной книги народов Востока. Конференция предоставила возможность ученым-кодикологам обменяться сведениями о новейших достижениях российских и зарубежных научных центров, занимающихся изучением рукописных памятников различных регионов и исторических периодов, и наметить некоторые пути их дальнейших исследований.

**The First International Conference “Oriental Manuscripts:
The Issues of Codicology and Conservation”**

(St. Petersburg, December 4–6, 2019)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 135–139)

Received 09.01.2020.

Anna A. Turanskaya

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18,
St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: codicology, Oriental manuscripts, IOM, RAS.

About the author:

Anna A. Turanskaya, Cand. Sci. (Philology), Junior Researcher, Laboratory “Serindica”, IOM RAS
(turanskaya@mail.ru).

**Четвертая международная научная конференция
«Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем»
памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014)
(Санкт-Петербург, 12–13 февраля 2020 г.)**

Д.А. Носов

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806220010112

Ключевые слова: конференция, тюркология, монголоведение, маньчжуроведение, история науки.

Статья поступила в редакцию 11.03.2020.

Носов Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (dnosov@mail.ru).

© Носов Д.А., 2020

12–13 февраля 2020 г. в Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН (Азиатском Музее) прошла конференция памяти знаменитого отечественного тюрколога Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) — «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем». Сергей Григорьевич на протяжении почти 50 лет, с 1964 по 2013 г., руководил подразделением ЛО ИВ АН СССР/ ИВР РАН, которое отвечало за исследования как в области тюркологии, так и монголоведения, — Тюрко-Монгольским кабинетом, переименованным в 1978 г. в сектор тюркологии и монголистики. Поэтому на форум поступили доклады по археологии, истории, литературе как тюркских, так и монгольских народов, а также по истории науки. В 28 выступлениях научному сообществу были представлены результаты междисциплинарных исследований тюрко-монгольского мира, которые проводились с учетом методик классического востоковедения, заложенных Сергеем Григорьевичем.

Первым докладчиком стала директор ИВР РАН, член-корр. РАН, д.и.н. И.Ф. Попова, поделившаяся воспоминаниями об общении с выдающимися ленинградскими—

петербургскими востоковедами второй половины XX в. — Е.И. Кычановым (1932–2013), О.Ф. Акимушкиным (1929–2010), Л.Н. Меньшиковым (1926–2005) и другими, среди которых видное место занимал С.Г. Кляшторный. Заседание продолжила зав. сектором Центральной Азии ИВР РАН, д.ф.н. И.В. Кульганек, бок о бок работавшая с Сергеем Григорьевичем. Зав. кафедрой Центральной Азии и Кавказа, проф., д.и.н. Т.И. Султанов рассказал о своей работе с 1974 по 1997 г. в ЛО ИВ АН СССР под руководством С.Г. Кляшторного. Гл.н.с. ИЯЗ РАН (г. Москва), д.ф.н., проф. И.В. Кормушин представил доклад о формировании литературного языка орхонских и других рунических памятников на основе древнетюркских диалектов. Д.ф.н., проф. кафедры тюркской филологии СПбГУ В.Г. Гузев выступил с докладом «О консонантном дуализме в тюркской рунике», предложив ряд доводов в пользу гипотезы об автохтонном генезисе древнетюркского рунического письма.

Прозвучавшие в течение двух дней доклады можно разделить на шесть тематических групп.

Первая группа касалась тюркской филологии. К.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии СПбГУ М.Э. Дубровина выступила с сообщением «Особенности реализации графем для передачи гласных в орхонских надписях». Исследователь предположила, что употребление вокалических графем в древнетюркском руническом письме не носило систематического характера. Д.ф.н., проф. Казанского федерального университета А.Ш. Юсупова представила характеристику двух учебных словарей татарского языка, составленных в XIX в. И. Гигановым и С. Кукляшевым. Вопрос о взаимовлиянии литературы и фольклора был затронут в докладе к.ф.н., доцента Казанского федерального университета Г.Р. Мугтасимовой «Паремиологические единицы татарского языка и письменное наследие тюркского поэта Юсуфа Баласагуни». В нем были представлены результаты сравнительного анализа татарских народных паремий и соответствующих выражений из сочинения «Кутадгу билиг». Об изучении писцовых книг, татарских шеджере (родословных) и списков Управления ЗАГС Кабинета министров Республики Татарстан сообщила д.ф.н., проф. Казанского Федерального университета Г.Р. Галиуллина в докладе «Древнетюркское личное имя в современном татарском ономастиконе».

Группа докладов по истории, археографии и археологии тюркских народов состояла из четырех сообщений. Гости из Стамбульского университета (Турецкая Республика) Dinçer Koç (Assoc. Prof., Ph.D.) и Kürşat Yıldırım (Assoc. Prof., Ph.D.) рассказали об особенностях употребления этнонима «Татар» в китайских исторических источниках. К.и.н., доц. Казанского колледжа строительства, архитектуры и городского хозяйства В.В. Аксёнов обратился к русским историческим сочинениям XIV–XVII вв. Опираясь на данные 11 летописных сводов, он выявил три династии половецких ханов и восстановил иерархию подчиненного им общества. Археографическое и тематическое описание документов на крымско-татарском и турецком языках из архива общественного и политического деятеля Абдурешиды Медиева (1880–1912), хранящегося в Музее Тавриды в Симферополе, представил руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН, д.и.н., проф. РАН И.В. Зайцев. К.ф.н., доцент Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (г. Бишкек) Т.К. Абдиев и профессор того же университета, к.и.н. К.Ш. Табалдыев поделились сведениями о сделанной ими в 2018 г. в селе Саргата (Токтогульский р-н Республики Кыргызстан) находке — хуме (керамическом сосуде), содержащем руноподобную надпись.

Два доклада были посвящены материалам на уйгурском языке из Сериндийского фонда ИВР РАН. М.н.с. ИВР РАН О.В. Лундышева рассказала об уникальном фрагменте, написанном разновидностью письма уйгурское брахми, для которого удалось реконструировать сюжет. К.ф.н., м.н.с. ИВР РАН А.А. Туранская представила палеографическое и кодикологическое описание листов списка буддийской сутры «Алтун ярук» на уйгурском языке, приобретенного С.Е. Маловым (1880–1957) в 1910 г.

Самой многочисленной стала четвертая группа докладов, которые затронули вопросы истории науки. К.ф.н., с.н.с. ИВ РАН (г. Москва) Т.А. Аникеева сообщила о неопубликованной работе знаменитого китаиста и тюрколога Вольфрама Эберхарда (1909–1989) «О сказаниях „Деде Коркут“», рассматривающей рассказы из знаменитого памятника с позиций сравнительно-типологической фольклористики. М.н.с. ИВР РАН М.А. Козинцев в докладе «Сотрудник Турецкого кабинета ИВ АН А.Е. Мочанов: жизненный путь и проблематика исследований» представил пример реконструкции научной биографии отечественного востоковеда первой половины XX в. Жизнь и деятельность специалиста по истории Крыма и Турции Алексея Ефимовича Мочанова (1899–1940) наглядно демонстрируют большинство процессов, протекавших в гуманитарной науке Советской России между Гражданской и Великой Отечественной войнами. М.н.с. Библиотеки Российской академии наук (г. Санкт-Петербург) О.Н. Курова, опираясь на тексты хранящихся в СПбФ АРАН рецензий Я.И. Шмидта (1779–1847) и Ф.И. Круга (1764–1844), выявила все критические замечания, которые члены Российской академии наук предъявили работе австрийского ориенталиста Йозефа фон Хаммера-Пургштала (1774–1856) по истории Золотой Орды. М.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова Д.В. Сапрынская и независимый исследователь И.В. Соколовский в докладе «„Заметки о Хами“ Ю.А. Скавронского как исторический источник о Синьцзяне первой половины XX в.» рассказали о малоизвестных воспоминаниях советского агента, работавшего в Западном Китае с 1932 по 1935 г. М.н.с. Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары) А.С. Сараев провел сравнительный анализ взглядов А.Н. Бернштама (1910–1956), С.Г. Кляшторного и Л.Н. Гумилева (1912–1992) на вопрос о происхождении тюркских языков. В результате исследования выявил наличие ранее незамеченных взаимосвязей между работами ученых, которые и представил в выступлении «Происхождение тюркоязычия в евразийских степях в представлении историков-кочевниковедов середины — второй половины XX в.». Д.ф.н., зав. отделом языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН Ф.Г. Хисамитдинова сделала доклад «С.Г. Кляшторный и изучение тюркской мифологии», продемонстрировав важную роль в развитии фольклористики и культурной антропологии, которую сыграла впервые описанная Сергеем Григорьевичем трехъярусная схема мироздания у тюрков. К.ф.н., доц. Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста) С.Н. Цеденова рассказала о роли выпускника аспирантуры ИВ АН СССР, выдающегося филолога Андрея Васильевича Бадмаева (1939–2020) в деле сохранения и популяризации памятников на широко распространенном среди калмыков «ясном письме» (тодо бичиг). Д.и.н., в.н.с. СПбФ ИИЕТ РАН Т.И. Юсупова представила характеристику целей и результатов поездок в Турцию, которые совершили в 1920–1930-е годы В.В. Бартольд (1869–1930), А.Н. Самойлович (1880–1938), Н.Я. Марр (1865–1934), Х.З. Габидуллин (1897–1937) и И.И. Мещанинов (1883–1967).

Различные аспекты монголоведения были затронуты в четырех докладах. К.биол.н., к.и.н., с.н.с. ИВ РАН (г. Москва) Ю.И. Дробышев в своем выступлении «Упоминания Чингис-хана в русских летописях» вынес предположение о причинах крайне редкого обращения к фигуре предводителя монголов в исторических сочинениях на Руси. Аспирантка ИВР РАН Д.Д. Селюнина представила доклад «*Küçün* и социальная иерархия в картине мира монголов XVI–XVII вв.», в котором на базе анализа одного термина показала отличия в картине мира монголов XVII в. от представлений времен Великой империи. Д.и.н., зав. Отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН Т.Д. Скрынникова рассказала о заметной роли *elçi* («посланников») в административной системе Халхи XVIII в. Согласно выводам исследователя, они не только передавали информацию о различных событиях, но и осуществляли функции судебных приставов. В русле классической текстологии был выполнен доклад к.ф.н., доц., с.н.с. ИВР РАН Н.С. Яхонтовой «Ойратская версия истории о Молон-тойне — перевод с тибетского?». Исследователь выделила ряд отдельных слов в ойратском тексте популярного произведения о хождении в ад, которые указывают на связь с тибетской версией.

Особое место занял доклад к.и.н., зав. Отделом Дальнего Востока ИВР РАН Т.А. Пан «Варианты легенды о происхождении маньчжурского императорского рода Айсинь-Гиоро», в котором исследователь указала на наличие ранних версий легенды о чудесном рождении прародителя рода императоров из династии Цин. В данной версии присутствует глава шаманского пантеона маньчжуров — Абкай хан, который инициирует чудесное рождение Букури Йоншоня. Варианты легенды, помещенные в официальные исторические источники второй половины XVIII в., используемые современными европейскими исследователями, Абкай хана не упоминают. Это, по мнению докладчика, указывает на наличие редакции данной легенды конфуцианскими историографами.

К.и.н., ст. преподаватель СИУ РАНХиГС (г. Новосибирск) Д.П. Шульга прислал на конференцию стендовый доклад «Несторианский могильник династии Юань в хошуне Дархан-Муминань (Внутренняя Монголия)». Захоронение было сделано между 1323 и 1328 гг. и впоследствии разграблено, однако сохранился христианский надгробный памятник с трехязычной надписью на китайском, монгольском и сирийском языках.

Все доклады вызвали большой научный интерес и обмен мнениями. Конференция продемонстрировала развитие всех исследовательских направлений, обозначенных в трудах С.Г. Кляшторного.

**The Fourth International Academic Conference
“The Turko-Mongol World: Past and Present”
in Memory of Sergei G. Klyashtorny (1928–2014)
(St. Petersburg, February 12–13, 2020)**

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 1 (issue 40), pp. 140–144)

Received 11.03.2020.

Dmitrii A. Nosov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: conference, Turkology, Mongolian studies, Manchurian studies, history of Oriental studies.

About the author:

Dmitrii A. Nosov, Cand. Sci. (Philology), Researcher, the Department of Central Asian and South Asian Studies IOM RAS (dnosov@mail.ru).

Рецензия на книгу:

Песни Великого спокойствия при южном ветре /

Пер. с кор. А.А. Гурьевой. —

СПб.: Гиперион, 2019. — 284, [4] с. —

(Традиционная литература Кореи. Собрание бестселлеров). —

ISBN 978-5-89332-343-6.

Ю.В. Болтач

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806220010124

Ключевые слова: эпоха Чосон, традиционная поэзия на корейском языке, *сичжо*, *чапка*, *каса*, «Песни Великого спокойствия при южном ветре» (*Намхун тхэпхён-га*).

Статья поступила в редакцию 23.12.2019.

Болтач Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (julia.boltach@gmail.com).

© Болтач Ю.В., 2020

В минувшем году в серии «Традиционная литература Кореи. Собрание бестселлеров», публикуемой санкт-петербургским издательством «Гиперион», увидел свет долгожданный перевод памятника из собрания ИВР РАН — ксилографа В 2/4 (разд. 3) *Намхун тхэпхён-га* 南薰太平歌 («Песни Великого спокойствия при южном ветре»), выполненный Анастасией Александровной Гурьевой.

Как известно, корейская литература на протяжении всей своей истории распадалась на два потока: корееязычный и китаеязычный. Переведенный А.А. Гурьевой памятник, несмотря на свое китайское название, принадлежит к первому из них. Это составленная в 1863 г. антология стихотворений XIV–XIX вв., в которую включены произведения в жанрах *сичжо* 時調 ‘напевы [нашего] времени’ (трехстрочные стихотворения), *чан-сичжо* 長時調 ‘длинные *сичжо*’ (*сичжо* с удлиненной второй строкой), *каса* 歌辭/歌詞 ‘напевные строфы’ (поэмы без строфического членения) и *чапка*

雜歌 ‘смешанные песни’ (поэтические тексты, составленные из стилистически разнородных частей). А.А. Гурьева отмечает, что неизвестный составитель этого памятника «учитывал вкусы новой читательской аудитории, которая сформировалась в XIX веке и состояла из представителей разных сословий» (с. 5), а также указывает на существование предположения, что сборник был создан для нужд *кисэн* — певиц и танцовщиц, развлекавших мужчин своим искусством (с. 8). Антология включает в себя как классические образцы корейязычной поэзии, принадлежащие кисти известных литераторов, так и анонимные новейшие стихи. С содержательной точки зрения это преимущественно лирика — философская, пейзажная и любовная, а также стилистически «сниженная» юмористическая поэзия. Несмотря на то что эти произведения написаны на корейском языке, в них широко используется китайская образность, присутствуют аллюзии на китайские сочинения и упоминаются имена китайских героев, не говоря уже о том, что некоторые включенные в сборник тексты представляют собой корейские переводы произведений китайских авторов. Кроме того, язык стихотворений содержит большое количество лексических заимствований из китайского языка. Во вводной статье (отметим сразу — содержащей исчерпывающую литературоведческую характеристику памятника, более чем достаточную для популярного художественного издания) А.А. Гурьева излагает историю формальной и содержательной эволюции представленных в переведенном ею сборнике стихотворных жанров, отмечая, что эта антология являет собой «окно в мир другой эпохи, современному читателю она дарит возможность познакомиться с тем, как видели мир корейцы во второй половине XIX века. На полотне вошедших в антологию текстов изображена картина мира того времени» (с. 38). Это наблюдение А.А. Гурьевой, по нашему мнению, удачно намечает возможные пути дальнейшего исследования антологии — уже не как художественного произведения, а как источника по истории Кореи конца эпохи Чосон. Данный памятник действительно дает нам не *объективный* срез идеологической ситуации последних десятилетий существования государства Чосон (1392–1910), а представляет ее *субъективно* — в том ракурсе, в каком ее хотели бы видеть авторы стихотворений, составитель сборника и его потенциальные читатели. Поясним сказанное на примере, относящемся к области религии (соответственно специальности автора этих строк, религиоведа по образованию). При знакомстве с антологией обращает на себя внимание то, что стихи, имеющие выраженную религиозно-идеологическую окраску, написаны почти исключительно¹ с позиций неоконфуцианства — учения Конфуция в интерпретации китайского философа Чжу Си (1130–1200), которое являлось официальной идеологией государства Чосон². Но значит ли

¹ Следует сделать оговорку, что в некоторых текстах (с. 94, 215, 223, 268–269) упоминаются буддийские реалии, но эти стихи не имеют никакого отношения к буддизму как идеологической системе: первое из них представляет собой шуточную песню, второе и четвертое — любовную лирику, а третье — пейзажную зарисовку. Еще одно стихотворение (с. 228) — это прямая антибуддийская сатира, высмеивающая монашеские обеты. Есть также одно случайное упоминание шаманки (с. 261), но опять-таки не в религиозном контексте.

² А.А. Гурьева отмечает в сборнике также даосские мотивы (с. 10–11), но применительно к Корее мы бы не стали выделять даосизм как отдельную религиозно-философскую систему, поскольку там он никогда (за исключением очень короткого периода на закате государства Когурё в VII в.) не практиковался как самостоятельное учение — не говоря уже о том, что само по себе противопоставление даосизма и конфуцианства с религиозноведческой точки зрения представляется не вполне корректным. В действительности, это две грани единой национальной китайской религии, имеющие общее происхождение, не-

это, что в Корее в эту эпоху не были распространены другие религиозные доктрины? Разумеется нет, поскольку в XIX в. там широко практиковались и буддизм, и христианство, и шаманизм. Первая из перечисленных религий была признана властями еще в IV в. и на протяжении последующего тысячелетия пользовалась мощной поддержкой государства, но в эпоху Чосон уступила свой официальный статус неоконфуцианству, сохранив, однако, распространение среди простолюдинов и женщин (в том числе из знатных домов). Что касается христианства, то оно проникло в Корею в XVIII в. при посредничестве местных ученых, которые ездили в Пекин с посольствами и привозили оттуда, в частности, переведенную иезуитами на китайский язык католическую литературу. Глубокий идеологический, политический и экономический кризис, в котором оказалась Корея к концу периода Чосон, заставлял искать альтернативу неоконфуцианской идеологии, и поэтому христианство начало быстро распространяться среди населения, несмотря на жестокие гонения и даже казни, которым власти подвергали последователей этого иноземного учения. Наконец, шаманизм представляет собой национальную корейскую религию, отношение к которой со стороны неоконфуцианского чиновничества было резко негативным, но она, как и буддизм, пользовалась поддержкой простого народа. Таким образом, антология отражает не реальную религиозно-идеологическую ситуацию в Корее эпохи Чосон, а ту «правильную» картину мира, которую хотели бы видеть читатели (или слушатели) включенных в этот сборник текстов. Трудно сказать, что стоит за этим — то ли сугубо конфуцианский склад ума безымянного составителя этой книги, то ли его вполне естественное для кризисной эпохи нежелание видеть реальность, то ли, напротив, его стремление выправить ситуацию в стране силой поэтического слова и вернуть мир к блаженным временам мифического государя Шуня, чья песня о южном ветре была способна обеспечить Поднебесной состояние великого спокойствия. В таком «правильном» мире могут проявляться не более чем отдельные недостатки (отраженные в стилистически и содержательно «сниженных» юмористических и сатирических стихотворениях), которые лишь оттеняют общее идеальное состояние общества и вызывают только смех. Попутно заметим, что традиция создания «сниженных» текстов, высмеивающих «неправильное поведение» людей, существовала в корейской литературе и ранее — в качестве примера можно указать на прозаический жанр *ихэсоль* 稗說 «пустые речения».

Возвращаясь к вводной статье рецензируемого издания, отметим, что А.А. Гурьева проделала огромную работу по расшифровке системы художественных образов, используемой в переведенном ею памятнике. Введение и комментарии содержат массу полезной информации, облегчающей читателю-востоковеду (да и востоковеду тоже) понимание включенных в антологию стихотворений и свидетельствующей о большой эрудиции переводчика.

Вводная статья завершается обзором изданий памятника на языке оригинала и его частичных переводов на русский язык.

разрывно связанные друг с другом на протяжении всей своей истории и обладающие пересекающимися пантеонами и корпусами священных текстов. Встречающееся в литературоведческих исследованиях противопоставление конфуцианского и даосского мировоззрения в рамках антитезы «цивилизация vs. природа» также является определенным упрощением — достаточно вспомнить, например, что в конфуцианстве имела развитая традиция отшельничества, в то время как некоторые школы даосизма активно стремились к обретению светской власти и переустройству общества на своих началах.

Что касается непосредственно стихотворений (сборник включает 224 *сичжо*, 1 *чанка* и 6 *каса*), то следует отметить, что в отечественном востоковедении существуют разные подходы к вопросу о том, чему следует отдавать предпочтение при переводе стихов на русский язык — верности букве оригинала или же соблюдению требований русской поэтики. А.А. Гурьева смогла найти удачный баланс между этими крайностями, предложив читателю изящные и легко читающиеся переводы, полностью соответствующие нормам русского стихосложения, но при этом близкие к оригиналу и позволяющие вполне прочувствовать завораживающую красоту и тонкий «аромат» классического корейского стиха, а также оценить юмористический тон шуточных стихотворений. С формальной стороны, весьма удачной находкой переводчика можно считать введение рифм или аллитераций в некоторые стихотворения, придающее этим поэтическим текстам ощущение цельности и завершенности (с. 54, 111, 158, 185, 205, 216, 231 и др.). В целом, чтение этого сборника может быть не только весьма интересным и познавательным делом, но и доставить большое художественное наслаждение. По нашему мнению, вполне можно поздравить переводчика с большой творческой удачей и высказать уверенность, что эта книга по праву займет почетное место в ряду переводов корейской традиционной литературы, выполненных отечественными корееведами.

В заключение скажем несколько слов о технической стороне издания. Текст прекрасно вычитан и отличается красивой и легкой для восприятия версткой. Очень удобно постраничное размещение сносок. Удачно выбран и дизайн обложки, для которой использован фрагмент известной картины Инчжэ Кан Хиана (1419?–1464) с изображением благородного ученого, созерцающего поток, а цветовая гамма напоминает о характерном коричневато-желтом цвете обложек традиционных корейских изданий.

Оценивая книгу в целом, еще раз отметим, что эта публикация выполнена на высоком уровне и, безусловно, будет интересна и полезна самому широкому кругу читателей — от людей, просто интересующихся Кореей и ее традиционной культурой, до специалистов-корееведов.

Review of the book:

Songs of the Great Peace at South Wind. Tr. from Korean
by A.A. Gur'eva.

St. Petersburg: Hyperion, 2019. 284, [4] pp.

(Traditional Literature of Korea. A Collection of Bestsellers).

ISBN 978-5-89332-343-6 (in Russian).

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 3 (issue 38), pp. 145–149)

Received 23.12.2019.

Julia V. Boltach

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Joseon dynasty, traditional vernacular Korean poetry, *sijo*, *japga*, *gasa*, *Songs of the Great Peace at South Wind (Namhun taepyeong-ga)*.

About the author:

Julia V. Boltach, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (julia.boltach@gmail.com).

Эдуард Наумович Тёмкин (1928–2019)

DOI: 10.7868/S1811806220010136

13 декабря 2019 г. в возрасте 91 года ушел из жизни известный ученый-индолог Эдуард Наумович Тёмкин, почти полвека отдавший работе в востоковедении.

Эдуард Наумович родился 13 мая 1928 г. в г. Полтаве в семье служащих. В 1952 г. окончил с отличием Восточный факультет Ленинградского государственного университета по специальности «история зарубежного Востока». В течение последующих четырех лет он по распределению работал учителем истории в средней школе в Донбассе, в г. Снежное.

По возвращении в Ленинград в 1957 г. был зачислен на должность хранителя в рукописный отдел Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН). Он овладевал навыками в области манускриптологии под началом Ксении Борисовны Старковой (1915–2000).

В 1963 г. вышло из печати подготовленное Э.Н. Тёмкиным факсимильное издание уникальной рукописи из собрания Института — «Бхаванакрама» («Трактат о созерцании») Камалашилы (VIII в.). В качестве предисловия к изданию был использован перевод на русский язык статьи Е.Е. Обермиллера.

В 1972 г. Э.Н. Тёмкин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Бхамаха. Трактат об искусстве словесности (вопросы датировки памятника и мировоззрения автора)» по специальности «литература народов Азии». В 1975 г. была опубликована монография по теме диссертации «Мировоззрение Бхамахи и датировка его трактата „Кавья-аланкара“».

Э.Н. Тёмкин более двух десятилетий занимал должность ученого секретаря Института. Много лет был ответственным секретарем редколлегии академической издательской серии «Памятники письменности Востока», входил в состав редколлегии коллективных монографий, подготовленных сотрудниками Института.

Немало сделал Эдуард Наумович для популяризации древнеиндийской словесности. Совместно с известным ленинградским ученым-санскритологом В.Г. Эрманом (1928–2017) с 1960-х годов им были подготовлены литературные переложения древнеиндийского эпоса и мифологии: «Махабхарата, или сказание о великой битве потомков Бхараты» (1963); «Рамаяна» (1965); «Мифы Древней Индии» (1975); «Три великих сказания Древней Индии» (1978). Эти работы затем многократно переиздавались.

В содружестве с академиком Г.М. Бонгард-Левиным (1933–2008) и М.И. Воробьевой-Десятовской он участвовал в издании хранящихся в собраниях Института памятников индийской письменности из Центральной Азии.

Свой трудовой путь в Институте Эдуард Наумович завершил в 2004 году.

кандидат философских наук
Т.В. Ермакова

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» издается четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51>

Над номером работали:

Т.А. Аникеева, А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, М.П. Горшенкова,
А.Е. Танчарова, И.И. Чернышева, Н.Н. Щигорева

**К сведению читателей журнала
«Письменные памятники Востока»**

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

---

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90 — <https://naukapublishers.ru>

Подписано к печати 10.06.2020. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,3

Усл. кр.-отт. 13,6. Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 500 экз. Зак. №

Отпечатано: ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6

**К авторам журнала
«Письменные памятники Востока»**

Редакция и редколлегия журнала «Письменные памятники Востока» приглашают российских и зарубежных авторов направлять в журнал статьи, посвященные проблемам изучения памятников письменности Востока, отражающие результаты исследований источников по литературе, религии, культуре, этнографии Азиатского региона, а также содержащие публикации текстов, переводы и исследования письменных памятников из российских и зарубежных собраний рукописей, библиотек, архивов и музеев.

Правила оформления рукописей представлены на сайтах Института восточных рукописей РАН: www.orientalstudies.ru и Издательства «Восточная литература»: www.vostlit.ru

По вопросам публикации просим обращаться в редакцию журнала.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

Тел.: (812) 315-87-28. Факс: (812) 312-14-65. E-mail: ppv@orientalstudies.ru

